

Диана Хант

Право лорда

Глава 1

Настоящее время, герцогство Нагшас

Из Рамиры и Гресты я, подумав, выбрала Гресту. Рамира как-то слишком уж быстро «переобулась», стоило нам прибыть в дом «жениха». И говорила только о том, что люди не вдали насчёт легендарного богатства нагшасов, и о самом герцогстве Нагшас тоже не вдали. Греста же хмурилась, была собранной, настороженной. Эдакая подозревающая всех и вся старая ворона.

В общем, как только Рамира вышла за чем-то, я призналась.

И облегчённо выдохнула, когда Греста не принялась осенять себя знаком Безликой, размахивать руками и орать, что леди Катлин, оказывается, никакая не леди вовсе, а самозванка.

Вместо этого служанка поджала губы и посмотрела на меня по-новому, даже кивнула своим мыслям, словно что-то такое и предполагала. Но винить женщину за излишнюю подозрительность было бы нечестно. Несмотря на то, что я старалась, а не будешь тут стараться, как же, иномирян здесь, мягко говоря, на кострах жгут, так ведь и мы с леди Катлин, несмотря на внешнее сходство, всё же разные. От слова совсем.

— Значит, иномирянка, — протянула Греста, не очень, впрочем, удивившись.

Я только руками развела.

Теоретически, даже если Греста сейчас подымет хай на весь дом, не так много я теряю. Солнце уже в зените, скоро зной пойдёт на спад. А после того, как солнце сядет, меня поведут к жениху.

То есть уже к мужу.

— Плохо твоё дело, — моментально перешла на «ты» Греста. — Если это правда, и ты из другого мира, Тхрагорский убьёт тебя, даже не чихнёт.

Ну вот почему меня это ни капли не удивляет?!

Наверное, потому, что с самого плена, пардон, «приглашения» в Нагшас только и разговоров было о том, что лорд Нагшаса проклят. Что лицо его покрыто шрамами, а тело — змеиной чешуёй. Что нет воина сильнее-быстрее-лучше и анарха смертоноснее и безжалостнее, чем его анарх...

Что такое анарх я понятия не имела, как и того, правду говорят, или брешут.

Одно было ясно, как день: это самое проклятие не помешало лорду взять в жёны вдову побеждённого врага.

И надо же было мне так попасть, чтобы оказаться на месте этой самой вдовы!

Беська, зараза шерстяная, не зря сразу после «венчания» смылась, поймаю — хвост откручу! И совесть не замучает!

Сжав пальцы в кулаки, я перевела дыхание и спросила:

— Что же делать? Греста, я отблагодарю, ты меня знаешь.

Служанка — у которой в плане передвижения по дому свободы оказалось больше, чем у «госпожи», — да здравствует анти-логика, ага — пожевала губами и тряхнула головой, словно решила мне поверить.

— Тяни время! Он одержим Катлиной, иначе не женился б на ней, а вы так похожи. Но... ты точно не она?

Греста склонила голову набок с таким видом, мол, от леди Катлин можно чего угодно

ожидать. И кто б спорил, но не я (после нашего недолгого и неприятного для меня знакомства, так и подавно).

— Клянусь всеми вашими и нашими богами! Ну не видно по мне, что ли?!

— Тогда тяни время, — повторила Греста. — Обман, само собой, всплывёт, но лучше, чтоб как можно позже! Понравишься лорду — останешься в живых. И мы вместе с тобой. Мне вообще-то выдать тебя надо бы, по-хорошему...

— Греста! — я чуть не застонала в голос. — Этот лорд нагшасов всё равно узнает, что я не ваша леди. Очень скоро узнает.

— А ты помалкивай и угождай ему, глядишь, и не узнает, — не спешили соглашаться со мной.

— Я всё ещё девственница, — всё же простонала я.

Не думала, что предмет гордости, чего уж там, в родном мире, подложит мне такую свинью в этом! Нет, ладно бы Катлина была девственницей, но, на минуточку — она вдова! Вдова!!! И лорд этот знал, что берёт замуж *вдову*! А вдовы, как известно, девственницами не бывают...

Греста посмотрела на меня с таким видом, мол, да ладно. Я её в чём-то понимала даже. Девятнадцатилетняя девица, вполне себе ничего так на морду лица, да и фигура от стандарта девяности — шестьдесят — девяности не сильно отошла. Но вы попробуйте потерять эту девственность сначала в военном городке на границе, будучи дочерью полковника! Там даже если б я сама была обеими руками и прочими стратегически важными частями тела «за» — самоубийц не водилось. А потом в военной академии, где, как и во всех высших учебных заведениях подобного типа во все времена действует негласное правило, даже закон: «нет одному — нет никому, можно одному — можно всем».

Папа, если что, с меня слово взял: пока до капитана не дослужусь, или замуж не выйду — ни-ни, никаких «глупостей». Ну а я ни туда, ни туда не спешила... А надо было, как сейчас выяснилось!

Ударившись в воспоминания, я упустила момент, когда Греста сбрендила.

Служанка бесцеремонно дёрнула меня за руку и рванула свадебное платье с плеча.

Ну и... я всё-таки дочь военного, которая выросла в окружении старших братьев и дядьев. Захват и бросок через плечо случился сам-с собой, автоматически.

В следующую секунду я сидела на лежащей на полу служанке, тяжело дыша.

Но Греста и не думала сопротивляться, или обижаться.

— Нет, ты точно не Катлина, — выдохнула она. — Леди б за такое морду бить не стала. Отравила бы. Или охранять Грань отправила б, — Греста осеклась, спохватившись, как это бывает, когда сболтнёшь лишнего. Но мне, понятно, не было дела до подробностей о мстительности Катлин.

У меня сейчас одна цель — выжить.

— До заката есть время, — поднимаясь, деловито сообщила Греста. — И за это время ты должна потерять девственность.

— А эм... подручными способами никак? — я, конечно, невинна, но механизм «потери» не загадка для жителя эпохи цифровых технологий. И если бы не «приставленные» круглосуточно служанки, может, и говорить сейчас было бы не о чем.

— С ума сошла! — отмахнулась в край оборзевшая служанка. Или подельница? — Может, и анам сама себе нарисует?

— К-какой анам? — запнулась я, потому что у этой самой Катлин что-то такое светящееся на плече было. Точно было.

Греста снисходительно усмехнулась и задрала рукав. Я с любопытством уставилась на обвивающую плечо змею. Выполненную так искусно, что не приглядишься я получше, приняла бы за браслет.

— Вот мой. И у Рамиры есть. И у всех женщин нашего мира. Проявляется после первой ночи с мужчиной. У вас не так, что ли?

— У нас вообще магии нет, — хмуро сообщила я.

— Ага, конечно, — буркнула Греста. — А попала ты сюда без магии, ага.

«Чёрт дёрнул за кошку вступиться» — чуть было не ляпнула я, но прикусила язык. Информация эта Гресте совершенно без надобности.

Глава 2

Надо отдать служанке должное — соображала она быстро.

Вышла куда-то на полчаса, вернулась, бросила мне на кровать ворох каких-то бело-бирюзовых развевающихся тряпок.

— Тебе повезло, — сообщила служанка деловито. — И нам с этой дурой-Рамирой тоже. Сама видишь — эта совсем умом тронулась, думает, раз сразу не прибили... уж заживёт так заживёт теперь, раз тебя, то есть леди Катлин проклятый лорд госпожой сделал. Да вот только как подмена всплывёт наружу, наши ж головы первыми полетят!

— Так в чём тогда нам повезло? — перебила я служанку.

— В том, что на свадьбу главного нагшаса целая делегация эйв из храма Безликой прибыла.

Кто такие нагшасы — я знала. Воинская элита. Эдакие «краповые береты» этого мира. И отдельная не то раса, не то народность.

Герцогство Нагшас, куда меня занесло, единственное место в государстве, где эти самые супер-профи обитают. И проклятый лорд, который по совместительству мой супруг, естественно, нагшас, да. Самый главный.

А вот кто такие эйвы?

— Переодевайся. Быстро! — скомандовала Греста.

Я послушно уставилась на кровать, где вперемешку валялись настолько разные, хм, детали женского туалета, что я засомневалась — не тронулась ли служанка умом. Со страху.

А что? О силе и жестокости проклятого лорда здесь легенды ходят. Опять же, по дороге мы насмотрелись... До сих пор, как вспомню, тошнота подкатывает.

Но, подчиняясь шипению служанки, всё же принялась за дело.

Принесённые вещи выглядели так, словно Греста, пока выходила, обокрала стриптизёршу, танцовщицу восточных танцев и монахиню. И участницу бразильского карнавала, если учесть, что к «костюму» прилагалась маска. О том, что сие есть костюм, говорила цветовая гамма — части гардероба были выполнены в бирюзовом и белом цвете, но... и только.

Быстро стянув «подвенечное» платье, я принялась «облачаться» в наряд эйвы.

Сперва, с помощью Гресты, надела лиф, который поднял верхние девяносто, расположив содержимое соблазнительнее, чем у стриптизёрши, да. Рукава — из тонкой полупрозрачной ткани, вроде и качелями, а место на плече, где у той же Гресты этот самый «анам» расположен, оказалось скрыто.

Затем шла юбка с широким поясом, которая сидит низко на бёдрах. Хм, ниже некуда. На талии Греста защёлкнула пояс из белого металла с бирюзовыми висюльками.

Туфли — тканевые, на танцевальные похожи, хоть и на небольшом каблуке, но удобные.

Белья под этот наряд не полагалось. Впрочем, бирюзовая юбка длинная, до пят... правда, с разрезами от середины бедра, и... в общем, не только отсутствие белья удивляло.

На голову полагалось водрузить чепец, похожий на апостольник, только этот — кружевной, облегающий, скрывающий шею.

Пока Греста убирала мне волосы, я крутила в руках белоснежную шапочку, словно сошедшую со страниц сайта с карнавальными костюмами. В таких шапочках ещё католических монахинь изображать любят. С загнутыми кверху полями, похожими не то на крылышки, не то на рожки. Сию накрахмаленную конструкцию полагалось водрузить уже поверх кружевного чепца.

Завершающим аккордом композиции местного «юдашкина» была маска. Бирюзовая, с какими-то белыми иероглифами, плотно прилегающая к лицу.

— Хорошо, что сегодня свадьба, — бормотала Греста, расправляя несуществующие складки на моей юбке. — И в доме полно эйв праХрама.

Пока ловкие пальцы служанки порхали над костюмом, она сообщила, что эйвы, посвятившие жизни Безликой, почитаются здесь священными. Что любой свадьбе честь — если присутствует хотя бы одна эйва, но у проклятого лорда особые отношения с праХрамом и самой Верховной, потому эйв здесь несколько дюжин. У самой арены, мол, целое «поселение» из их цветастых табернаклей...

— Ты мне бежать предлагаешь? — нахмурилась я, рассматривая маску. — В этом вот наряде, эм, жрицы? То есть, эйвы?

Предположение служанку развеселило, она даже по бокам похлопала, хохоча, но, впрочем, тут же снова посерьезнела.

— Нет, сама понимаешь, если одна из эйв решит покинуть дом лорда до Церемонии Благословения, это будет выглядеть странно.

По мне так здесь всё выглядит странно. А что такое это самое Благословение я понятия не имею.

— Тогда что же?

— Ах, ну ты же не знаешь, — пробормотала Греста. — Любая из эйв может одарить вниманием любого приглянувшегося Безликой мужчину.

— Безликой приглянувшегося? — не удержалась я от ехидства

Служанка хмыкнула.

— Действия и мотивы эйв не обсуждаются.

Подумав, она добавила:

— Хотя, конечно, Безлика предпочитает самых сильных воинов, это ни для кого не секрет. Вот к нагшасам и прислали столько эйв...

Попутно Греста напутствовала по поводу предстоящего маршрута.

— Сразу, как выйдешь иди прямо по коридору. Ни с кем не разговаривай. Хотя ты — эйва, тебя не посмеют остановить. Спускайся по боковой лестнице. Два пролёта вниз. Там будет два выхода. Тебе тот, который направо. Пройдёшь ещё по одному коридору и выйдешь на арену, там по случаю свадьбы лорда нагшасы устроили показательные бои. Рядом тренируются новобранцы.

— И что дальше? — наверное, когда будет такая возможность, если будет, конечно, я и зубами постучу, и, может быть даже в обморок брякнусь. А сейчас надо максимально собраться, учитывая, что, щедро раздавая ЦУ Греста ненавязчиво так подталкивает меня к выходу.

— Тебе каждый шаг разжёвывать надо? Выберешь кто приглянется, но советую поторопиться. И лучше кого помоложе, меньше вопросов будет. Хотя они там все мальчишки.

— А дальше?

— В ритуальный табернакль веди, которые рядом! Полог открыт — значит, свободный. Не заблудишься. Они у эйв цветные, так что найдёшь, не слепая. Там лишишься девственности! Потом быстро сюда. К заходу солнца анам должен быть на твоём плече.

И у меня ступор. Буквально.

И дело даже не в том, что мне предстоит лишиться девственности с незнакомцем, в каком-то сумасшедшем средневековье, нет.

Просто... как она это вообще себе представляет?!

И как выглядит этот их табернакль, чтоб его черти съели...

Кажется, у нас это что-то вроде декоративно оформленной ниши, или беседки, вроде и на носилках встречаются. Наверное, и у этих эйв есть какие-то переносные кибитки, но не для всяких религиозных штук, а для разврата...

Но дело даже не в этом!

Глава 3

— Греста, — пытаюсь не сорваться на крик. — Я из другого мира. У меня этот ваш анам не проявится! У меня магии нет! Совсем нет! Я иномирянка!

— Проявится, — уверенно ответила служанка. — Не будь у тебя магии, ты бы сюда не попала.

— Но после этого самого... лишения... Мне же к лорду идти.

— Ты жить хочешь? — перебила меня Греста.

Киваю. Потому что это не обсуждается. Хочу. Выжить и жить. По возможности, долго и счастливо. И обратно, домой, вернуться хочу, и вообще...

— Тогда не теряй времени!

— Подожди, а если я... забеременею? Или... у вас тут как насчёт ЗППП? То есть, я имела ввиду этих, эм, болезней, которые этим самым способом передаются. Да и как вообще... Чёрт, я точно знаю, что после первого раза кровь и всё такое. И потом... с лордом?!

Греста закатила глаза.

— Анам — дар Безликой всем женщинам нашего мира, — буркнула она, продолжая подталкивать меня к выходу. Он и лечит, и от беременности предохраняет. Нет, если женщина сама захочет ребёнка, то тогда, конечно. Зато у захватчиков, например, нет никакого шанса оставить после себя потомство на завоёванной территории. Анам — твоя защита, поняла? Но чтобы его получить, нужно поторопиться, ясно? И у госпожи он, понятно, был, так что поторопись, пока лорд Тхрагорский не узнал, что ему вместо леди Катлин самозванку подсунули!

— Коридор, боковая лестница, два пролёта вниз, направо и ещё один коридор, — пробормотала я, чувствуя, как зубы начинают стучать.

Мне помогли нацепить маску, сверху надели треугольную шапочку и, наконец, вытолкнули из комнаты.

— Так, сейчас сюда, потом туда, налево... Нет, направо. А вот и лестница, — бормотала я под нос. По дороге мне встретились две служанки, вспомнив инструкции — ни с кем не разговаривать, просто прошла мимо, не отреагировав на их поклоны. И одна такая же ряженая, как я. Эйва. Поскольку насчёт неё инструкций не было, тоже мимо протопала. Хорошо, что и она не задержалась, не попыталась заговорить.

Нет, всё же хорошо, что в старших классах летом на мороженное на «коммутаторе» подрабатывала, информацию на слух не только воспринимаю, но и запоминаю. Так что профессионализм не пропёшь. Хотя попытки были.

Опа, а вот и лестница. Теперь вниз на два пролёта...

И первый пролёт я успешно преодолела, а вот второй...

— Госпожа Катлин, — раздалось вдруг сзади, из полумрака.

Я застыла, как вкопанная.

Потому что это как эйве мне ни с кем не положено разговаривать.

А меня узнали.

Даже в этом дурацком наряде.

То есть не меня, Катлин узнали!

А это уже совсем за гранью понимания...

— Не оглядывайтесь, госпожа, — прошептали снова. — Здесь везде глаза и уши.

А я уж готова была обернуться, да. В сумраке за спиной угадывалось движение.

И оно, как бы помягче выразиться, нервировало.

— Мы хотим, чтобы вы знали, госпожа: вы здесь не одни.

«Кто — вы?!» — чуть было не сорвалось с языка, потому что из осаждённого замка нас с Грестой и Рамирой в закрытом фургоне везли. А служанки целыми днями в голос молились, что легко отделались, потому что «проклятый лорд», мол, не берёт пленных.

И тут у меня, наверное, от страха, что-то вроде галлюцинации случилось. Моя собственная тень на стене принялась расти, и в плечах расширяться, и шапочка монашеская исчезла. В общем, я себя Семён Семёнычем Горбунковым почувствовала. А очертания этой тени в несколько раз прошлые превысили и напомнили не то динозавра, вставшего на задние лапы, не то бескрылого дракона... Так я вообще чуть не ляпнула, что не курю и вообще глухонемая, да.

— Выручить вас по дороге не представлялось возможным. Другое дело — здесь. Мы уже готовим ваш побег.

Стою, а сердце так и заходится. Побег?! Из этого страшного места? Но... куда? И, на минуточку, они-то, явно леди Катлину спасают, жаль не удалось ведьме синяков наставить!

На всякий случай кивнула.

— Будьте готовы, госпожа. Через три дня. Мы встретим вас у Лунных Врат. Вам хватит времени, чтобы покончить с проклятым.

Покончить с проклятым?! Это под чем я сейчас подписалась?!

Как прикажете «покончить» с тем, о ком все вокруг говорят чуть не шёпотом?!

— Мя-я-у-у! — появление чёрной заразы было таким неожиданным, что я чудом что не подпрыгнула.

Чёрная, лощёная, ничуть не похожая на ту жалкую и облезлую, которую я, на свою беду неделю назад полезла спасать от адских псин, кошка спустилась по лестнице, держа хвост трубой и потёрлась о мои ноги.

— Привет, Беся, — вздохнула я беззвучно. А чёрная вредина звонко замурлыкала и принялась тереться о мои ноги с самым наглым видом, будто это вовсе не по её милости я здесь оказалась и вляпалась во всё это... всю эту субстанцию, по уши.

Подняв взгляд на тень, ахнула — она снова была моей.

Я всё же оглянулась на говорившего, но оно не обнаружила. И сумрак за спиной снова стал неподвижным.

— Уже и след простыл, — пробормотала я.

Беська же, которая в этом мире оказалась вовсе не Беськой, а целой Баст, сверкнула зелёными, подведёнными золотом глазами и золотым... хм, назвать сие ошейником у меня язык не поворачивается. Скорее, колье. Вполне себе кошачье колье, да. Так вот, Беська (я настаиваю) снова звонко муркнула, и, посчитав, видимо, церемонию приветствия состоявшейся, проследовала дальше, вниз по лестнице.

Вздыхнув, потопала следом.

Так, ещё пролёт вниз и налево...

Кажется, Греста говорила, что нужно будет пройти ещё по одному коридору. Я оно не обнаружила, если, конечно, Греста не обозвала сию анфиладу коридором.

Воспользовавшись, что здесь тоже никого не встретилось, огляделась. В конце концов мне ещё обратно идти, не заблудиться бы. Арки под потолком, с лепниной и ничего мне не говорящими узорами. Вдоль стен — стойки с оружием. Хорошо, что я уже знаю, что

здесь как её, эта их магическая сигнализация... не знала бы — прихватила б вот этот кинжальчик с собой... с удобной, словно созданной для хрупкой женской руки рукояткой и в прозрачных ножнах. Длинный, узкий, под одеждой удобно прятать...

Рядом со стойкой стену прикрывала плотная ткань, судя по сквозняку, обливавшему ступни — занавеска. Отдёрнув её, я обнаружила за ней нишу с высокой кушеткой, кресло и столик на бронзовой львиной лапе. На столике — кувшин с водой и перевернутый бокал.

Сердце тревожно сжалось, и я вернулась «на маршрут».

Вскоре упёрлась во входную дверь.

Положив пальцы на ручку двери, почувствовала, как сердце замерло. Обратной дороги не будет... Впрочем, может и дороги «туда» не будет, если Греста напутала, и дверь окажется заперта.

Однако, вопреки сомнениям и моему эксклюзивному «везению», дверь распахнулась навстречу, в глаза ударил свет.

Хм... Это и есть и та самая арена, где ведутся показательные бои нагшасов, а рядом тренируются новобранцы?

Вижу только круглый внутренний двор. И ни одного этого, самого, табернакля.

Да и нагшас-новобранец здесь только один...

Но какой!

В широких тренировочных штанах, чем-то на наши старинные шаровары похожие, но голубого цвета и изрядно извалявшиеся в пыли, что, впрочем, не мешает им оттенять смуглую, покрытую бронзовым загаром, кожу. Волосы у новобранца вьющиеся, собранные в пучок на затылке.

А лица не разглядеть, потому что он... движется.

И как движется!

Я так и застыла с открытым ртом.

Нет, меня тренировкой по рукопашному бою не удивить, да и восточными единоборствами. Кто рос с братьями, всеми, как один, выбравшими вслед за отцом карьеру военных, поймёт. Красивым мужским телом, понятно, тоже. Но сейчас, глядя на всю эту череду прыжков, переворотов, перекачиваний по земле, «взлётам» из горизонтального положения (я так и не поняла, как он это проделал!) на ноги...

Я и ширину плеч оценить успела, и узкие бёдра, и кубики пресса, хотя их сосчитать было проблематично (нагшас не задерживался на одном месте более некой части секунды), но что-то подсказывало, что там полная, как есть, симметрия. И руки, со вздувшимися венами и верёвками мышц...

Нет, качком этот единственный из сотни обещанных новобранец не был. О таких говорят, скорее, поджарый. Мускулы... они прорисовывались в движении. Очень гармонично, ну и видно было (если не очевидно), что все мышцы у парня — работающие.

А ещё он был перемазан с одного боку какой-то краской. Ну, к этой традиции нового мира я привыкла. Те, что нас сюда везли тоже размалёванными были. Только у них, как правило, раскраска эта боевая была однотонной, и, как ни банально, цвета хаки.

А у этого плечо, спина и бок какие-то разноцветные. Не то зелёные, не то перламутровые, даже, как будто с розовинкой, переливающиеся на солнце...

В руке воин сжимал палку. Обычную, деревянную. То есть как в руке. Он то и дело перебрасывал эту палку из одной руки в другую, подкидывал в воздух, ловил... ни дать, ни взять, какая-то секретная техника бодзюцу. Почему секретная? Потому что я ни в одном ролике не видела, чтобы так двигались. А роликов с бодзюцу я пересмотрела

немало...

Когда он подбросил палку метров на десять вверх, а сам половину расстояния преодолел бегом по стене, презрев все законы гравитации и вообще человеческих возможностей, и налету подфутболил эту палку пяткой, прежде, чем её перехватить... да я даже как дышать забыла!

Не то что о цели, с которой сюда шла.

Глава 4

Но стоило вспомнить, как говорится, *о деле*, как вдруг так жарко стало, а колени ослабли. И дыхание потяжелело. Я отшагнула назад, в тень, создаваемую козырьком подъезда, на крыльце которого оказалась.

Я же как собиралась — выбрать самого молодого, поманить за собой, мол, эйва ни перед кем не обязана отчитываться, ну и... уединиться с ним, у всех на глазах, в специально для этого предназначенном ритуальном табернакле. А на деле всё совсем не так оказалось.

И я почему-то уйти не могу.

Да и зачем уходить? Нагшас здесь наличествует. Правда, только один.

Но, оно, наверное, и лучше, правда?

Зачем нам лишние свидетели...

Молод ли этот нагшас, я всё никак понять не могла. Из-за его стремительных, нечеловечески быстрых движений лица по-прежнему не разглядеть. Но глядя на его технику боя... Это ж каждое движение десятилетиями оттачивается, уж мне можете не рассказывать! Хотя... может, они тут с пелёнок тренируются, как ниндзя.

Вмешиваться в это... да это даже тренировкой не назовёшь, это какой-то совершенно невозможный, нарушающий все законы физики, гравитации и вообще пределы человеческих возможностей танец казалось самым настоящим святотатством, но всё же...

Не отвлекайся, Майя! Делай своё дело по-быстрому, пока ни «леди», ни одежды эйвы не хватились. Отчего-то пришло в голову, что Греста попятила одежду у той самой эйвы, которая у арены с каким нагшасом уединилась. Мысль, конечно, дурацкая, но картинка в голове оказалась такой яркой, что вырвался нервный смешок.

А потом, когда в роли действующих персонажей на мысленной картинке, а, пожалуй, что и короткометражном ролике представила нас с этим нагшасом, снова в жар бросило, сердце заколотилось, как бешенное, а колени взяли предательский тайм-аут и пришлось облокотиться на нагретую солнцем стену здания.

Я вдруг со всей ясностью поняла — не могу. Ну не могу я!

И не потому что единственный новобранец из целой толпы обещанных не понравился. Наоборот. Понравился, и ещё как! Просто... я же как думала: как учила Греста, подойду, проведу пальцами по левой щеке, мол, этот знак эйв здесь все знают. А дальше уж воин сам сориентируется.

А к этому как подойти? Он же... совершенство.

Нет, не смогу.

Я уже было пальцами сзади ручку двери нащупала, и даже повернула, почти...

А потом как-то некстати (или наоборот, кстати) вспомнилось... Да много чего вспомнилось, что за последнюю неделю произошло.

И я, если и извлекла из увиденного уроки, один намертво усвоила, можно сказать, раз и навсегда: этот мир — не шутка. Не фикция. Не порождение кошмара или больного воображения. Здесь всё более, чем реально. И очень серьёзно.

И если угораздило попасть в Нагшас... к самому проклятому лорду, нужно выживать.

Маринка, дурёха, там, ещё в прошлой жизни, которая здесь, наоборот, сном казалась, всё Скарлетт О'Хара цитировала. Мол, не буду думать об этом сегодня. Завтра подумаю. Я фыркала, даже пальцем у виска крутила. Искренне не понимала, зачем её вообще цитировать. Совершенно отталкивающий персонаж. А здесь вот поняла.

Когда ты не то, что каждый день — каждую секунду по волоску ходишь, ну и жить хочешь, в идеале — подольше, тебе не до «деталей». Сколько раз за прошлую неделю я сжимала зубы и обещала себе потом разобраться!

Так что если уж я здесь, и поделаться с этим ничего не могу, надо играть по правилам, верно? Хотя бы до того момента, пока не смогу перекрыть эти правила под себя...

Движения воина становились всё более быстрыми, резкими. Завораживающими. Он двигался с нечеловеческой скоростью, да и сам на человека был не очень-то похож. Слишком он был идеальным, что ли...

Как глоток какой-то новой, правильной, гармоничной реальности в том кошмаре, в который стремительно превратилась моя жизнь.

Меня по-прежнему скрывала перегородка подъезда, и пора было это, в общем, прекращать.

Переведя дыхание, я собрала волю в кулак и шагнула под палящие солнечные лучи. Правда, несмотря на полуденный зной, меня трясло.

— *Эйвы всегда спокойны, всегда преисполнены достоинством*, — вспомнились наставления Гресты. — *Их почитают, как воплощение Богини. Помни об этом!*

Как бы тут не забыть, как меня зовут...

Я часто заморгала, когда перед глазами что-то вжикнуло. Со свистом. Спустя секунду выяснилось — что. Та самая палка, деревянная. Только сейчас она каким-то образом оказалась воткнута в песчаную породу передо мной. Буквально в сантиметре от носка туфли.

Нагшас же прекратил тренировку, стоял неподвижно... спиной. Но по буграм мышц на спине и плечах видно было, что он напряжён.

Это... Это что сейчас было? Случайность... или? Он же меня не заметил... Или заметил?

И вот он по-прежнему стоит спиной, пальцы сжаты в кулаки. Палка его передо мной... воткнута.

И стоять столбом и молчать дальше глупо, поэтому я решила заговорить. Первой. Совершенно забыв о том, что должна была вроде как приблизиться к новобранцу и провести пальцами по щеке.

— Эй... — позвала я негромко. Голос дрогнул. — Витязь! Казак! Тьфу, нагшас! Иди сюда!

Воин обернулся одним рывком.

— Ты мне, эйва? — голос у него оказался низким. Глубоким. С хриплыми, почему-то очень будоражащими нотками.

— Тебе, а кому же ещё, — нервно кусаю губы под маской. — Иди сюда.

Он приближается медленно, ступает легко, с грацией подбирающегося к добыче хищника. Ну то есть это я себя в этот момент добычей почувствовала. А потом вспомнила, что на мне маска, и сейчас я не Майя Богаевская, и уж тем более не леди Катлин, а эйва — живое воплощение Безликой. А что у них тут самая настоящая храмовая проституция практикуется, так это детали. Ну то есть, если без денег, какая это проституция... Хм, папа бы при мне сдержался, а дядя, узнай о таком, точно знаю, каким словом бы назвали.

Ну вот о чём я только думаю?!

Воин подошёл совсем близко. Издалека он не выглядел высоким, а сейчас оказалось — выше меня на голову. И солнце бьёт ему в спину, играет на выбившихся из пучка кудрявых прядях. А лицо у него открытое и какое-то... задумчивое, что ли?

И теперь, когда он подошёл, стало понятно, что это на нём не просто краска. А самые настоящие узоры. В форме... чешуи? На левом виске, скуле, шее... и плечо обнимают

каким-то дивным не то доспехом, не то панцирем.

Краска такая яркая, что особенно видно на контрасте с тёмной кожей, блестящая на солнце...

Я невольно залюбовалась.

Глава 5

— Что ты хотела, эйва? Ты заблудилась? Все ваши сейчас у арены. И в Восточном крыле, на территории леди.

Банально ступор. Потому как это я — «леди», и я точно знаю, что выделенная мне «территория» — комнатуха, которую я делю на троих со служанками. И выйти ни-ни. Хотя они что-то говорили о традициях нагшасов...

Но вот сейчас этот его низкий, ровный, уверенный голос... и он сам... так близко.

Наконец-то можно рассмотреть его лицо.

Высокий лоб, чёрные широкие брови, глаза — зелёные-зелёные, я такого яркого цвета глаз ни у кого не видела. Ровный прямой нос, чётко очерченные полные губы. На вид совсем мальчишка, то есть, вроде как Греста и говорила: «выбирай кого помоложе, быстрее освободишься» ... Но взгляд... Вдумчивый. Спокойный. Уверенный.

Чувствую, краснею под маской.

— Возвращайся в дом, эйва. И не подходи больше к нагшасу сзади.

Я опустила взгляд на палку перед собой. Значит, всё-таки, не случайность.

Стоп. Что значит, «возвращайся в дом»?! Чёрт, под этим его пристальным, изучающим взглядом совсем забыла, зачем пришла.

На вконец ослабевших ногах делаю шаг вперёд и быстро касаюсь пальцами его щеки. Той самой, которая блестит от краски.

В следующий миг замираю, боюсь сделать вдох. Потому что... я понять не успела, как он это проделал. Но поверх моих пальцев вдруг оказалась его ладонь. Пальцы горячие. И твёрдые, очень твёрдые. Я вдруг себя пойманной в ловушку почувствовала.

Ну что же ты молчишь?! Я ведь... я ведь всё правильно сейчас сделала?!

А он прижимает мою ладонь к щеке и смотрит. Пристально, сощурившись и чуть-чуть нахмутив брови.

Но лицо его по-прежнему такое честное, открытое. И в зелёных глазах как будто тревога и беспокойство. И ясно почему-то, не за себя... После того, что я видела, мне жаль того, кто встанет на пути этого воина.

И весь этот нагшас... он какой-то... нормальный, чёрт побери! Вот какой-то совсем «свой». Я внезапно забыла обо всём этом ужасе, в который моя жизнь превратилась. Да что там об ужасе — забыла, что я попаданка, то есть, как здесь принято говорить, иномирянка, и что с иномирянами здесь, мягко говоря, не церемонятся... И что я по нелепому стечению обстоятельств замужем вообще-то, за самим проклятым лордом... если верить служанкам леди Катлин, да и самой Катлине, прямо-таки воплощению зла этого мира и всех близлежащих...

Просто от этого нагшаса таким спокойствием веет, такой... надёжностью. И мне вдруг так спокойно стало, так хорошо, что на глаза слёзы навернулись. Впервые за всё это время. Если это какая-то их магия, пусть она никогда не заканчивается!

Обо всём, вообще обо всём забыла.

Только это загорелое лицо напротив... бисеринки пота на лбу. После таких-то прыжков! Уважаю, вот уважаю и даже восхищаюсь... Ноздри чуть подрагивают, и полные, красивой формы губы чётко очерчены. А на щеках едва заметный налёт щетины. Под ладонью, кстати, ощущается. И его кожа такая горячая, прям пламенная, а пальцы — твёрдые, как сталь.

Он по-прежнему смотрит, и я понимаю, что видит он ничего не выражающую бирюзовую маску в белых узорах. А мне хочется, чтобы увидел *меня*. Как есть. Настоящую.

И вдруг понимаю: если скажет сейчас опять — возвращайся в дом — уйду. Развернусь и уйду. Я... да я уже поняла, что свернула не туда. Ну какая из этого дворика арена?! Но... искать никого больше не пойду. Будь, что будет. С этим их анамом, гори он синим пламенем... ну, расскажу всё лорду, как есть. Потому что я, кажется, на пределе. Сил моих больше нет.

Вот ещё несколько минут назад была преисполнена решимости и вообще злости, — сражаться, выживать, любой ценой, чёрт бы меня побрал! Когда тебя в любую минуту убить могут, не до сантиментов! И уж точно не до «чести девичьей». Задницу Катлине её холёную ещё надрать хочется! Так надрать, чтобы мало не показалось! И понятия не имею, как это возможно, а что-то внутри подсказывало: возможно. Выживи сначала. И я выживала! А сейчас, когда вдруг почувствовала себя в безопасности, вдруг растеклась, как подтаявшим мороженное... В голове — бабочки, в животе — бабочки, на губах, хорошо ещё, что под маской, идиотская улыбка!.. Чёрт побери, ну нельзя так над людьми издеваться!!!

Нагшас какое-то время вглядывался в мои глаза.

Не знаю, что он там разглядел за прорезями маски...

Но вдруг спросил хрипло:

— Хочешь меня, эйва?

Киваю. Потому что голос, кажется, пропал.

— Пошли.

И... руку он убрал, но мои пальцы в его ладони как-то остались.

Не вырвать. Хотя я и не пробовала.

Шествуя через знакомую анфиладу, я споткнулась, наверное, раз сто. Нагшас отёрнул уже знакомую занавеску, за которой ниша с кушеткой и колени внезапно ослабли и вообще.

— Нагшас, — мой голос почему-то охрип и вообще еле слышен. — А ты кто?

Резкий поворот головы и я замираю. Может, эйвы обычно не спрашивают о таком ... Но, раз начала...

— Ты новобранцев тренируешь?

— Тренирую, — усмехнулся воин. — Угадала.

— Понятно, — отвечаю, а сама в этот момент лихорадочно соображаю — что делать-то? Нагшас вон, сразу со мной пошёл, наверное, не в первый раз эйва позвала, что и неудивительно, учитывая, *какой* он. Но почему-то обидно очень...

— Ну ты же эйва, — снова улыбнулся нагшас, сверкая белоснежной улыбкой. Непонятно, серьёзно это он или подколот?

Я уже думала, что мы прямо тут, на кушетке... и в принципе, меня почти не смущает, что от анфилады нас будет отделять всего лишь занавеска... когда балансируешь между жизнью и смертью оно вообще, как оказалось, не до стыдливости или моральных принципов, но... нагшас вдруг приложил ладонь к выступу в стене и та отъехала в сторону. И за проёмом оказалась ещё одна комната, просторная и светлая, только какая-то аскетичная. Циновки, роспись на стенах, очень чёткая, минималистичная, не похожая на ту, что в остальном доме. А кровать здесь тоже была... низкая и не слишком широкая, больше матрац напоминающая. Но всё же была. И даже застеленная не то белоснежной простынёй, не то покрывалом. А больше, это даже я понимаю, нам вроде ничего и не надо.

Я проследовала за нагшасом в эту комнату, радуясь про себя, что он не повёл меня к арене, в эти эйвовские ритуальные табернакли. Вот понятия не имею, как они выглядят в этом мире, но на слух что-то крайне неудобное.

Меня по-прежнему держали за руку. Попробовала высвободить её — отпустил. Но в следующий миг горячая ладонь легла мне на талию, стальная мужская рука притянула к себе.

Второй же рукой нагшас проделал тот же трюк с отъезжающей стеной, только в обратном порядке. А потом, проведя меня через комнату, открыл таким же образом ещё одну дверь. Там оказался небольшой мраморный бассейн с фонтаном в форме вставшей на хвост рыбы, что говорило о том, что вода в бассейне проточная.

— Хочешь со мной? — спросил нагшас обыденно, и я поняла, что мне вроде как совместный душ принять предлагают.

Поспешно помотала головой.

Во-первых, меня перед «венчанием» уже отскребли в четыре руки, до сих пор кожа горит (ведь она от этого горит, правда?), а во-вторых, Греста наказала ни в коем случае не снимать маски. И вообще ничего кроме этой самой верхней шапочки не снимать. Мол, наряд эйвы за счёт всех этих разрезов на юбке предназначен для того, чтобы... избавить меня, в общем, от досадного недоразумения под названием девственность. А рукав-качелька появившийся анам скроет.

— Ну, как хочешь, — сказал нагшас и наконец-то отпустил меня. — Тогда располагайся. Эйва.

Вместо ответа кивнула, а меня добили:

— Раздевайся. Я быстро.

Глава 6

Я вот как стояла, так и... осталась стоять, в общем. Потому что мне нагшас явно какой-то неправильный попался! Эйвы не раздеваются для этого их... благословения понравившегося мужчины, он что, не в курсе?!

Но... я видела его тренировку. У меня против такого, вздумай он настоять на своём, шансов нет! Совсем!

Я перевела дыхание и бросила взгляд ему вслед: нагшас был уже в бассейне, по пояс. Мгновение — и под водой скрылась мужская, с красивой прорисовкой мышц, смуглая спина, плечи... Я часто заморгала, отчего-то снова бросило в жар. С усилием отвернулась. А он и вправду, быстрый. А может, краску смывает.

Молнией метнулась через всю комнату, попробовала повторить трюк с отъезжающей в сторону дверью. Тщетно. Моей ладони стена ожидаемо не послушалась. Что и неудивительно, впрочем. А вот я, кажется, допрыгалась. И... да, всё-таки секс у меня явно будет. Этот нагшас, кажется, слов на ветер не бросает. И если уж он меня сюда привёл и эту, стену забаррикадировал...

— Что-то не так?

Оглядываюсь и сглатываю. И не смотрю ниже ровных, аккуратных, до безобразия симметричных кубиков, по которым стекают водные дорожки, нет. И на капли на смуглой, очень гладкой на вид и правильно мускулистой, прямо как мне нравится, груди не смотрю. От слова совсем. И вообще — я в глаза ему смотрю. И пусть будет стыдно тому, кто плохо обо мне подумал.

Мотаю головой, вспомнив, что мне вообще-то вопрос задали, заодно подмечаю, что краска на нагшасе так и не смылась. Водонепроницаемая, значит, ага.

А пучок на голове он свой распустил и теперь жёсткие, пружинками волосы смешно топорщатся в разные стороны и с них тоже вода капает.

— Тогда почему всё ещё одета?

И он снова приближается ко мне, мягко пружиня, со своей этой хищной, звериной грацией.

— Эйвы не раздеваются! — пишу в ответ, что вызывает у него улыбку. Такую тёплую и открытую, что хоть и понимаю, мне тут самое время бояться начинать и вообще психовать, а не могу. Вот не могу, и всё тут. Тоже по-дурацки лыблюсь в ответ, чувствуя себя глупо.

— Так значит, ты в курсе? — нагшас приподнял брови.

И в следующий миг оказываюсь у него на руках, прижатой к влажной груди. По кудрявым распущенным волосам стекают струйки воды, прямо мне на грудь. И на живот. И не только на живот, в общем.

И тут до меня доходит смысл его вопроса.

— Конечно, в курсе, — изображаю кровную обиду и даже ресницами под маской уязвлённо хлопаю.

Нагшас же не повёлся. Наоборот, этот гад засмеялся, запрокинув голову. Заразительно так... Я бы тоже рассмеялась, просто за компанию, если бы не злилась. Совсем немножко...

— А почему я должна быть не в курсе?

— Потому что ты не эйва, — уверенно ответил он, неся меня через всю комнату.

— Это ещё почему? — возмущённо пискнула я, когда меня резким, но каким-то очень бережным движением уложили на матрац на полу.

— Знаешь, у эйв своеобразное чувство юмора, — задумчиво проговорил он, в то время, как его чуть шершавая ладонь легла на колено, выглядывающее из разреза юбки.

Прикосновение воина оказалось приятным и каким-то невероятно острым.

— Именно поэтому они случайно «забывают» свои одеяния в самых неожиданных местах.

Ладонь скользнула вверх, подбираясь к постыдно незащитному, но стратегически необходимому для лишения девственности месту, и я, накрыв его руку своей, выдохнула:

— К чему ты клонишь?

— К тому, что многие девушки этим пользуются, — он улыбнулся, склоняясь к моей маске так низко, что я невольно отпрянула... бы... но куда было! — в своих корыстных целях.

— Никакой корысти у меня и в мыслях не было! — выпалила я.

Нагшас убрал руку с бедра, аккуратным движением вынул из-под моей головы смятую шапочку и отбросил её в сторону.

— А мне просто интересно, кто оказался таким смелым и таким притким, чтобы выдать себя за эйву? — и в его голосе совсем никакой злости, только интерес. Ну и снисхождение какое-то, что ли. Не обидное.

— А ты всех здесь знаешь? — настороженно спросила я.

— А это важно?

Молчу. Потому что важно, чёрт меня бери! И потому что я, кажется, попала... Меня сейчас не только чести девичьей лишат, но и рассмотрят во всех ракурсах, а потом лорду доложат. Или не доложат? Вряд ли уместно заниматься, хм, интимом с леди... И уж тем более перед лордом хвастаться такими вещами.

— Не бойся, — тихо сказал он, и рука легла на... будем считать, что на лиф. Легонько сжала, заставив ахнуть и чуть выгнуться ему навстречу. Затем медленно и очень нежно прошлась по животу и снова остановилась на бедре. — Никто не узнает о твоём секрете. Эйва.

— Даже лорду не скажешь? — вырвалось у меня.

На секунду лицо нагшаса стало серьёзным.

— Клянусь, — пообещал он. И вдруг подмигнул мне: — Кроме того, единение с эйвой — священно. О таком не говорят. И я не скажу

Не успела я выдохнуть почти с облегчением (потому что тут только два варианта — или поверить, или... смотри вариант один, других попросту нет!), нагшас добавил коварно:

— При одном условии.

— Каком? — я сама готовность.

— Ты позволишь снять эту маску. И всё остальное.

Я сглотнула. Ну вот как ему объяснить, что не могу я... Не могу и всё тут!

— А если не сниму?

Нагшас посмотрел серьёзно и покачал головой.

— Я не насильник. Эйва.

Видимо, моё молчание истолковали, как недоверие, потому что нагшас спросил:

— А если я принесу кровную клятву Безликой? Клятву, которую не смогу нарушить?

Я пожала плечами, но снова промолчала. Потому что любопытно же, что за клятва такая!

Того, что нагшас выкинет в следующий момент, я точно не ожидала!

Он сел, рывком. В руке его блеснуло лезвие! Свист... и в следующий миг с его ладони на предупредительно вытянутой за край кровати руки, прямо на пол закапала кровь.

— Кровь от крови нагшасов, плоть от плоти древних драконов, я клянусь Безликой никому не выдавать твою тайну, выдающая себя за эйву. Никто и никогда не узнает от меня о том, что случилось в стенах этой комнаты.

Нагшаса окутало мерцание, похожее не то на туман, не то на скопление крохотных тусклых звёздочек, а я... я уже видела такой туман и слышала эту клятву и... видела, что было с тем, кто преступил её...

А ещё я оценила формулировку клятвы. Нагшас не знал, кто под маской, но был точно уверен, что я не эйва, и поклялся хранить тайну «выдающей себя за эйву».

И это было приятно.

Глава 7

Приятно, конечно, было считать, что у меня есть выбор и что я могу отказаться в последний момент и... мечтать вообще приятно, кто бы спорил, но...

Больше нагшас ничего не сказал. Вообще.

Подхватив меня под плечи, приподнял, прижал к груди.

Я ахнула, когда его ладонь, та самая, прошлась по плечу. Я ожидала увидеть кровавые разводы на тонкой ткани, но их не было. Заметив мой взгляд, он продемонстрировал ладонь. Зажившую!

— Безликая приняла клятву, — прошептал он, целуя обнажённое плечо. — И теперь, даже если захочу нарушить её, не смогу.

Нагшас поднял голову, приблизился самому лицу, то есть к маске, пальцы его нежно погладили затылок. Глядя в зелёные глаза, в которых явственно читался вопрос, я поняла, что теперь моя очередь. А ещё поняла... что, если он сейчас не поцелует меня, я... я просто не знаю, что будет.

Пальцы сами скользнули под чепец, снимая его вместе с маской, отбросили в сторону.

Я отвела тяжёлый каскад рыжих локонов, упавших на лицо, затем несмело подняла взгляд.

Нагшас смотрел на меня, не мигая. Ни одной эмоции не промелькнуло на его идеальном лице. И в то же время зелёные глаза будто вспыхнули. Всего на миг. А может, это был блик от солнца...

«Узнал! — пронеслось паническое в голове. — Точно узнал! Он был там сегодня, на церемонии заключения брака. Или просто во дворце видел, с Грестой и Рамирой... Чёрт! Он же откажется сейчас... Ну вот сто процентов откажется. Проявит благородство... и тайну мою сохранит. Чёрт! Чёрт! Чёрт!!!»

— Нагшас, — почти мольба, да. Снова провожу ладонью по его щеке, в этом их ритуальном жесте эйвы. — Ты мне нужен, нагшас. Очень нужен.

— Зачем? — хрипло, но с каким-то недоверием выдыхает он.

— Хочу тебя.

И в следующий миг меня всё же поцеловали! Нежно. Едва касаясь губами.

И я целовала его в ответ. Целовала так, словно от этих поцелуев не то, что моя жизнь зависит, а судьба целого мира. Целовала жадно, настойчиво, борясь с подступившими к горлу слезами, сжимая в пальцах жесткие пружинки волос, притягивая его ближе.

— Не торопись, — тихий, хриплый шёпот. — Эйва.

Замираю, уступая инициативу ему. Вздрагиваю... Его поцелуи, исполненные бесконечной нежности, творят что-то невообразимое с моим телом. Я дрожу, вся, от макушки до пят, и внутри отчего-то всё сладко сжимается. От взрывного и такого постыдного желания, от томительного предвкушения...

Пальцы нагшаса порхают по плечам, спине, то сдавливая мою талию между ладоней, то нежно, очень бережно скользят по лопаткам. Это щекотно... и очень, очень волнующе.

Вот они тянут завязки лифа... И в следующий миг я выгибаюсь в его руках, вдыхая полной грудью.

Ласки становятся более смелыми. Жаркими. Бесстыжими. И это очень приятно и почти так же стыдно. И при этом невероятно пронзительно.

Поцелуи нагшаса тоже становятся другими. Более настойчивыми, пряными, волнующими.

Я задыхаюсь, вздрагивая всем телом, и мои губы тотчас же отпускают.

Нагшас покрывает поцелуями шею, плечи, грудь и меня омывает изнутри тёплой волной.

Ощущения от прикосновений его рук, губ... они... они ни на что непохожи!

Стыд, смешанный с наслаждением. Странная слабость тела и ощущение собственной беспомощности. Разгорающийся внутри огонь и острый холодок страха, смешанного со сладким, волнительным предвкушением.

Я вдруг ощущаю обнажённой спиной прохладную поверхность простыней.

Нагшас... Его движения и сейчас резкие, уверенные, выверенные. Словно просчитанные наперёд. Голова кружится, сознание подёрнуто радужной дымкой, а тело отзывается на малейшее, самое неуловимое, самое нежное прикосновение.

Нечто похожее я испытывала, когда не далее, чем полчаса назад наблюдала за его тренировкой...

Весь мир, казалось, замер, отступил на шаг, утратил значимость и реальность.

Ничего больше не имеет значения. Вообще ничего.

Беспрекословно-властные и бесконечно нежные ласки. Потоки... уже не тепла, а какого-то жидкого пламени, окатывающие изнутри. Собственное тело, ставшее вдруг странно непослушным, но... откликающееся на каждое прикосновение его рук и губ. Томное, пронзительно-сладкое ожидание...

Литые мускулы, перекатывающиеся под моими ладонями. Переливчатые узоры на смуглой, удивительно гладкой наощупь коже. Влажные локоны, падающие на лицо. Твёрдые, сильные пальцы, переплетающиеся с моими, и снова волна жара, окатывающая изнутри.

Его нежные губы на моих. Головокружение, падение в пропасть... и... меня словно пронзает разрядом тока. Не помня себя от этих хмельных, сладких, ни на что непохожих ощущений, взлетаю на самый гребень волны удовольствия. Также стремительно падаю... и взрываю вверх снова!

Невероятно. Пламенно. Буйно.

Нестерпимо нежно и медленно... и снова мощно и пронзительно.

Прямо как надо. Как *мне* надо.

Мир за пределами кольца его сильных и таких нежных рук уже вовсе исчез. Канул в бездну. Или сошёл с ума. Туда ему и дорога.

...Казалось, я всего на секунду впала в странное подобие забытья, в какую-то томную, блаженную негу... почти. Потому что где-то там, на границе сознания что-то отчаянно скандировало: что-то не так!

Открыла глаза и поняла, что именно.

В комнате царил полумрак. Из высокого, настежь распахнутого окна веяло свежестью, а на небе робко проступили первые звёзды.

Меня так и подбросило на кровати!

Закат!!! Мне нужно *было* вернуться в покои *до* заката!!!

Правда, если учесть, что никаких криков не слышно, «леди» не потеряли. Впрочем... Да даже если бы землетрясение случилось и стены рухнули, кажется, я бы даже не заметила.

Меня рывком привлекли к себе. Ставшие такими знакомыми губы прижались к виску.

— Ты куда собралась? — и снова его горячие губы на шее, плече... груди.

Тело тут же словно молнией пронзило.

Спокойно, Майя. Ты, кажется, справилась, да. Справилась — не то слово даже. А теперь... Теперь, будь добра держать себя в штанах, тьфу, руках, учитывая, что не то, что штанов, трусов эйве не полагается.

А он продолжает целовать... гладить... сжимать.

Но вместо острого, пронзительного желания накрывает девятым валом паника: а что, если не отпустит? Не выпустит?!

И нагшас каким-то образом улавливает моё настроение. Отстраняется.

— Что не так? Эйва?

Смотрю в его зелёные, такие зелёные, словно собрали в себя всю зелень мира глаза и понимаю... не могу я уйти, не поцеловав его. В последний раз.

И мои губы накрывают поцелуем. Нежным. Жадным. Горячим. Таким невозможно-пронзительным... Ещё, ещё мгновение, ещё одно, пожалуйста. Ещё совсем чуть-чуть, совсем немного. Прежде, чем этот сумасшедший жестокий мир снова станет моей реальностью...

— Ну, я пойду, — прошептала я, не без труда отстраняясь.

Нагшас посмотрел на меня долгим взглядом и ответил:

— Иди.

Сердце так и ухнуло в пятки, и, боюсь, нахлынувшего облегчения я сдержать не смогла. Судя по тени, скользнувшей по открытому лицу воина, по вмиг потемневшим глазам... не смогла.

Черте-как у меня получилось натянуть юбку. А вот с лифом потребовалась помощь.

Воин бесстрастно помог затянуть шнуровку. Только в самый последний момент коснулся губами плеча. И внизу живота сразу сладко дёрнуло, а дыхание сбилось...

— Спасибо, нагшас, — тихо сказала я.

Он усмехнулся, откинулся на подушки и завёл руки за голову.

— Тебе спасибо.

Нацепить дурацкий кружевной чепец, запихнуть под него выбившиеся локоны, затем дурацкую маску, водрузить на макушку дурацкую же шапочку с чуть смятыми краями, протопать через всю дурацкую комнату и... замереть. Перед тем самым выступом в стене, который, как показала практика, меня не слушается. Дурацким.

— Открой. Пожалуйста...

По-прежнему улыбаясь уголками губ, нагшас пересёк комнату и «отодвинул» стену.

Выдохнула. Теперь точно всё.

Воин же вышел за мной в коридор, но остался у той самой занавески, провожая взглядом.

Неудивительно, что я споткнулась!

Хорошо, под руку подвернулась стойка с оружием. Знакомая, кстати.

И лишь когда пальцы кольнуло, а тыльную сторону ладони окутало зелёным туманом, вдавливая руку в поверхность стойки, глухо застонала от досады и злости на свою неуклюжесть.

Ну надо же было так попасться!

Ведь всё, всё получилось! И судя по тишине, даже пропажу «леди» не обнаружили! Ну вот знала же, что не может мне так фартить! И эта магическая ловушка, в которую я так глупо попала (просто споткнувшись!) — прямое тому доказательство!

— Не двигайся. Эйва, — раздалось совсем сзади и я чуть не заплакала от облегчения. И даже в голову не пришло, как он смог преодолеть расстояние, разделяющее нас, за секунду.

Просто *так* он это сказал, что паника тут же отпустила. Просто окутало ощущением, что *всё будет хорошо*. Разве рядом с ним может быть иначе?

Нагшас накрыл мою руку своей, чуть сжал пальцы, поднял.

И ничего не произошло! Вообще ничего! Этой зелёной дымки вообще, как не было!

— Кинжал понравился? — словно ничего не случилось, спросил он, хотя, клянусь, я на этот кинжал и не смотрела!

Чувствуя себя глупо, кивнула.

И тут... он вдруг подмигнул мне и снял этот кинжал! Вместе с прозрачными ножнами!

— Бери, — сказал он. — Если тебе так спокойнее.

— Но... спасибо, но...

— Что такое? Эйва?

— Хватятся, — показываю на опустевшее место.

— Придумаю что-нибудь, — пожал он плечами и снова улыбнулся. Нежно так, ласково... Обнадёживающе.

А у меня вдруг в глазах защипало.

— Ну я пойду, — прошептала одними губами.

— Иди.

И на этот раз я и вправду ушла. И даже до лестницы без происшествий добралась. И ножны с кинжалом под юбкой, на бедре закрепила. И — о, чудо! кто бы мог подумать! — первый пролёт преодолела.

Потом уже всё началось.

Глава 8

Стоило на подкашивающихся ногах преодолеть первый лестничный пролёт, как под эти самые и без того не слишком «твёрдые» ноги выпрыгнуло... правильно, нечто зеленоглазое, чёрное и шипящее!

Реакция, несмотря на то, что колени были прямо более чем ослабшими, сработала. И даже как надо.

Я отпрыгнула. Просто понятно, что будет с этим ритуальным одеянием эйвы, попадись оно Беське под горячие когти. Знаем, плавали.

— Эй, кроха, ты чего? — рискуя быть исполосованной вторично, я опустилась на корточки рядом с шипящей, выгибающей спину кошкой.

— Ну, колись, кто нас на этот раз посмел напугать? Прости, прости, я хотела сказать — разозлить?

Зная, что кошки терпеть не могут медленно тянущихся к ним рук и реагируют соответственно, по-кошачьи, быстро и уверенно провела ладонью по чёрной лоснящейся шерсти.

Беська прогнулась, шикнула на меня, но видно было, что это так, больше для проформы. Спустя несколько таких настойчивых и уверенных поглаживаний она шипеть и таращить глаза перестала. Даже удостоила меня «мява».

— Прости, я что у себя мире тебя не понимала, что в этом, — прошептала я.

Беська же снова мявкнула и прыгнула мне на руки. Уткнулась носом в грудь, засопела, принюхиваясь. Стало немного неловко. На мне сейчас — совершенно точно — запах постороннего нагшаса. Характер Беськи мы немного изучили, не зря тут от неё шугаются. К тому же, как выяснилось, Беська — то есть Баст, конечно — любимая кошка лорда. Вся из себя священная и даже пожалованная самой Безликой.

Почему эта священная зараза мне благоволит — загадка. Причём для всех. И для самого лорда тоже, если донесли, конечно. Но вот не прекратится ли это самое благоволение вместе с запахом постороннего на мне, вот в чём вопрос. Хотя... если меня Беська вторично исполосует, может я опять, того, мир сменю? Хм. Размечталась. Тогда же ещё Катлин вмешалась... чтоб ей облысеть!

Но, вопреки сомнениям, Беське, судя по всему, на посторонний запах было наплевать. Наоборот. Прекратив принюхиваться, кошка завела свой «урчальник» и приступила к «массажным процедурам», попеременно выпуская позолоченные когти то на одной, то на другой лапе, вдавливая эти самые когти в во всех отношениях удобную для сей процедуры (точнее, экзекуции!) меня.

Я мужественно вынесла кошачью ласку, лишь чуть сместила её к плечу, ну, шея моя, судя по ощущениям, вовсе не предназначена для того, чтобы в неё когти впились.

Когда раздался треск ткани я ойкнула, но вспомнив, что мне этот наряд эйвы уже, в общем-то без надобности, да и Беська почти успокоилась, я осторожно отцепила от себя кошку, поставила её на пол и, посчитав свою миссию выполненной, поднялась.

Чтобы тут же испытать мощнейшее *déjà vu*, а именно — столкнуться взглядом со своей копией!

Нет, на этот раз то была не леди Катлин.

Просто передо мной стояла эйва. Ещё одна такая же, как я, в бело-бирюзовом костюме. Только маска на ней, в отличие от моей, бирюзовой с белыми узорами, была полностью белой.

— А ты что здесь делаешь? — спросили меня подозрительно.

Инструкций как вести себя, если со мной вдруг заговорит эйва, у меня не было. Наверное, если б Греста знала, подсказала бы, ну да откуда ей знать.

— Кошку глажу, — невозмутимо ответила я, указав на трущуюся о мои ноги Беську, благоразумно решив закосить под дурочку.

Сама же в это время мысленно просчитывала, куда ударить, сразу, чтобы эйва крик не успела поднять. Опять же, учитывая длину юбки, рот ей заткнуть и руки-ноги связать не проблема... Вопрос только в одно... что там с физической подготовкой у эйв? Надеюсь, до нагшасов им всё же далеко. Очень надеюсь...

— Кошку она гладит! — сварливо буркнула эйва. — Церемония Благословения нагшасов вот-вот начнётся. Ходи тут, выискивай вас, арены им мало...

«Что? Какая ещё церемония Благословения?» — чуть было не буркнула я, но вовремя прикусила язык.

Но всё же решила попробовать ещё раз договориться по-хорошему, так сказать.

— Да я уже вроде, это... ну... благословила... одного...

— Ты издеваешься?! — рявкнула эйва, и я поняла: не выйдет у нас разговора. — Нет, вы сегодня все надо мной издеваетесь!

И это уже не мне, просто следом за ней ещё две эйвы спустились. И замерли, хихикая и толкая локтями друг друга.

— А ну марш вперёд! — скомандовала эйва нам троим. — И чтоб без фокусов!

Нет, если б она одна была, я бы ещё решилась. Но трое... Скрипнув зубами, пришлось подчиниться.

Ещё и одна из «опоздавших» подхватила меня под локоть.

— Да ладно, — шепнула она. — Станцуем для лорда и гостей и опять свободны. Мы только на рассвете обратно.

— Вся ночь наша! — с заговорщицким видом шепнула вторая.

Та, которая злая (а скорее — ответственная, но мне, понятно, от этого ни жарко, ни холодно), только оглянулась и прошипела что-то не очень вразумительное, но явно ругательное.

Девчонки тут же перестали шептаться, смиренно склонили лица, точнее маски. Ну и я тоже склонила.

В висках же пульсировало и даже било набатом: «Станцуем для лорда».

Станцуем, для мать его, лорда!!!

Нет, оно, конечно, пока для него эйвы танцуют, лорд «новобрачную» не вызовет (ведь не должен, правда?), но... танец! Это же явно какой-то их ритуальный танец, о котором я вообще никакого представления не имею! Дальше у меня даже в мыслях шли исключительно непечатные выражения.

Глава 9

Следуя за эйвами вниз по лестнице, а потом по широкому каменному коридору, освещённому голубыми огнями круглых светильников, вмонтированных в пол и потолок, вдоль стен, я медленно считала про себя до десяти, сжимала и разжимала пальцы, пытаюсь прийти в себя и перестать злиться. Злость, как известно, плохой помощник.

Ну вот надо было мне так попасться! Присела, блин, на минуточку кошку погладить! Ну вот пора привыкнуть, что каждая, ладно, почти каждая встреча с Бесью — это локальный катаклизм! Армагеддец, если выражаться культурно. Подстава подстав, а не кошка, честное слово! Я уже просчитала мысленно: не встретить я её на лестнице, как пить дать успела бы проскочить перед эйвами. А теперь что? Теперь только расхлёбывать. А значит — вдох-выдох, вдох... выдох...

Когда волна злости и ощущения очередной грандиозной подставы от Бески схлынула, я вдруг поняла реакцию Гресты на мои робкие попытки донести до служанки вполне здравую, как мне тогда казалось, мысль. А именно — как мне «идти», пардон к лорду, сразу после потери девственности с кем-то другим?! Нет, понятно, о гигиене речи не идёт. В отведённых мне «покоях» ванна имеется. Но... Я, конечно, не спец, но ведь хоть какое-то ощущение дискомфорта после одного должно быть? Ну, хотя бы саднить на худой конец... О контрацепции я вообще молчу, как и о возможности подцепить что-то из ЗППП... Но Греста просто вытолкала меня из комнаты со словами, что, мол, анам — дар Безликой всем женщинам этого мира, и этот самый анам обо всём позаботится. Кажется, именно так она и сказала. И что даже забеременеть этот самый анам не даст. Исключение — когда женщина сама того пожелает... А в мои планы эта оказия точно не входит, по-крайней мере сейчас. Хотя... Стоило на миг представить, что, будучи женой проклятого лорда, у меня останется память о том зеленоглазом нагшасе... Так, Майя, завязывай с этими мечтами, точнее мыслями. Тем более, мы уже, кажется, пришли.

Зал, в котором мы оказались, был огромным. Такое ощущение, что простирался он под всей поверхностью дворца, или, как его скромно называли здесь, дома, и даже выходил за его пределы.

Освещение было то же, что и в коридоре. Голубой, не побоюсь этого слова, мистический свет, но с добавлением неоновой, из-за чего особенно ярко сверкают в темноте белые ритуальные узоры на наших эйвовских нарядах.

Танцевать предстояло на широченной четырёхугольной плите, напоминающей шахматное поле.

Каждая эйва — в центре «своего», очерченного белым, квадрата. Мне удалось протиснуться чуть ли не в середину. Для этого, правда, пришлось отдавить одной эйве ногу, другую просто словно невзначай пихнуть плечом, третью чуть ли не перепрыгнуть, ну, зато цель была достигнута. В середине, надеюсь, никто особо не заметит, если я станцую невпопад. А уж в этом можете быть благонадежны.

Но оказалось я зря волновалась. Почти.

Заиграла музыка, но эйвы продолжали стоять неподвижно, опустив маски и прижав руки к плечам, крест-накрест.

Рокот барабанов. Протяжная, какая-то надрывная песнь флейты. Гонг! И, кажется, даже нежный перезвон колокольчиков...

Я не сразу поняла, что негромкие, чарующие звуки музыки погрузили в некое подобие транса.

И когда эйвы начали двигаться, моё тело отреагировало быстрее меня. Какое-то время мне казалось, что я повторяла движения за остальными. Но потом поняла — ничего тут от меня не зависит. Вообще ничего. Нас всех словно связало незримой нитью и каждым движением руководит какая-то непонятная сила!

Я ожидала, что, опять же, логично, что ритуальный танец эйв будет преисполнен какой-то страсти, что ли. Желания. Влечения, наконец! Ничего подобного. Он был вершиной какого-то непостижимого аскетизма, величия, ощущения принадлежности к чему-то

огромному и могущественному, необъяснимому.

Шаг вперёд, рука поднимается и пальцы сами собой складываются в сложную фигуру. Поворот на месте, и снова шаг вперёд, с другой ноги, и, соответственно, поднимается другая рука. Обе руки над головой — шаг назад, поворот.

Негромкие звуки музыки прошивали насквозь, отдавались набатом в самых... хм, непредназначенных для этого самого отдавания местах. Наклонив в процессе танца голову, я вдруг увидела, что моё тело светится! Точнее, сияет радужная подвижная дымка, скользящая по обнажённым участкам тела.

Заметив, что с остальными эйвами происходит то же, облегчённо выдохнула.

Темный, какой-то бесконечный зал. Неоновый свет, отражающий белые и ярко-бирюзовые линии.

Какое-то невероятное количество эйв в ритуальных одеждах... мы движемся настолько синхронно, что кажутся единым организмом.

Я же окончательно отпускаю тело, которое совершенно ни в контроле, ни даже во внимании не нуждается и принимаюсь наблюдать за залом.

В темноте едва различимы силуэты. Сплошь одни мужчины. Нагшасы. И на нас смотрят, как зачарованные.

Наверное, странно-завораживающая, погружающая в транс музыка действует не только на эйв...

Вспоминаю, как меня узнали на лестнице, то есть приняли за леди Катлин и очень надеюсь, что это скорее исключение из правил. И за маской никто не отличит «новобрачную».

В процессе танца делаю полукруг головой и отмечаю, что место для анама надёжно прикрыто. Есть ли он там? Если да, то его только один нагшас видел. Если разглядел, конечно, потому что нам как-то не до этого было. Учитывая, что мы с полудня и до самого заката... Я, конечно, не спец, но разве так бывает вообще? И разве не должна я после нескольких часов непрерывного секса валяться в отключке? Или хотя бы просто валяться?

И... вдруг тот воин тоже здесь?

Среди всех этих тёмных силуэтов, что наблюдают за нами так пристально, словно страшатся упустить хоть одно движение?

Кто же из них лорд?

Я ведь проклятого так и не видела... Оказалось, у нагшасов очень удобные, или неудобные, как посмотреть, свадебные ритуалы.

Мой взгляд вдруг что-то потянуло за собой.

Один из застывших силуэтов показался знакомым! И взгляд, что прожёт насквозь, тоже!

С треском поползла с плеча ткань.

Беська, зараза, порвала всё-таки!

И тут... в том месте, куда так хотелось смотреть, вспыхнуло! Всего на миг.

Показалось даже, что там фары зажглись. Ярко-зелёные... И тут же погасли.

Сердце замерло, а потом заколотилось с такой силой... И в глазах потемнело, и даже уши заложило. Но при этом тело продолжало двигаться и размеренные движения танца понемногу успокоили.

По тому, что тело вдруг замерло, а музыка начала стихать, я поняла, что ритуальный танец Благословения или чего там, закончен. Уф. Теперь надо незаметно выскользнуть

из зала, преодолеть коридор, подняться по лестнице на пять пролётов, и, наконец, оказаться в собственных покоех.

Пользуясь тем, что тело стало вновь слушаться, я бегло заправила оторвавшийся рукав в лиф, прикрывая плечо. Мельком успела заметить на своей коже какой-то светящийся рисунок. Есть!

Значит, Греста была права. Анам, несмотря на то, что я иномирянка, всё-таки проявился!

Приладив кое-как на место злополучный рукав, подняла взгляд и замерла.

Передо мной стоял нагшас.

Высокий, как шкаф, широкоплечий. С голубыми знаками на лбу и скулах.

— Благословишь, эйва? — хрипло не то спросил, не то прорычал он. Речь его показалась почему-то странно замедленной, а от всего широкоплечевого силуэта веяло тревогой.

Я затравленно оглянулась. Пространство вокруг меня как-то стремительно опустело.

Судя по шепотку из темноты, эйвы, хм, рассредоточились среди гостей...

Ну вот и что делать?! «Благословлять» нагшаса не имею никакого желания... Интересно, как тут у них по части несговорчивых эйв? Учитывая наряды для этих самых эйв, фигово.

Стоп! Но ведь это эйва выбирает мишень для, хм, благословения!

Во мне что, так просто различить самозванку?! Или новенькую?!

— Нет, — ответила тоном королевы-девственницы.

— Нет?! — рыкнул нагшас и шагнул ко мне. И вдруг застыл, как громом поражённый! Причём смотрел уже не на мои верхние девяносто, а куда-то под ноги!

Переведя взгляд, выдохнула с облегчением.

Между мной и нагшасом стояла чёрная кошка.

Беська!

Посчитав, видимо, эффект, произведённый на нагшаса, неполным, Беська зашипела, выгнув спину дугой.

И он отпрянул! Отступил, пошатнувшись при этом! Ещё и на плечи поплевал зачем-то.

Победа!

Беська же мявкнула и прихватила зубами край моей юбки, потянула в сторону.

Я пошла за ней, ожидая криков в спину.

Их не последовало.

Мне просто дали покинуть зал!

А по коридору мы с Беськой бежали! Подозреваю, поставили, сами не зная того, несколько мировых рекордов!

И на лестнице не замешкались. И плевать, если мне кто-то крикнет в спину, что эйвы всегда преисполнены величия и достоинства. Я карьеру в храме их Безликой делать не собираюсь, мне можно.

Когда перед носом оказалась знакомая дверь, я чуть не разревелась от облегчения.

— Вот, значит, как, — выдохнула я, глядя на Беську. — Всё-таки чувствуешь за собой вину. То-то же!

— Мяв!

— Спасибо.

На ослабевших ногах я перешагнула порог, и, прикрыв за собой дверь, прислонилась к ней стеной и сползла вниз.

Глава 10

— А что вы... Ох, простите... эйва... вы, должно быть, дверью ошиблись. Это покои госпожи! — ни разу ещё я не видела Рамиру такой растерянной. Даже жалко её стало.

Греста же стояла рядом, сложив руки на груди и победно улыбалась. Впрочем, по морщинке между бровей, по теням под глазами поняла, что волновалась. И сильно.

Отбросив в сторону маску, стянула кружевной чепец. Шапочку умудрилась всё же потерять где-то по дороге. Что, Впрочем, неудивительно, стоило вспомнить наш с Беськой забег, до сих отдающийся сбившимся дыханием, бешено колотящимся сердцем и налившимися чугуном руками-ногами.

— Госпожа? — ахнула Рамира.

— Госпожа, госпожа, — усмехнулась Греста.

— Но...

Рамира побледнела на глазах, слившись по цвету со стеной. Даже ещё блее.

Лениво проследила её взгляд.

На моём плече красовалась чёрная кошка. Вылитая Беська. В золотом ошейнике, с подведёнными золотом зелёными глазами. Края татуировки светились, создавая эффект трёхмерного эффекта. Нам бы такие тату-технологии, честное слово!

— Вы... Ты... Не госпожа! — отличилась догадливостью Рамира.

По-прежнему не в силах совладать с дыханием, пожала плечами. Ну уж как есть.

— Госпожа, — с нажимом произнесла Греста, положив Рамире руку на плечо и сжав его пальцами. Рамира даже присела. — Новая госпожа.

— Но... это... как же...

— А откроем сейчас рты, нам первыми прилетит! Что не доложили сразу.

— Но...

— Когда госпожа вернётся, она ведь с нас спросит, Рамира.

Этот аргумент подействовал. К щекам служанки прилил румянец. Рот ещё несколько раз открылся и закрылся, и... закрылся окончательно. Рамира кивнула. А мне резануло это «когда вернётся». Сказать им, что их госпожа вроде как не имела в планах возвращаться? Или смолчать? Наверное, лучше второе. Ишь, госпожи своей бывшей бояться пуще смерти. Ну и к лучшему. Так точно не выдадут.

— Где тебя демоны носят?! — обернулась ко мне Греста, моментально сменив тон. — Извелась тут уже!

А я не против. Главное, что меня не хватились, и эти не выдадут, да.

— Где носит-где носит, — пробурчала я, поднимаясь. — Сама не видишь? — кивнула на анам. — Девственность теряла.

Мне показалось, или бросив быстрый взгляд на чёрную кошку на моём плече, Греста поморщилась? Нет, не показалось. Даже плечами передёрнула. Ну и ладно. Понятно же, что причины не скажет.

— Ванна готова, — сказала она, многозначительно покосившись при этом на Рамиру.

Кивнув, и воспользовавшись тем, что обе служанки скрылись в полукруглом проёме, ведущем в ванную, я быстро сняла ножны с кинжалом и за неимением лучшего места, да и времени на раздумья, сунула его под подушку. И лишь затем, как ни в чём ни бывало, проследовала за служанками в ванную комнату, или в купель, как говорят в этом мире.

Взгляд упал на своё отражение в квадратном зеркале, отделанном цветными кристаллами, и я замешкалась, вглядываясь в своё отражение.

Почему-то казалось, что то, что было сегодня, между мной и зеленоглазым нагшасом, должно меня изменить. Опять же, появление анама на моём плече...

Но светящаяся татуировка в виде чёрной кошки с зелёными глазами была, пожалуй, единственным новшеством. Ну и похудела я за прошедшую неделю сильно.

А в остальном... Зеркало бесстрастно отражало рыжую девушку со спутанными волосами, с белоснежной кожей (как и все рыжие, я не очень-то дружу с загаром), с россыпью веснушек на носу, стройную, большеглазую, что особенно заметно на фоне худобы. В каком-то нелепом наряде восточной танцовщицы... Ну, разве что губы припухли от поцелуев и голубые глаза лихорадочно блестят...

Рядом с бассейном с подогретой водой, который здесь почему-то именовался ванной, обнаружилась сложенная сорочка. Просторная, с длинным рукавом. Вся такая из себя аскетичная. Ну ничем не похожая на то, в чём по моим скромным представлениям, по ночам к лордам ходят.

Отложив удивление на потом, быстро избавилась от весьма потрёпанного, и, к счастью, больше ненужного одеяния эйвы и залезла в бассейн.

Горячая вода подействовала волшебным образом, нежа напряжённое тело. Я откинула голову на борт, блаженно прикрыла веки, понимая, что не то что шагу сделать — пошевелиться не смогу. Наверное, моя давешняя прыть объяснялась каким-то бешеным выбросом адреналина в кровь, что и неудивительно.

Глава 11

— Значит, не хватились? — спросила я, выныривая и вспенивая мыло на волосах.

— Не хватились, — ответила за обеих служанок Греста (показалось, или в её тоне промелькнуло сожаление?)

— Даже больше. Тхрагорский не пришлёт сегодня за тобой, — поддакнула Рамира и ойкнула: Греста, которая несла стопку полотенец, отдала подруге ногу.

— Как это не пришлёт?

— А вот так, — морщась, пробормотала Рамира. — Велел передать, что леди итак утомлена дорогой и обрядом венчания, — бросив быстрый взгляд на Гресту, добавила, словно извиняясь. — Так что сегодня — отдых.

— Ну и ладненько, — не стала спорить я.

Всё-таки из «ванны» пришлось вылезать, вытираться, переодеваться в сорочку. Пока мне сушили полотенцем волосы, я бессовестно клевала носом. Как добралась до постели — даже не помню. И даже приглушённые голоса Гресты и Рамиры в смежной комнатке для прислуги не помешали, хотя вообще-то сон у меня всегда был чутким.

Засыпая, я накрыла ладонью анам на плече и уже привычно порадовалась, что выиграла у смерти ещё один день. Сколько там мне предрекала в её мире Катлина? Так вот, бывшая леди крупно просчиталась. Я выжила. И выживу, несмотря ни на что. Ещё и найду способ отплатить ей за «добро». Вот не знаю, как — но найду!

Это была моя последняя мысль. Нет, вру, предпоследняя.

Последняя, прежде чем окончательно погрузиться в блаженное забытие, была о зеленоглазом нагшасе.

Интересно, как он там? Что делает сейчас? Может, получает «благословение» от ещё одной эйвы... нет, нет, и ещё раз нет! Даже мысль о том, что его губы и руки касаются другой женщины, причинила почти физическую боль и даже анам почему-то жечься начал.

Хотя... что это я?

Мне этот нагшас нужен был лишь для того, чтобы выжить. И чтобы муж преждевременно не догадался, что его провели. Мы, конечно, увидимся ещё... Наверняка ведь увидимся! Но оба сделаем вид, что не узнали друг друга. Ему не даст сказать обо мне принесённая клятва, а мне... естественный отбор.

Но никто и ничто не мешает думать о нём. Каждую ночь. Видеть мысленным взором, как живого. Честное, открытое лицо. Искреннюю улыбку. Эти невозможные, зелёные... смеющиеся глаза. Снова ощущать, какие жёсткие, какие непослушные наощупь его волосы. Гладкая кожа и стальные мускулы под ней. Вспоминать его сильные руки, которые умеют быть такими нежными...

Я ведь даже имени его не спросила. Постеснялась...

Нагшас вдруг предстал перед мысленным взором.

Просто высветился из темноты, и та стыдливо отступила назад.

А он просто смотрел на меня. С такой теплотой и нежностью, что сердце защемило, а в горле стал ком.

Я рванулась вперёд, коснулась пальцами этой его раскрашенной щеки, а он, как тогда, поверх свою руку положил. И по-прежнему смотрит, вглядываясь, казалось, в самую душу.

И хочется что-то такое ему сказать, такое... чтобы понял, что он для меня был... особенным. Хотя почему был? Что-то внутри подсказывает, что таким и останется.

Навсегда. Вообще навсегда. Но вместо этого почему-то вырывается:

— Надеюсь, лорд не в курсе, какой был анам у Катлин.

И нагшас, который уже склонился к моему лицу так низко, что вот-вот поцелует, вдруг отшатнулся, нахмурился.

— погоди, воин, — зову его так жалобно. — Прости меня. Прости, пожалуйста, я не то хотела сказать.

— Эйва, — и от звуков его хриплого, низкого голоса с едва уловимыми интимными, очень тёплыми нотками внутри так хорошо... Что ничего больше и не надо...

— Эйва! — он почти выкрикнул это. И взгляд его изменился! Глаза сощурились, а губы сжались в одну линию. — Эйва! Тебе грозит опасность!

— Что? Какая опасность? — успеваю спросить я и начинается землетрясение, а нагшас исчезает.

Землетрясение оказывается вовсе не землетрясением.

А Грестой, которая нещадно трясёт меня за плечо.

— Просыпайся! Просыпайся же, говорят тебе!

Я сонно хлопаю глазами и ничегошеньки совершенно не понимаю.

Обе служанки склонились надо мной с какими-то торжественными лицами.

— Проснулась, — констатировала Рамира.

— Что происходит? — хриплым со сна голосом спросила я. Недовольно так спросила, потому как за открытым окном — тьма, хоть глаз выколи. — Ночь-полночь...

— Лорд требует тебя к себе, — сообщила Греста, а у меня вдруг перед глазами померкло, как за этим окном.

Глава 12

— Но... сказали же, что вроде как не требует, — попробовала возразить я.

— Поговори мне ещё! — рыкнула вконец оборзевшая и потерявшая страх и чувство субординации Греста. И, наверное, что-то такое промелькнуло на моём лице, потому что служанка вдруг отшатнулась и добавила с заискиванием в голосе: — Сразу сказали, что не требует, а сейчас вот пришли. Пожалуйста, гос... госпожа, вставай... Ведь если что, с нас с Рамирой с первых же спросят.

— Видать, не дождался завтра-то, — подобострастно добавила Рамира. — Всё-таки первая ночь. Переоценил, значит, Тхрагорский своё терпение!

— Да ты не тушуйся, это добрый знак.

Добрый?! Ну, кому как. Это не их посреди ночи растолкали, потому что проклятый лорд «требовать изволят-с».

Но делать нечего, пришлось подниматься. Греста с Рамирой споро распустили закрученные на ночь папиюльки (и когда успели только их заплести?), в четыре руки вытряхнули меня из «аскетичной» ночной сорочки и поместили в другую, кроем похожую, но прозрачную и красную, в цвет сегодняшнего свадебного платья. Сверху накинули красный же атласный халат, расшитый жемчугом и камнями. На ноги полагались атласные туфли, тоже с камушками, с загнутыми носами и на низком ходу.

— А бельё? — возмутилась я и, не обращая внимания на всплески руками и закатывания глаз и заверения, что я-таки решила их погубить, всё же выудила из сундука со своими нарядами батистовый треугольник, ладно уж, с красным кантом, и, приспустив сорочку с плеч, бюстик, почти не отличающийся от тех, к которым привыкла, тоже нацепила.

Потому что, извините, без трусов разгуливать — это как-то уж слишком.

Это эйвам-бесстыдницам можно, а леди вроде как не по статусу.

На секунду перед глазами мелькнула картинка из сна — зеленоглазый нагшас, сообщающий об опасности.

И я тут же согнулась пополам, зашедшись в хриплом, надрывном кашле. Изобразила я его на десять баллов.

Надо было видеть лица служанок!

Целый калейдоскоп эмоций от «да что ж у неё всё не слава богу?!» до «мамочки, что же делать, пожар, горим!!».

Жестом показала, что хочу пить, а когда Греста подбежала ко мне с графином и стаканом в трясущихся руках, неловко (на самом деле ловко) дёрнулась, сотрясаясь в новом приступе кашля. Ругаясь под нос, Греста унеслась из комнаты, понятно, за водой, а я прохрипела Рамире, чтоб бежала следом и вместо воды молока принесла. Подогретого.

Когда обе вернулись, кашель, понятно, прошёл, а моё бедро любовно обхватывали ножны с подарком нагшаса. И под этим халатом не видно. Красота.

Нет, конечно стрёмно к лорду с холодным оружием топать, кто бы спорил... Но за всё время пребывания в этом доме меня ни разу не обыскали (правильно, а чего обыскивать, когда «своих», то есть «ледь Катлининских» вещей ни у меня, ни у служанок нет, только любезно предоставленное. Из покоев, опять же, не выхожу, традиции...) Не знаю, что это во мне столь отчаянно вопило — мнительность, интуиция, шестое чувство, предупреждение нагшаса во сне, но что-то мне подсказывало, что меня, в общем, могут вовсе не к лорду вести. Как-то уж очень подозрительно служанки переглядывались. И спешили, сильно спешили.

И стоит ли говорить, что подозрительно выглядел также тот факт, что лорд сперва вроде как любезно позволил «новобрачной» отдохнуть с дороги, а потом, вдруг, глубокой

ночью, передумал. Чуть какая-то. Может и не чуть, конечно, и такая переменчивость вполне в духе местных лордов, но... береженого, как известно, бог бережёт.

А если я ошиблась и меня-таки к лорду ведут... и даже доведут... чёрт, я так далеко даже не загадываю. Не прибили бы по пути, изобразив какой-нибудь несчастный случай.

Мол, простите, люди добрые, не виноватые мы, леди у нас часто во сне гуляют, лунатизмом маются, вот и не уследили...

А с лордом как-нибудь уже объяснюсь. В конце концов извинюсь, скажу, что кругом враги, имею все основания опасаться за свою драгоценную жизнь... Но опять же, до лорда ещё дожить надо.

Сопровождали меня Греста с Рамирой, вышагивая по бокам с торжественным видом. И мне, конечно, было не до их этого самого вида, просто всё время думала, с какой стороны ждать подвоха.

Но его не было. И это ожидание, натянутые оголёнными струнами нервы... всё это выматывало, причём стремительно выматывало!

Когда мы свернули в северное крыло дома (коридор с распахнутыми настежь окнами запомнился ещё с утреннего «венчания», когда мимо окна какая-то крылатая машина пронеслась), стало понятно, что мои опасения и не думают оправдываться.

Служанки вели целенаправленно к лорду.

И теперь мысли были заняты только тем, как объяснить проклятому мужу наличие кинжала под сорочкой...

А ещё интуиция подсказывала: насчёт служанок расслабляться пока всё же рано.

Поэтому нервное напряжение, казалось, уже достигшее своего предела, стремилось распространиться на всю Вселенную.

Когда мы оказались перед высокой дверью, поняла вдруг: не выдержу. Не могу я больше. Вот не могу и всё тут. Сейчас в истерику впаду, заплачу и примусь каяться-обратно проситься, к маме. Это всё... слишком, в общем. Чересчур слишком.

Но — слава богу! — это были всего лишь мысли, внешне я была — сама невозмутимость. И когда Рамира распахнула передо мной дверь, а Греста толкнула в спину, я, конечно, вошла внутрь.

Глава 13

Что-то неуловимо царапнуло внимание, заставило напрячься.

Я не сразу поняла, что именно. А потом дошло с запозданием: когда меня вели «венчаться», прежде, чем дать пройти в тот зал, объявили, так сказать, во всеуслышание. А сейчас не удосужились. Как исподтишка действовали. Впрочем... может, у них по ночам не принято кричать на весь дом о том, что жена, дескать, притопала в покои мужа?

После хорошо освещённого коридора глаза не сразу привыкли к полумраку комнаты, показалось даже сперва, что я стою в крошечной тьме.

Хуже всего было то, что меня встретила тишина. Полная. Абсолютная. Очень, очень тревожная! И без того ведь нервы на пределе...

Я замерла, почти не дыша.

А вдруг эта самая «подстава подстав», которая мне мерещится, никакая не подстава, а просто пакость Гресты и Рамиры? Может, лорд вообще спит? И, — так ведь хочется видеть в людях и их мотивах хорошее, — может, служанки просто запаниковали, что их леди «не позвали» и решили таким образом восстановить справедливость?

Я стояла и с замиранием сердца вслушивалась в тишину, моргала, пытаюсь привыкнуть к сумраку и рассуждала так: если лорд спит, то уж точно не стану его будить.

Постою немножко, а потом улизну к себе.

Нет, к себе слишком рискованно: эти ж курицы могут и хай поднять.

Поэтому... Навещу-ка я одного зеленоглазого нагшаса. А что? Где он обитает, я в курсе. Я почти уверена, что остальным эйвам он не достался. Наверное, спит крепким сном, знать не знает о том, что блуждаю тут впотьмах... А если вдруг и вправду спит и стука не услышит, что ж, прикорну на кушетке за занавеской...

Стоило подумать о зеленоглазом воине, как щёки вспыхнули, колени налились томительной слабостью, а дыхание потяжелело. Даже не верится, что то... то волшебное и невероятное, что произошло между нами, было в реальности. А ещё не верится, что это было всего один раз. Идиотизм, конечно, но кажется, я знаю этого зеленоглазого нагшаса всю жизнь. Вообще *всегда* знала. И он меня тоже.

— Подойди, — раздалось вдруг хриплое (хотелось бы добавить рычание, но это была всё же человеческая речь, хоть и какая-то заторможенная, что ли?) и я не то что вздрогнула, я подпрыгнула на месте, позорно всхлипнув! Сработал эффект неожиданности, и на него ж явно и рассчитывали!

Помня, что злить лорда в мои планы никак не входило, и, учитывая, что слышала о нём до сих пор промедление вообще смерти подобно, сделала пару несмелых шагов вперёд. И не из робости или излишней скромности, а ведь не видно ни черта! Не хватало ещё об этого самого лорда споткнуться!

— Понимаете, тут какое вышло недоразумение, — начала я издалека, собираясь, как есть, поведать лорду о своей излишней мнительности и о так некстати припасённом кинжале.

— Заткнись, тварь! — хриплый оклик был таким неожиданным, что до меня даже грубость не сразу дошла.

А когда дошла, кулаки сами собой сжались.

Да что он себе позволяет?! На меня никто никогда не орал и тем более не хамил!

Папе для «сурового казачьего воспитания» сыновей хватало, вот прямо более, чем, сверстники — тоже понятно, не рисковали. В основном из-за братьев, конечно, и отца, чего уж там. Но я, если честно и сама могла за себя постоять. И, хоть мама пробовала мой боевой дух ломать и вообще, воспитывать «как девочку», вынуждена была с отцом

соглашаться.

— Пока учится хорошо и учителям не хамит, пусть ведёт себя, как хочет, — безапелляционно заявил как-то папа на семейном суде, пардон, совете. — А то, что Зайцеву синяков наставила, так мне не хватало ещё в детские разборки лезть. Сегодня дерутся, завтра целуются. А я дураком выглядеть не хочу.

— Ещё не хватало! С Зайцевым целоваться! — запоздало возмутилась я.

— Ша, молекула! — цыкнул на меня папа, а потом подмигнул и добавил: — Всё море наше!

— Вот ты всегда ей потакаешь, — покачала головой мама, хотя она вообще-то с отцом не спорила, при нас по-крайней мере, просто тогда сильно из-за тети Иры, мамы того самого «Зайцева» и своей лучшей подруги по совместительству, расстроилась. — А ты посмотри, во что дочь превратилась! Вытянулась, меня уже догнала, худющая, вся в синяках и ссадинах. Не девочка, а бродячий котёнок.

— Инна, включи логику, — миролюбиво посоветовал папа. — То, что вытянулась, это хорошо, в нас пошла, в Богаевских! А что сорванцом растёт, пусть её. Ну скучно ей с девочками! А с пацанами (имелось ввиду, конечно, с братьями) и веселей, и безопасней. И за себя постоять умеет.

— Другие девочки платьям радуются, — не унималась мама. — А Майе маску с лапами подавай! И скутер!

— Одобряю! — хлопнул ладонью по столу папа. Не успела я обрадоваться, как коварно добавил: — Но и платье тоже купи. Самое дорогое. Под мою премию. Чтоб все эти, — он растопырил пальцы и поморщился, — рюши эти ваши там, ага. И рукава чтоб фонариком!

— Папа! — на этот раз о-очень искренне возмутилась я. — Ну какие ещё фонарики!

— Ладно, ладно, — буркнул папа, усмехаясь в усы. — Давайте, что ли, чай пить.

И мама притихла, загадочно улыбаясь. Просто то, что папа не понаслышке знал о «рюшах» и «рукавах фонариком», на чём, собственно, его познания касалась женской моды и заканчивались, очень просто объяснялось. А именно — маминым свадебным платьем, которое до сих пор любовно хранилось, присыпанное надеждой, что «когда-нибудь и Майя его наденет», в шкафу. Я, понятно, в этом сомнительном во всех отношениях действе участвовать не собиралась, а вот историю о том, как маме хотелось тех самых «рюш» и «фонариков», и папа, чтобы достать то самое, необходимое, задействовал все свои связи и таки нашёл то самое платье («гэдээровское!» — гордо заявляла мама) буквально перед самым посещением ЗАГСа, слушала с удовольствием.

Вообще, мама меня любила, хоть и подчас очень уж беспокойной любовью. А папа — баловал. Нещадно. И братья любили тоже. И пусть порой, особенно в том, что касалось мальчиков, которым я нравилась, эта любовь выглядела, как немотивированная агрессия, точно знаю — любили.

И вот сейчас, какой-то там выходец из сумасшедшего магического... что тут у них тут... средневековье? первобытнообщинный строй? не суть... будет рычать на меня, обзывать и говорить: «Заткнись»?! Ну, это, знаете ли, ни в какие ворота...

Но моё молчание, видимо, было ошибочно истолковано, как покорность.

Больше не рычали.

Вместо этого хлопнули в ладоши и вспыхнул свет.

Такой яркий, что я зажмурилась!

А когда открыла глаза, стало понятно, почему их так резануло.

Просто я стояла в центре святающегося четырёхугольника, причём за границей света оставалась пусть не та же тьма, но всё же полумрак.

Прищурившись, разглядела в этом полумраке высокую кровать под балдахином, на которой вальяжно развалился тёмный плечистый силуэт.

Глава 14

— Раздевайся! — снова рычание. Злое причём. И голос... мягко говоря, неприятный. И... нет, мне не показалось, язык у лорда заплетается.

— Я просто хотела сказать, — чего мне стоило произнести это ровным тоном, в то время, как внутри всё так и клокотало от ярости, одна я знаю. Но всё же надо бы объяснить этому бешеному кинжал...

— Заткнись, я сказал, шлюха!! — оклик был такой злой, что я зубы чуть в пыль не искрошила. И всё же не выдержала.

— Шлюха-не шлюха, под тобой не валялась!

Знаю, грубо. Неосторожно. Неосмотрительно. Некрасиво, наконец.

И очень, очень опрометчиво.

Но я вообще-то к этому психу в жёны не набивалась! Это он, значит, моего мужа убил, то есть Катлининого, но не суть, меня сюда притащил, женился по каким-то нагшасским обычаям... И пусть во время «венчания» я ни лица его, ни его самого не видела, обращались со мной почтительно! А сейчас, значит, шлюха?! С какой-то радости я должна это терпеть?!

— Так щас повалеешься, — прорычали с явной угрозой. — Раздевайся, я сказал!!

Что-то очень резануло слух. Прямо сильно резануло. Но что именно, я понять не успела. Потому что как-то само собой вырвалось:

— Нет.

— Нет?! — рычание в визг перешло. Прямо в фальцет. Прямо истерика какая-то, честное слово. И это — лорд?! Мой, с позволения Безликой, муж?! Который на людях лорд, а с женой в спальне — быдло?!

— Нет, — тихо, но твёрдо подтвердила я.

Кровать заскрипела. Лорд поднимался.

Он приблизился, двигаясь как-то неловко. Как будто спешил показать, какой он тут весь из себя и вообще главный, но что-то его сдерживало. И покачивало при этом.

Левое плечо вдруг обожгло. Анам! Не так давно приобретённая магическая татуировка прямо-таки загорелась! Что это означало — я не знала. Но логично было предположить, что предупреждала об опасности.

Захотелось сделать шаг назад, но я нечеловеческим усилием воли устояла на месте. Не хватало ещё показывать своей страх.

А страшно было. Даже жутко. Но злости всё равно было больше!

Когда лорд подошёл к границе света почти вплотную, показалось в его силуэте что-то знакомое. И в чертах лица — довольно размытых из-за бьющего в глаза света — тоже.

— Шлюха! — рывкнул он и ударил.

То есть, как ударил. Попытался ударить. Дать пощёчину точнее.

Нет, меня никто никогда не бил всерьёз (драки же во дворе не считаются, правда?) Но когда растёшь с тремя старшими братьями, поневоле приходится осваивать чудеса реакции. Вот и осваивала, год за годом. Весьма успешно, кстати.

И сейчас реакция меня опередила.

Я просто присела и отступила в сторону.

Лорд, не ожидавший такого, пошатнулся. И снова в его движениях что-то насторожило.

Когда попытался ударить снова, а я отпрыгнула — поняла, что именно. Запах перегара. Едва уловимый, но всё же. Лорд был пьян. Причём в стельку. А сразу я этот запах не распознала, потому что к нему примешивался ещё один, на хвойный похожий, и здорово алкоголь перебивающий.

Лорд зарычал, изрыгнув совсем уж грязное ругательство и набросился снова. На этот раз увернуться почти удалось, то есть удар ребром ладони — бил лорд в шею — задел вскользь макушку. А вот потом везти перестало: кулак в живот угоди. Прямо в солнечное сплетение. И пока ловила ртом воздух, меня схватили за волосы и потащили на кровать.

Впрочем, оказавшись на ней, я тут же откатилась в сторону.

Завязалась самая настоящая драка.

С руганью, проклятиями, пыхтением.

Я на ответные оскорбления силы не тратила.

Дралась, как в последний раз...

От большинства ударов я уворачивалась, и сама пару раз пяткой лордскую морду приложила, и кулаком тоже... Но лорд, похоже, понял, что жена ему попалась «неправильная», терпеть побои несогласная, поэтому перестал оскорблять и тоже принялся драться всерьёз.

Несмотря на хорошую, без ложной скромности, физическую подготовку, я понимала, что шанса против эдакой махины у меня нет. Так, время тяну. Но сдаваться не собиралась, сопротивлялась, как дикая кошка!

И всё равно попалась. Что было ожидаемо, но обидно.

Сцепив зубы, всё же взвыла от боли, прижатая тяжестью мужского тела к кровати, с вывернутой за спину рукой.

— Не хочешь по-хорошему, значит, шлюха...

Я даже о боли на какое-то время забыла.

Это пьяная свинья называет «по-хорошему»?!

Что же тогда меня ждёт «по-плохому»?!

А когда мужские пальцы больно впились в то самое место, на котором сидят, поняла вдруг: умру. Очень скоро умру. Сто процентов. И никто не поможет, никто на помощь не придёт. Я, согласно реалиям этого мира — собственность этого насильника.

И сразу такое спокойствие накатило.

Прямо транс, как когда танец с эйвами танцевали.

С запозданием дошло, где я прежде лорда видела. Там, после танца. Тот самый нагшас, что о благословении спрашивал... Ну точно, он!

Вместе со спокойствием пришла холодная решимость.

Это я сразу трепыхалась, в надежде... да не знаю, на что я надеялась. Наверное, просто не готова была к такому. К смерти. А когда приняла, как неизбежное... Что ж. Второго шанса у меня не будет. Первого, — учитывая, что это пыхтящее недоразумение понемногу юбку задирал, что не очень-то удобно, когда одной рукой он мне руку заламывает, а сам вообще на мне сидит, — первого тоже может не случиться.

Значит, силой не удалось (но за попытку и битую лордскую морду я себя не осуждаю), придётся действовать хитростью.

— Не надо, — простонала я. И даже стонать не пришлось, потому что ну больно же! —

Пожалуйста, хватит... Я всё сделаю...

— То-то же, — прорычали сверху с некоторым, как показалось, облегчением. — А ну, раздвигай ноги!

— Больно, — ничуть не соврала я, и, к моему стыду и позору, рыдания тоже изображать не пришлось. Правда, больно.

Руку отпустили, но снова схватили за волосы.

— И без этих твоих ведьмовских штучек, понятно тебе?

— Да.

Больше всего боялась, что он не даст перевернуться. А из положения ничком до ножен не дотянешься. То есть дотянешься, конечно... но и толку.

— Хочу видеть твоё лицо, — прорычал лорд, и, наконец, слез с меня.

И вот можно было, наверное... сделать то, чего от меня ждали. Меня больше не били, не обзывали. Но я уже знала — не смогу. Не смогу потом в зеркало на себя смотреть, если дам этому пьяному скоту себя изнасиловать.

Поэтому перевернулась, и пока его пальцы грудь мяли, умудрилась-таки сорочку задрать и кинжал вынуть.

— Да не трепыхайся ты, — зло пробурчал он. Невменяемый взгляд его стал масляным, дыхание — тяжёлым и прерывистым.

Рывок...

— Ах ты тварь! — выкрикнул он, отшатнувшись, а я поняла, что... в общем, бездарно израсходовала свой единственный шанс...

Удара по лицу я даже не ощутила. Отлетела в сторону, но кинжала не выпустила.

Моё запястье перехватили, вывернули...

И вдруг лорд взвыл! На этот раз прямо по-звериному! Даже как будто на два голоса!!

До меня не сразу дошло, что это не он воет! То есть, не только он!

Что-то чёрное, со вздыбленной шерстью и горящими в темноте глазами сидело у лорда на голове и злобно мяукало, то есть орало даже... и царапало когтями, норовя достать до глаз!

Я отползла назад, продолжая сжимать рукоятку кинжала.

Беська!

Но откуда она здесь?!

Лорду, наконец, удалось сорвать с головы взбесившееся животное, отбросить кошку в сторону.

Взгляд налитых кровью глаз уставился на меня.

— Убью, — просто сказал он, занося кулак для удара.

И в следующий миг захрипел, схватившись за шею, сжав её пальцами, через которые потекло тёмное. Бешено вращая глазами, лорд рухнул на меня.

Спустя несколько секунд удалось выползти из-под дёргающейся туши. Кубарем скатилась с постели. Не веря, посмотрела на дрожащие руки. Это... что, правда? Я в самом деле убила человека? И не просто человека... лорда, который, здесь, в этом сумасшедшем мире был моим мужем?!

Ноги перестали слушаться. Попыталась подняться — не удалось.

И накатил паника. Просто показалось, что я больше вообще на ноги встать не смогу, никогда. Так и увидела, как меня волокут на плаху. Или что тут у них для таких случаев предусмотрено...

Совсем недавнее решение умереть внезапно схлынуло.

Более того, я поняла, что очень, просто очень хочу жить!

...Я пришла в себя от мяуканья и боли.

Вздвогнув, обнаружила, что по-прежнему сижу на полу, а Беска, забравшись ко мне на колени, рвёт когтями то, что осталось от халата и сорочки. Когти больно впивались в кожу, оставляя на мне алые борозды, но именно эта боль и помогла очнуться.

— Мя-а-у!! — мяукнула Беска, и я поняла, что мяучет кошка уже какое-то время.

— Что же делать?! Что же делать?! — вырвалось у меня паническое.

Беска тут же спрыгнула на пол и чёрной тенью метнулась к окну.

Я чудом поднялась и на подгибающихся ногах бросилась за ней.

А вдруг?! Вдруг и правда получится сбежать?

Глава 15

Вроде снаружи тихо, лорд на кровати... кажется, тоже затих.

— Погоди, — шепнула я, и, прежде, чем лезть следом за кошкой, подтащила к двери кресло с высокой спинкой. Затем забралась на подоконник.

От высоты закружилась голова.

— Мяв! — раздалось откуда-то сбоку и я увидела Беську, бодро вышагивающую по узкому карнизу.

Как у меня хватило смелости ступить на него — понятия не имею. Как не имею никакого понятия, как удалось по этому самому карнизу пройти.

Перебравшись через широкий подоконник, я оказалась в том самом коридоре, по которому мы шли с Грестой и Рамирой. Если бы не Беська, бегущая впереди — заблудилась бы. Но вскоре оказалась на улице.

Поодаль горели огни, мелькали тёмные силуэты — нагшасов и эйв в шапочках с подогнутыми краями, слышались голоса и смех.

Эйвы говорили, что они отбывают с рассветом...

И пока никто не хватился ни меня, ни лорда... чёрт, неужели и правда есть шанс сбежать?

Обогнув сборище людей, я метнулась под сень разлапистых чёрных деревьев, понеслась по щебневой дорожке. Оказавшись в тупике, ломанулась прямо через колючие кусты. Бежала, не разбирая дороги, падала и снова поднималась, не сразу осознав, что потеряла Беську из виду.

Отдышавшись в очередной раз, побежала снова.

И — с размаху впечаталась в чью-то грудь. Стальные пальцы сомкнулись на моих запястьях.

— Леди Катлин? — раздался низкий, удивлённый голос.

Я вздрогнула всем телом. Я узнала этот голос. Слышала его сегодня, на лестнице.

Подняла голову и столкнулась взглядом с мужчиной с квадратным подбородком, в одежде нагшаса. Но это точно был не нагшас!

Запястья тут же выпустили и... не знаю, как удержалась на ногах.

— Мы не ждали вас так скоро, — недоумённо протянул мужчина.

Сзади раздались шаги. И по бокам кусты зашуршали. Но тот, на кого наткнулась в темноте, никак не отреагировал.

— У вас получилось? — я не сразу поняла, что вопрос относится ко мне. Лишь когда спросили снова: — Что с проклятым?

Хрипло выдохнула:

— Мёртв. Я его убила.

В ответ раздалось длинное, совершенно непечатное ругательство. Но сориентировались быстро.

— Быстрее! — скомандовал тот, кто ругался, обнимая меня за талию. — Скоро его найдут и тогда нам не выбраться из Нагшаса.

И я снова побежала, точнее, мы побежали. Моё запястье сжимали стальные пальцы.

— Что же вы так? — укоризненно спросили на бегу. — Не сдержались...

— Не сдержалась, — выдохнула я, решив не спорить.

Мне ничего не ответили, но замолчали как-то напряжённо.

— Ещё немного, леди, — дёргая за руку, проговорил мужчина. — Грагхи готовы...

Грагхи действительно нас дожидались. В окружении ещё нескольких мужчин.

Грагхами здесь называли голубых шестилапых зверей, как я уже поняла, заменявших в этом мире лошадей. С длинными и подвижными усами, чем-то на те, что у сома похожими. Таких я уже видела. Грагхи были запряжены в фургон, что привёз нас с Грестой и Рамирой из Валдарии.

Вот только сейчас, судя по отсутствию какой-либо повозки рядом, предстояло ехать верхом. В мыслях мелькнуло: повезло, что на лошади прежде сидела...

Мужчина, что тянул за руку, подставил руки, помог вскарабкаться в седло. Грагх, который до этого дрожал крупной дрожью, мгновенно затих. Я только и успела, что вцепиться в поводья, как грагх взял с места, сразу переходя в высокую ритмичную рысь.

Сзади раздалось обиженное мяуканье, почти крик.

Беська! Чёрная кошка, которая косвенно к моему попаданию в этот мир причастна! И которая только что мне жизнь спасла! Отблагодарила... А я её тут бросаю... А нам на плече заныл, в груди тревожно заскребло когтями. Я самой настоящей предательницей себя почувствовала. Неблагодарной причём. Было очень, чуть не до слёз жалко оставлять здесь, в Нагшасе, Беську. Но что я могла сделать? Грагх с каждым шагом набирал темп, мужчины, что устроили мой побег, свистели на разные голоса, кричали что-то. Попросить остановиться, чтобы забрать кошку? Учитывая, что за нами, возможно, погоня, и погоня эта — нагшасы?! Глупее ничего не придумать...

И всё же сердце сдавливало от ощущения, что я сейчас совершила какую-то непоправимую ошибку...

...Понятия не имею, как не свалилась с грагха сразу и вообще удержалась в седле. Не иначе, кровь предков-казаков сказала. Но и не только. Откуда-то пришло понимание, что грагх не даст мне упасть. И выучка, ну или дрессировка ни при чём. Просто меня чувствовали, как свою часть. И у меня, кстати, было подобное чувство тоже.

И в целом на грагхе оказалось сидеть удобней, чем на лошади, а может, всё дело в этой странной связи между мной и зверем.

Двигались мы гуськом. Причём мне казалось, что несущиеся по бокам деревья и холмы несутся куда быстрее, чем мы движемся!

Ну точно! Галоп шестилапого был, мягко говоря, впечатляющим, но... чёрные силуэты деревьев с одного бока и холмов — с другого двигались с превышающей все пределы разумного допущения скоростью! На миг представилось, что я на поезде еду! Причём на скором, на самой крыше и сидя на очень странном и подвижном сиденье!

При этом ветер, конечно, в лицо бил, волосы и обрывки одежды развеивал, но дышалось при этом довольно комфортно.

Следом возникло чем-то похожее на транс состояние, как когда тело двигалось само, словно знало и помнило все движения ритуального танца эйв. Так было и сейчас. Мелькнула даже мысль, что может, мне с переходом в этот мир часть рефлексов моего Отражения перешла, Катлины то есть, но развивать эту мысль было некогда.

Езда верхом, к тому же на совершенно незнакомом животном — не ритуальный танец. Здесь полагаться на новоприобретённую память, привычки, рефлексы и иже с ними было откровенно стрёмно, приходилось всё время быть начеку.

Мужчины отдавали приказы грагхам, используя совершенно незнакомые мне команды и свист. Я же лишь судорожно сжимала в руках поводья, стараясь при совсем уж быстрой скачке пригнуться к седлу.

В голове билась одна мысль: только бы выбраться из герцогства!

К сожалению, она дополнялась ещё одной: допустим, выберусь, а потом что?!

Кто эти люди, устроившие мне побег?

И ещё... это ведь леди Калин побег устроили, не мне. Что со мной будет, когда *они* пойму, что я — самозванка?!

Глава 16

Неделю назад, наш мир, город N

Летние каникулы для того и летние, чтобы отдыхать и бездельничать в своё удовольствие.

Это раньше я всё по военным спортивно-оздоровительным лагерям с братьями, а теперь я студентка. К гордости папы (и сожалению мамы, которое она, правда, скрывает, но не всегда удачно) я — кадет лучшей военной академии страны. И поступала на общих условиях, без поблажек и протекции (во что верится, понимаю, с трудом), но это уже другая история. Более того, не далее, как час тому назад последний экзамен летней сессии был успешно сдан, а я гордо и официально стала значиться кадетом второго курса.

Впереди — целых два месяца заслуженного отдыха!

От поездки к предкам в Валерьяново удалось отмазаться, от поездки к прапредкам на Кубань — тоже. Правда, пришлось выдержать (а точнее, что пережить) словесную пикировку с дядьями и пообещать (то есть клятвенно заверить, что очень-очень постараюсь) быть в августе, на недельку-другую, перед самым началом учебного года.

Но до августа ещё почти полтора месяца. Словом, вечность.

Что-нибудь да придумаю.

Откровенно говоря, думать ни о чём не хочется. Даже о Кубани. Даже о Чёрном море, не говоря уже об Азовском.

А чего хочется?

А просто в кои-то веки побыть одной. Пожить, так сказать, для себя. Когда не надо куда-то бежать, чего-то преодолевать, ставить рекорды и сравнивать результаты. И вообще, Дымка, конечно, не Кубань, но и на ней на байдарках в сплав отправиться можно, а уж просто поплавать и позагорать... Опять же, местные леса ещё, как следует, не хожены — не изучены, и вообще.

От «заманчивого» предложения «обмыть» сессию я тоже, кстати, отмазалась.

Больше всего хотелось завалиться на каком-нибудь живописном бережку с книжкой, газировкой и бутербродами, вытянуть гудящие после сдачи нормативов ноги, и чтобы вокруг бабочки-стрекозы-сверчки и вообще лето. В общем, на какое-то время просто выпасть из реальности.

Только сперва — в общежитие. Переодеться, конечно, зачётку оставить, шпаргалки вытряхнуть...

Чёрт меня дёрнул кругом пойти...

Вот говорят же, чёрная кошка не к добру. Хотя я вообще-то ни разу не суеверная...

Кошка прыгнула прямо под ноги, оглушительно вереща.

Чёрная, в лучших традициях всяческих страшилок, с выгнутой спиной, хвостом трубой и вытарашенными зелёными глазищами. А ещё какая-то жалкая очень, шерсть клочьями торчит и... напуганная до истерики.

Причина испуга и истерики показалась из-за угла здания практически сразу же. Точнее, сначала услышалась — топотом и надрывным хриплым лаем, и потом уже увиделась.

Три чёрные псины, очень на ротвейлеров похожие, но без рыжих подпалин. А ещё лопоухие и хвосты не купированные. И громадные, как телята!! Заливаясь надрывным лаем, лязгая зубами и брызжа слюной они бросаются на маленькую, напуганную, жмущуюся к моим ногам кошку!

Моя реакция опередила логичный в таких случаях страх.

— Фу!! Место!!!

Псы отпрянули, припали на передние лапы. Но лаять и лязгать зубищами не прекратили.

Неудивительно, что у котейки нервы-таки не выдержали.

Мяукнув так оглушительно, что даже этих зубастых порождений преисподней переорала, кошка понеслась за угол.

Псы — за ней!

И... ваша покорная слуга — следом.

Потому что я, в отличие от кошки, знала: там тупик! И стены бетонные, ровные. Вскрабкаться по ним на какой карниз и переждать, пока угрозе для жизни надоест ждать, и она унесётся по своим собачьим делам — без шансов.

А ещё я собак не боюсь. Ещё задолго до того, как Артём выбрал карьеру военного кинолога, я с удовольствием поддерживала старшего брата во всех его кинологических начинаниях. И он всегда говорил: «Майка, у тебя прям дар. Ты зверей чувствуешь, а они тебя. То, чему я учусь, ты как будто с рождения владеешь». Даже уговаривал меня тоже на кинолога учиться, но мне сетевое администрирование интересней казалось. Кабели в зубах, колени в пыли, волосы в SPO-2... романтика ж! Но в чём-то Артём всё же прав: животные меня и вправду слушаются.

А учесть, что эти три псины — во-первых, не набросились, а во-вторых, команды моей послушались (пусть и ненадолго) говорит о том, что выученные. Значит, у нас с кошкой шанс есть. Один на двоих. А вот у неё без меня... без комментариев.

Впрочем, это объяснять долго.

На деле же произошедшее не заняло больше нескольких секунд.

Понятия не имею, как мне удалось одну из собак за задние лапы схватить и в сторону отбросить (говорят, у психов в моменты обострения сил приливает немеряно... а в том, что тот, кто полез, не раздумывая в собачье-кошачью драку — как есть псих, даже не обсуждается), и вперёд протиснуться, на жалобное... уже даже не мяуканье, а самый настоящий плач, на детский похожий!!.. Меня в эти секунды вообще вроде как не было, ну, то есть, я себе не осознавала. А осознала уже сидя, вжавшись спиной в стену, прижимающей к себе липкую и визжащую кошку руками и коленями.

Кажется, я кричала. Ну как, кричала, пыталась «командовать». Этими обезумевшими от запаха крови жертвы псинами, ага. Так они меня и послушались...

Нет, ну сначала отпрянули, явно не ожидав такой наглости, а потом набросились. Все разом.

Я только голову пригнуть успела, группируясь и прижимая к себе кошку, чувствуя, как обезумевшее от боли и ужаса животное впивается в меня, нет, уже нещадно рвёт когтями.

Мелькнула мысль, что глупо, очень глупо погибать вот так и ещё очень страшно... а потом стена за моей спиной подалась, и мы с кошкой ввалились внутрь здания. Я перевернулась через голову, но как-то не очень удачно, крепко приложившись макушкой и... позорно отключилась.

Глава 17

Очнулась я от ощущения наждачки на щеках, причём наждачки тёплой и довольно подвижной.

Открыв глаза, поняла, что лежу на каменном полу, в каком-то не то ангаре, не то производственном помещении с вытянутыми окнами под самым потолком, дающими тусклый свет, а кошка (живая!) сидит на груди, мнёт лапами (когтистыми, зараза!) шею и вылизывает лицо.

Потом вернулись звуки. Мяуканье — жалобное и какое-то виноватое.

А ещё лай. Приглушённый, раздающийся из-за стены, но всё же лай! И скрежет когтей снаружи.

Первая реакция — ощупать-осмотреть руки-ноги, осторожно провести ладонями по лицу и волосам, оценить, так сказать масштаб нанесённых увечий.

Их особо не обнаружилось. Повезло, что в кадетской форме (или правильной сказать — в кадетских лохмотьях?). Теперь, конечно, придётся шить на заказ новую, но это, право, такая ерунда по сравнению с тем, что могло бы быть, не провались мы с котейкой сквозь стену.

На бедре — кровоточащая рана, на плече — тоже, кажется, укус, сильно рванули... Шея и руки исполосованы, но это уже кошка. Лицо вроде нетронута. На пальцах, после того, как провела ими по волосам, остался клочок рыжих волос — но даже и это не смертельно.

Теперь — осмотреть вполне себе успокоившуюся кошку и бегом в медпункт. Или в аптеку ближе? Не суть. Пока у меня шок, боли особо не чувствуется, но вот скоро... А ещё хотелось как можно быстрее и дальше быть от этого лая за стеной. И отвратительного скрежета когтей по камню. Да что ж эти зверюги никак не угомонятся? Ушла добыча, ушла, прямо из-под носа тю-тю, ага...

Кошке повезло куда меньше. Или же шкура оказалась тоньше камуфляжа, не суть.

Бок подран, на лопатке — рваная рана, на шее — на самом горле, тоже, кажется, глубокая царапина, до крови. Ну и по мелочи... Шерсть вся липкая.

Кошка против осмотра не возражала. Даже живот дала осмотреть и ощупать, из чего я заключила, что она домашняя.

А когда обнаружила на шее животного тонкую, очень тонкую золотую цепочку с бирюзовым камнем-подвеской, утвердилась в своём мнении. Помимо крови, кошка была ещё в чём-то вымазана. Под глазом, и у самого уха что-то похожее на золотое напыление. Даже в полумраке поблёскивает.

— Пряма макияж у тебя, — хмыкнула я, глядя мурчащую котейку.

Но кто будет подводить кошке глаза, тем более золотой краской? Номинант, нет, несомненный обладатель премии «Мой хозяин — идиот»? Если только.

— Как же я не заметила дверь за спиной, — пробормотала я, потому что другого объяснения, как мы с кошкой здесь оказались, у меня, понятно, не было.

Морщась, поднялась на колено, провела ладонью по совершенно гладкой стене — с той стороны прямо-таки взвыли и принялись бросаться на ничем не повинный бетон с ещё большим остервенением.

Недоумённо оглянулась на кошку.

— А двери нет, — растерянно брякнула я, словно животное могло меня понять.

— Мяв, — не стали со мной спорить.

— П-подожди, — зубы выбили нервную дробь. — П-постой... Как это — двери нет? А как мы тогда... это... сквозь стену, а?

Кошка прыгнула мне на руки, потёрлась мордой. Машинально погладила слипшуюся шерсть.

— Только не говори мне, что мы... того... призраки, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Им как раз-таки положено сквозь стены ходить... А наши истерзанные тела там остались.

Снаружи взвыли и снова заскребли когтями.

— Нет, если б мы, то есть наши тела там остались, эти зверюги сейчас того... трапезничали бы... нами, — добавила я, морщась, машинально наглаживая липкую шерсть. — Только не говори мне, что это всё мистика, магия и волшебники живут среди нас, а я, оказывается не этот, не маг...

— Мяв, — меланхолично подтвердила кошка.

— Или может, ты не простая кошка, — продолжила я выдвигать гипотезы, — а, скажем, ведьмовская... И досталась мне в наследство от бабушки-ведьмы, о которой я, к слову, ни сном, ни духом вплоть до сегодняшнего дня...

— Мяв.

— Ты и в самом деле на демонёнка похожа, — вздохнула я. — Или на бесёнка даже. Настоящая бестия. Пошли, что ли, надо отсюда выбираться. Меня ветеринару показать, тебя — врачу. Нет, наоборот... А, впрочем, — махнула я рукой, и, прижав к себе кошку, морщась, поднялась на ноги. — Пошли, что ли... Беська.

В ответ раздалось звонкое, протяжно урчание.

— Нравится? — хмыкнула я. — Решено, будешь Беськой. Как тебя в общежитие протащить, вот в чём вопрос, Беся... Может, к предкам, в Валерьяново? У них, правда, собаки, но не бойся, не такие. И попугай ещё. Тоже вполне себе миролюбивый. Тебе там понравится...

Я говорила и говорила, и по мере моей речи глаза мои раскрывались всё шире и шире, угрожая совсем уж вылезти из орбит.

Потому что Беська... с ней что-то происходило.

Прямо на глазах.

Кошку окутывало какое-то голубоватое свечение и, наверное, только растерянность, из-за которой я застыла столбом, не позволила мне разжать пальцы и выронить животное. Раны кошки с шипением затягивались, шерсть из слипшейся и торчащей клочками становилась чёрной, гладкой, лоснящейся, а ещё... мамочки! Это самое голубоватое сияние от моих рук исходило!! Точнее, от ладоней!!!

Беська же, вопреки всему, задрожала, принялась мотать головой, занервничала, опять когтями в руку вцепилась, но я ничего не ощутила. Должно быть потому, что в шоке пребывала.

Потому что оно, конечно, все эти разговоры о ведьмах и мистике... но ведь... мамочки, я же не сошла с ума, правда?!

Но кошку, как выяснилось, беспокоило отнюдь не моё потенциальное сумасшествие.

Когда она в очередной раз вздрогнула и мявкнула, уставившись в стену, я этот взгляд проследила и чуть было тоже... не «мявкнула». Потому что стена ангара — та самая, сквозь которую мы так успешно «провалились», светиться начала!

Но в отличие от «моего» свечения, бирюзового, это было каким-то кроваво-красным, с багрянцем, и... чёрт возьми! Стена на глазах всё прозрачней становилась!!

А за ней проглядывались три собачьи силуэта, двое — на задних лапах, и сквозь эту ставшую прозрачной стену видно было, что у всех троих глаза светятся! Красным!!!

И я побежала!

Просто ломанулась, прижимая к себе жалобно мяукающую Беську, и бежала, пока со всего размаха в стену плечом не впечаталась. Метнулась в другую сторону, к железным ангарным воротам, но когда добежала до них, ворот на прежнем месте больше не было, а была каменная стена!

Ворота же находились сзади!

И я бросилась назад, даже не думая, что будет, если они окажутся закрытыми... И снова застыла на месте перед ровной серой стеной...

Никогда ещё мне не было так жутко.

Та же стена, которая прозрачная истончилась уже почти настолько, что злобный лай и угрожающе-утробное рычание стало таким громким, что просто оглушало.

Более того, призрачная преграда между нами с Беськой и этими адскими псами подавалась под их напором!

И если раньше, в том самом закоулке-тупике, шансы у нас с Беськой всё же были, кто-то мог услышать, прибежать на лай и мои крики, то здесь...

Метнувшись в самый дальний угол, я ссадила протестующую сему действу кошку на пол, собираясь... да не знаю я, как противостоять трём огромным псынам с красными светящимися глазами, но просто так сдаваться я точно не собиралась!

— Не б-бойся, Б-беся! — как могла подбодрила котейку дрогнувшим голосом и взвыла, когда та, не пожелав оставаться на полу, вскарабкалась мне на плечо.

Но больше ссаживать не стала.

Порождения преисподней умудрились пробиться сквозь призрачную преграду и неслись прямо на нас!

Я застыла, выставив перед собой ладони.

— Фу!! Место!!! — рявкнула так, что у самой в ушах заложило и... растерянно всхлипнула, когда, буквально в паре шагов от нас все три псыны вдруг осыпались пеплом на каменный пол.

Ноги перестали держать, и я плюхнулась на пятую точку, больно приложившись копчиком.

Пепел же, в который превратились адские твари вдруг за клубился, принимая очертания, нет, на этот раз не собак... какого-то овального и плоского предмета. Гладкого...

Лишь когда увидела в нём собственное отражение, поняла, что вижу перед собой зеркало.

Да уж, выгляжу, мягко говоря, не лучшим образом, что неудивительно, учитывая предшествующие события с непосредственным участием Беськи и... почему-то назвать этих жутких существ собаками язык не поворачивается.

Рыжие волосы всклочены, на щеке ссадина, форма, понятно, вся в пыли и изорвана, руки... я с недоумением перевела взгляд на кошку, что продолжаю держать на руках — котейка на месте. А в зеркале... в зеркале Беськи не было. Что за чертовщина?!

Я часто заморгала, а моё отражение усмехнулось и принялось меняться!

Черты лица оставались прежними, а вот всклоченные волосы поползли вверх, сами собой укладываясь в высокую причёску на старинный манер, камуфляжная форма тоже исчезла, её сменило алое струящееся платье, поверх которого возник плащ с капюшоном, прикреплённым сзади к причёске, учитывая, что назад он не откидывался, а как бы завис в воздухе. На плече плащ светился. Даже не сам плащ, светилось что-то под ним. Что именно — не разобрать, да и не до того было, честное слово. Отражение,двигающееся совсем не в такт с, так сказать, оригиналом, и одетое по-другому, кого угодно дезориентирует.

А ещё глаза у моего отражения были злыми! И выражение лица тоже! Злым и очень надменным.

Беська дрожала крупной дрожью, прижалась, прикинула ко мне всем своим худеньким телом. Состояние кошки передалось и мне. Доведись мне встретиться с этой... так пугающе похожей на меня... девушкой назвать язык не поворачивается, не говоря уже о «девчонке»... скорее, всё же «дамой» в других, куда менее пугающих мистических обстоятельствах, уверена, всё равно не по себе было бы! Но она же в зеркале! Или... нет?

Словно услышав мои мысли зеркало пошло трещинами и вдруг со звоном разбилось на тысячи осколков, которые брызнули в разные стороны и растворилось в воздухе. А вот отражение осталось.

— Какая удача, — бросила с высока незнакомка моим голосом. — Значит, мерзкая тварь всё же сумела оказаться полезной. Отражение... хм... кто бы мог подумать, что мне так повезёт. А ну, встань!

Это она мне?!

Глава 18

Я, которая вообще-то итак собиралась подняться (просто, когда на тебя вот так свысока и изучающе смотрят — ощущения те ещё), замешкалась. Я ей что — пудель дрессированный по команде вскакивать?

Беська на моих руках утробно зарычала. Оскалилась.

На лице незнакомки мелькнуло что-то, отдалённо похожее на страх. Но больше всё же на досаду.

Прежде, чем я успела что-то понять, маленькая отважная кошка с оглушительным мяуканьем бросилась на незнакомку. Подпрыгнула при этом так высоко, что я уверена была — сейчас в рожу ей вцепится.

Незнакомка же показала отличную реакцию. Быстро шагнула в сторону и кошка, пролетев мимо, исчезла в воздухе!

А в следующую секунду я уже стояла на ногах!

— Вы... ты, — исправилась я, рассудив, что обращения на «вы» эта особа не заслуживает. — Ты куда кошку дела?!

«Особа» мастерски ушла от захвата. То есть просто исчезла и тут же появилась снова, на этот раз сбоку. И так мне её взгляд при этом не понравился... Пристальный, изучающий... очень въедливый.

— Не переживай, — ответили мне, кривя в ухмылке губы. — Домой твоя кошка отправилась. И ты сейчас последуешь за ней.

Я отшатнулась. Потому как растворяться в воздухе желания не имела совершенно.

Но как убедить в этом эту... кто она... ведьма? Злая волшебница? Порождение моих фантазий? Может я, того... перенапряглась во время сессии и реально, того? Или даже сплю... ну конечно, как я сразу не догадалась!

— Дурочка, — снисходительно усмехнулась моя копия. — Ты — моё Отражение. Да уж...

Меня оглядели совсем уж брезгливо.

— Искажённое, как и полагается Отражению...

Холодные наманикюренные пальчики потрепали по щеке, затем цепко сжали в подбородок, покрутили лицо туда-сюда... а меня же просто парализовало, как в кошмарном сне, когда не можешь и пальцем пошевелить! А следовало бы! И не только пальцем!

Но я застыла статуей, пока моя копия неспешно прохаживалась вокруг, продолжая меня ощупывать, наматывать волосы на палец, оттягивать голову то в сторону, то назад. Даже губы мне приоткрыла, сволочь такая, словно перед ней не человек, а лошадь!

И всё больше кривилась. Но при этом — что было совсем уж непонятно — в её брюзжании звучала затаённая радость. Да что там радость — самое настоящее торжество!

— Эко меня перекосило, — весело щебетала она и я... я прямо зубами скрипнула. Что значит перекосило?! На морду лица нас с ней, между прочим, не отличить!!

— На светлую сторону, — добавила она. — Такая не то, что проклятье навести, больше дня в Нагшасе не протянет.

Меня издевательски хлопнули по щеке и, должно быть, злость сработала, даже ярость, я бы сказала, потому что получилось прохрипеть:

— Где?!

На меня взглянули весело и даже, как мне показалось, с удивлением.

— О как! — воскликнула она. — Светленькие девочки, оказывается, на что-то способны? Удивлена. Не сказать, чтоб приятно, но... Объясняю, так и быть, ведь ты всё равно ничего из этого разговора не запомнишь: в герцогстве Нагшас, куда ты незамедлительно отправишься, после того, как приспешники Тхрагорского обнаружат тебя.

— Да... пошла... ты!

— Что вы говорите, и зубы у нас есть?

Мне бесцеремонно подняли руку, заставили согнуть в локте, сжав кулак, пощупали мускулы, одобрительно кивнули.

— Физическая подготовка присутствует. Хм, довольно развитая. Реакция, ага... И на дурачку не похожа. Я умею признавать очевидное. Вот как, и дар отразился! Искажённый, понятно. Такой светлый, что аж противно. Ага... Правда, ни дар, ни что-то другое тебе не поможет. Увы... Ладно, даю три дня. Может, и протянешь. Под пытками. Да не сверкай ты так глазами, я пошутила! И не кривись: тебе надо быть красивой для нашего лорда... Правда, Тхрагорский так на меня зол, что, боюсь, как бы не придушил бы во время брачной ночи, — она мерзко захихикала.

— Какой... ещё... брачной... ночи...

На лицо моей копии набежала тень. Затем дама издевательски, но очень изящно присела в поклоне.

— Перед тобой — леди Катлина Помаевская. Ветарская в девичестве, хотя тебе, конечно, это ни о чём не говорит. Мой муж, Арслам, мёртв. Тхрагорский убил его! И меня убил бы, если бы не проклятье. А его я замкнула на своей кундалини...

— На... чём?!

Катлина ухмыльнулась.

— На том, что Тхрагорский так жаждал заполучить, но вмешалась судьба-злодейка, — она деланно фыркнула и развела руками.

— Единственный способ заполучить знатную леди — сва-а-адьба, — протянула она. — И наш Тхрагорский, конечно, воспользуется своим правом лорда и женится на мне... ведь проклятье снять хочется... Какое же разочарование его постигнет, когда он поймёт, что ты — не я. Не удивлюсь, если он, хм, убьёт тебя сразу, на месте. Впрочем, может всё же и пытать, ха-ха-ха, он очень, просто очень на меня зол!

Тело было по-прежнему ватным и каким-то будто налившимся чугуном, голова тоже тяжёлой, сознание подёрнуто дымкой, сквозь которую изредка проникали знакомые слова, но, увы, стоило попытаться сложить их в предложение, осмыслить, и виски взрывались болью!

Катлин же, прекрасно понимая это, заливалась соловьём:

— Тхрагорский одного не учёл: я — всё равно умнее! И сильнее, несмотря ни на что! Не хватало ещё какому-то презренному нагшасу обставить Ветарскую! Я всё равно получу Нагшас, а Тхрагорский будет мне ещё в зубах тапочки приносить. Ненавижу! Как же я его ненавижу! Нет, Грань стеречь он не отправится, это для него слишком легко, будет моей комнатной ящеркой! Он не только за Арслама мне ответит, но и...

Виски сдавило болью, я принялась хватать ртом воздух. Моя копия продолжала ещё что-то говорить, гневно потрясая в воздухе кулачками.

В голове немилосердно шумело, мелькали слова — Катлин, Отражение, проклятый... Какие-то незнакомые, ничего не говорящие мне имена, термины... Чем дальше — тем сильнее память подёргивалась туманом. Если бы не проклятый паралич, я бы взывала от ужаса, осознав, что я даже себя не помню... Имя Майя Богаевская казалось странно знакомым, но ничего, ничегошеньки мне не говорило, не вызывало ни малейшего эмоционального отклика.

Кто я? Что я здесь делаю? Что со мной будет? Никаких ответов, совершенно!

Пощёчина отбросила голову назад.

— Ты — моё Отражение! — рявкнула девчонка со злым и очень знакомым лицом в длинном алом платье, при взгляде на неё всплыло имя «Катлина». — И мой прощальный подарок Тхрагорскому!

Она раскатисто, очень неприятно рассмеялась.

Очертания поплыли, голос, злобно выкрикивающий что-то монотонное, принялся отдаляться. Меня подхватил непонятно откуда взявшийся порыв ветра, словно я была пёрышком, подбросил вверх, переворачивая вверх ногами, закрутил, завертел... а потом я принялась падать.

Глава 19

Не знаю, сколько длилось это падение.

Только приземлилась я на локти и колени, взыв от боли.

И тут же зашлась в кашле от едкой гари! Дым! Чёрный, клубящийся, он был повсюду! Глаза вот-вот вылезут!

Я перекатилась на бок и тут же на место, где я только что находилась, обрушилась горящая балка. Бок облизало пламенем, я быстро откатилась дальше.

— Леди! Вот вы где!

Голос женщины звучал глухо из-за тряпки, которую она прижимала к лицу. Мне протянули руку, помогая подняться на ноги.

— Бежим! — взвизгнула она, и, кто бы спорил, только не я.

Мы перепрыгивали через какие-то глыбы, балки, задыхались от едкого чёрного дыма. Следуя примеру женщины, я рванула обрывки на себе, прижала их к лицу.

Затем нас окатило ледяной водой. Я продолжала кашлять, в то время, как другая женщина, отбросив пустое ведро в сторону, обмотала мою голову мокрыми, отвратительно воняющими гарью тряпками.

— Тхрагорский здесь! — кричала она. — Он пришёл за вами!

Кто такой Тхрагорский я не знала. Впрочем, если бы меня спросили, кто я, тоже затруднилась бы с ответом. Но не спросили. Мы снова понеслись куда-то. На этот раз вниз, по винтовой лестнице. Чем ниже мы спускались, тем легче было дышать. Женщины размотали тряпки, бросили их на пол, и я последовала их примеру. Испачканные сажей лица были мне незнакомы, но этот факт совсем не заботил.

— Быстрее! — скомандовала одна из них. — Здесь подземный ход! Веслан и Джитас уже ждут нас! Они готовили ваш побег.

Хотелось спросить, а если эти Веслан и Джитас готовили мой побег, почему не они последовали за мной в горящее здание, а слабые женщины? Но я промолчала. Мысли путались, я ничего решительно не понимала, кроме того, что нужно выбираться отсюда.

И тут... меня вдруг парализовало. Застыла, как статуя, а потом медленно развернулась, отпихнув кричащую что-то женщину и пошла в противоположном направлении.

— Леди Катлина! Пожалуйста! — кажется, меня пытались «образумить», но тщетно. Я и рада бы следовать за женщинами, но была совсем не властна над своим телом.

Станный гипноз начал отступать у приоткрытой двери. Но я уже успела заглянуть в неё и теперь меня удерживал не только он, но и любопытство.

В зале с каменными стенами на коленях стоял мужчина. Того, перед кем он стоял на коленях, не было видно, лишь правую ногу в кожаной штанине и часть плеча.

— Кир, клянусь, я не делал этого! Это неправда! Поклёп! Проклятая ведьма околдовала меня, Кир! Мы же братья, всегда ими были, Кир! Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?! Ну чем?! Да не молчи же ты!

Но тот, к кому были обращены эти слова, хранил молчание. И мне это показалось правильным. Несмотря на кажущуюся искренность того, кто распинался, стоя на коленях, я ему не верила. Не верила и всё тут!

— Кир, пожалуйста, не молчи! Пожалуйста!! — его тело затрясла крупная дрожь. Он вдруг полоснул по ладони не то ножом, не то кинжалом (я ещё удивилась, какого чёрта вооружённый и притом, видно же, далеко не слабый мужчина стоит на коленях и умоляет о чём-то) и забормотал: — Кровь от крови нагшасов, плоть от плоти древних драконов, клянусь, я никогда ни мыслью, ни словом, ни делом...

И вдруг кинжал, который он выронил, лязгнул о пол. Плечистый силуэт окутал туман. Я же невольно прикрыла рот ладонью. Просто из глаз мужчины, из носа, изо рта, хлынула кровь! Черты лица исказились до неузнаваемости, он вцепился руками в горло, оседая на пол и суча ногами.

— Ты не имел права на эту клятву, Арслам, — тихо заговорил тот, кто до этого стоял молча. — Ты не нагшас и никогда им не был. И ты предал меня. Нарушил свою клятву.

Меня рванули назад с такой силой, что чудом устояла на ногах. Предвосхищая попытку возмущения зажали рот ладонью и зашептали:

— Хотите последовать за мужем, леди Катлина? Бежим быстрее отсюда!

Я закивала, показывая, что всё поняла. То есть не поняла решительно ни черта, но хочу оказаться отсюда подальше, да!

Что-то в словах женщины царапнуло, насторожило. Но что? Я с трудом отдавала себе отчёт, что вообще происходит. И времени на раздумья и анализ точно не было!

Мы выбежали на улицу, наполненную криками и какими-то вспышками. Стараясь держаться в тени соседнего, не занятого огнём дома, обогнули его.

И тут вдруг поняла: больше не могу сделать ни шагу. Просто взгляд упёрся в несколько Х-образных крестов. На каждом из них — человек. Человеческое тело. На груди несчастных таблички с надписью «trădător», на непонятном языке.

— За что их? — спросила я свою сопровождающую. — Что значит trădător?

Женщина пожала плечами и демонстративно поплевала на плечи.

— Иномиряне, — буркнула она. — При осаде крепости магическая защита просела. Вот и поналезли из других миров. Вы не беспокойтесь, леди, с ними даже у нагшасов, даром, что варвары, разговор короткий!

И после этого заверения мне признаваться в том, что я, похоже, никакая не леди Катлина, как-то совсем расхотелось.

Вспомнилось вдруг посиневшее лицо того, в подвале горящего дома, густая чёрная кровь из глаз. Сейчас ещё эти, на крестах... И запах гари, что стоит вокруг... Никогда не была неженкой — это я сейчас точно помнила! — а сейчас желудок подвёл. Да и колени...

Женщины терпеливо ждали, пока спазмы перестанут сотрясать тело, затем увлекли меня в какой-то сарай, где принялись расчищать сено на полу, под которым обнаружился каменный четырёхугольник.

Вместе женщины сдвинули каменную плиту, мы нырнули вниз. Спустившись по узкой железной лестнице, побежали по тёмному коридору. Гари давно уже не было, но противный запах, казалось, навеки прилип ко мне, я всё равно кашляла и глаза непрерывно слезились.

Кажется, женщины говорили что-то, но я плохо слушала.

— Уже почти пришли, — сообщила одна из них, когда я поняла, что больше не смогу сделать ни шагу.

И оказалась права: лицо облизала свежесть, упругой волной ударил ночной воздух. Сзади раздавались крики, шум, звуки, похожие на ржание.

— Ещё совсем немного, — подбадривала одна из женщин. — Они уже близко.

И вдруг сдавленно застонала, как будто у неё разболелись разом все зубы.

Путь нам преградили мужчины с раскрашенными лицами.

В кожаных одеждах, напоминающих карнавальные костюмы. Доспехи?!

— Стойте, женщины, — спокойно сказал один из них.

— Позвольте нам пройти, нагшас, — ответила одна из моих сопровождающих.

— Вы вольны идти, куда угодно, а вот леди придётся пройти с нами.

При этом он смотрел на меня с таким видом, словно была б его воля — убил бы прямо сейчас, на месте. Я невольно поёжилась.

- Лорд Тхрагорский оказывает леди Катлин Помаевской великую честь, — справившись с собой, добавил воин.

Я часто заморгала. Понятно было, что он говорил обо мне, и леди меня тоже назвал... Как и эти... Но, тут, кажется, ошибка! Я никакая не леди. Я — Майя Богаевская, кадет... кадет... С ужасом обнаружила у себя самый настоящий провал в памяти!

— Здесь какая-то ошибка... — пробормотала я, снова закашлявшись.

А потом вспомнила тех несчастных на крестах с табличками на груди «trădător», чёрт, кажется, эти таблички отпечатались в памяти навеки, и... замолчала.

— Даже лорд не имеет права брать знатную леди в рабство! — запальчиво выкрикнула одна из женщин.

— А кто говорит о рабстве? — нахмурился тот, кого женщина назвала нагшасом. — Наш лорд женится на ней.

— Это невозможно!

— Почему же невозможно? Лорд не женат, и женится на леди Катлин по традициям нагшасов. Это будет родовой брак

— Но леди замужем!

— Ты хотела сказать, была. Насколько мне известно, леди Катлин вдова. И, судя по вашей попытке бегства, ей это прекрасно известно тоже.

— Но полагающийся по такому случаю траур... — предприняла ещё одну попытку женщина.

— Это будет родовой брак, — жестко отрезал нагшас, как будто это всё объясняло. — И закрытая церемония. Пройдёмте...

Больше женщины не спорили. А я молчала. Отчаянно пыталась вспомнить, кто я, кто такая Майя Помаевская и что это за место?! И кто такой лорд Тхрагорский... В голове, как назло, был туман, тело — будто налилось чужуном.

Нас подвели к фургону на колёсах. Рядом перетаптывались синие шестиногие звери, очень отдалённо напоминающие лошадей. Мне помогли забраться внутрь. Я рухнула на узкую кушетку, напоминающую полку в плацкарте. Женщины спорили, переругивались между собой, я молчала. Первый порыв сообщить, что всё это какая-то чудовищная ошибка, схлынул. Вместо него пришла странная апатия, оцепенение.

И желание вспомнить.

За неделю путешествия память постепенно возвращалась и, наконец, восстановилась. Почти.

Ровно до того момента, как чёрная кошка, прыгнув на моё Отражение, эту самую леди Катлин, за которую тут меня приняли, растворилась в воздухе. Кажется, Катлин упражнялась в остроумии за мой счёт... Вроде бы, говорила, что мне не прожить в Нагшасе ни дня...

В общем, пользуясь тем, что ко мне не особо и приставали, я помалкивала. Слушала. Делала выводы. Узнала, что Нагшас — независимое герцогство единого государства. Дословно «нагшас» означает «воин», и ещё это какая-то отдельная раса этого мира, в который меня забросило. Поняла, что меня здесь приняли за леди Катлин, что неудивительно, ведь мы — Отражения друг друга, пусть и в разных мирах. Узнала, что лорд Нагшаса убил Арслама Помаевского, мужа леди Катлин и, воспользовавшись своим

правом, правом лорда, взял леди Катлин в жёны.

То есть свадебный ритуал предстоял по возвращению домой, в герцогство Нагшас.

И осознание этого повергало в самую настоящую панику.

Как здесь относятся к иномирянам — я поняла. Усвоила. Хватило, так сказать, более, чем красноречивой демонстрации.

Как будущий муж относится к будущей же жене... Тоже, в принципе, было понятно. Учитывая, что за всю неделю путешествия мы так ни разу не встретились... сопровождающие нас воины отговаривались свадебными традициями нагшасов, по которым муж не должен видеть жену... нет, не до самой свадьбы, а даже до первой брачной ночи. Как в таком случае пройдёт сама свадьба, я терялась в догадках, но уточнять не решалась, опасаясь выдать своё попаданство.

Я мало что успела увидеть в этом мире, а что можно увидеть, путешествуя в закрытом фургоне, но мне как-то хватило. В целом.

Я понимала, что так или иначе признаться мне придётся, но всё же никак не могла решиться.

Также понимала, что мой обман раскроется в первую же брачную ночь. Хотя бы потому, что леди Катлин — вдова, а я... никогда ещё я так не сожалела о своей девственности!

...На седьмой день пути мы прибыли в Нагшас, в дом будущего мужа.

Стоило выйти из фургона и подслеповато прищуриться от яркого утреннего солнца, под ноги прыгнуло что-то чёрное и хвостатое.

— Беська! — ни тени сомнения, это была та самая кошка!

Только на этот раз с лоснящейся шерстью, в золотом, в камнях, ошейнике, и глаза... Глаза подведены золотой краской! Но это точно была Беська!

— Баст, — нехотя сообщил нагшас, что стоял рядом, ждал, пока служанки выберутся из фургона, чтобы сопроводить нас в дом. Скривившись, воин пояснил, глядя на то, как Беська ластится ко мне, явно узнав, не без удивления: — Баст — дар Безликой нашему лорду. Ты почти угадала, ведьма.

Как оказалось, к свадьбе всё было готово.

Меня выкупали в купели, примыкающей к отведённым покоям, переодели в просторное красное платье, закрытое, с расшитым камнями поясом. Волосы убрали под что-то отдалённо напоминающее фату.

Как выяснилось, присутствовать на последующем за церемонией свадебном пире невесте вовсе необязательно, а на самом свадебном ритуале всё же нужно.

К счастью, он был быстрым.

Меня привели в комнату, чьи размеры опознать не удалось, потому что большая часть комнаты была отгорожена плотными занавесками. Беська, которая, казалось, ждала меня под дверью, и следовала за нами по коридору, тоже выразила молчаливое желание присутствовать. Кошку не прогоняли, а вот на меня смотрели странно и настороженно. То есть ещё страньше и настороженней, чем до этого. Леди Катлин здесь, мягко говоря, не любили и за что-то, но вот за это было трудно их винить.

Присутствие на церемонии Бески удивительным образом успокаивало. Словно ниточка, незримо связывающая меня с домом... где, должно быть, родные и друзья уже с ума сходят, в розыск объявили... А я тут только и думаю, как не выдать себя и выжить...

Меня подвели к занавескам, сказали просунуть руку между ними, что я и проделала под звонкое урчание кошки.

И даже когда укололи палец и сжали его, сжевивая куда-то пару капель крови, не вздрогнула. Просто этот самый усатый и хвостатый дар Безликой выглядел очень уж

спокойным и крайне довольным жизнью и о ноги тёрся без конца, словно говоря: «Не дрейфь, Майка, прорвёмся!»

Затем в мою руку вложили что-то, и я извлекла из-за занавески кубок, наполненный до половины дымящейся рубиновой жидкостью.

Мне скомандовали сделать три глотка, и я так и сделала. На вкус напиток оказался подогретым вином со специями. Я вернула кубок обратно и спустя несколько долгих секунд было объявлено, что родовой брак между лордом Нагшаса Ренаром Тхрагорским и вдовой Катлиной Помаевской, в девичестве Ветарской, заключён.

После чего меня провели обратно в комнату.

И трясти уже там начало.

Глава 20

Настоящее время, Шёлковый лес

Я села рывком, хватая ртом воздух. Проклятый лорд с перерезанным горлом, который секунду назад тянул ко мне руки, беззвучно растаял в воздухе.

Приведя дыхание в норму, подняла ладони к глазам. В темноте не разглядеть, но крови на руках, как в жутком кошмаре до этого, точно не было. Я бессильно откинулась на спину. Уже перестала считать, сколько раз за ночь вскакиваю... Я бы и не ложилась, но мы ехали на грагхах, если эту бешеную скачку можно назвать ездой, целую вечность. И, несмотря на новоприобретённые навыки верховой езды всё тело немилосердно ломило. К тому же не хотелось оставаться рядом с моими... кто они мне? Помощники? Защитники? Сообщники? Мне как-то больше всего импонирует «похитители». Почему-то.

Вот вроде бы всё логично: эти мужчины спасли меня, вывели из Нагшаса... Но... в их обществе мне не по себе. Сильно не по себе. От взглядов, которые на меня бросали всю дорогу, внутри всё цепенело, а ещё помыться очень хотелось.

Я приподнялась на локтях. Моё импровизированное «ложе» из мягких, чем-то напоминающих сосновые веток расположили поближе к костру и обнесли волосатым арканом, для защиты от змей. Шестеро дрыхнут поодаль. Двое — несут вахту. Их приглушённые голоса доносятся от костра.

— Жалко, с проклятым не сложилось, — вздохнул один из бодрствующих, кажется, Драс. Из всех «защитников» он самым безопасным, что ли, казался. Эдакий простоватый детина с пудовыми кулачищами. — Леди его сила больно нужна была...

Я насторожилась. Явно ведь речь обо мне. То есть о той, кем меня считают.

В ответ тихо засмеялись.

— Да уж пригодилась бы, — ответили ему. Кажется, тот самый мужчина, на кого я наткнулась, спасаясь бегством. — Да только не судьба.

— Зря ты так, Веслан.

Веслан? Почему это имя кажется мне знакомым? Не о нём ли говорили Рамира с Грестой, когда мы пытались сбежать из горящего поместья, что он и... и ещё один, кажется, побег готовили? Вроде о нём, да. Но тогда соображалось, мягко говоря, с трудом.

— А я говорю — всё к лучшему.

— Ты это о чём? — настороженно спросил Драс.

— Да ты хоть понял, что происходит, дятел? — снисходительно бросил Вестас. — У леди нет больше власти над нами.

Повисла тишина. А я поняла, что никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу, ага.

— Ну я бы так не сказал, — задумчиво протянул Драс.

— А как бы ты сказал?

На этот раз тишина длилась дольше.

— Ну-у...я бы её того, это. Ага... Да что ты на меня так пялишься, на месте её власть! Как по мне, леди ещё краше стала.

— Дурак! — беззлобно сообщил ещё один голос. — Ты её как бабу хочешь, а не как госпожу.

— Джитас! Тоже не спишь?

— Уснёшь тут с вами...

— И что обо всём этом думаешь?

— Ты о том, что госпожа утратила свою силу?

— Тише ты...

— Да остальные спят, я проверил.

— А ведьма?

— Ведьма тоже. Хотя ведьма ли...

— Ты насчёт силы уверен?

— Сам знаешь, точно можно будет сказать только, как до поместья доберёмся. Слишком уж многое там на её силе завязано...

— Хотите сказать, нам лучше не возвращаться? Там же духи эти... и не только.

— Дурак ты!

— А вот за дурака...

— Да тише, тише, не горячись, старина. Ну выйдет нечисть из-под контроля, выкосит пару селений... Так то — селения! А вот только Катлина — единственная наследница покойного графа.

— И что?

— А то. Ей там всё принадлежит.

— Так она, получается, тогда и Нагшас наследует. Если про Тхрагорского правда. Потому как если у них родовой брак, она — наследница рода.

— Погоди с Нагшасом. Начинать следует с малого. С Валдарии. И не факт, кстати, что брак состоялся. Учитывая, что она его прибила, скорее всего, не далась.

— Но силу потеряла?

— Так я о чём! Как и тогда. Но на этот раз окончательно выдохлась. А у ведьмы сила на анам завязана. И если силу ведьма теряет, и анам не действует.

— Ты это к чему?

— А к тому, что тяжело слабой женщине одной. Особенно если она богатая наследница. Замуж ей надо. Чтобы было кому... защитить, — говоривший прыснул.

— Это понятно, — протянул Драс таким тоном, словно ничего ему понятно не было. — Ну да, значит, выйдет госпожа снова замуж. Что это меняет?

— Дубина. Ребетёнка ей заделать надо, и поскорее, пока силу не вернула и анам не действует. А там уже ей некуда деваться будет. Я вот что предлагаю, вместо того, чтобы в замок возвращаться, поедem в Утешительное. Наврём, что духи из подчинения вышли, хранители леса взбунтовались, не пустили... Да мало ли! Она ж силу утратила, поверит.

— А в Утешительном ты леди уговоришь замуж за тебя выйти? — хмуро спросил Драс. — И ребетёнка заделаешь?

— А ты против? Я — Аджарский.

— Не Аджарский, допустим, а бастард.

— Неважно! Я — брат её мужа. Кровь от крови. Для его величества будет достойным аргументом, что леди за меня замуж вышла, чтобы графство защитить. От тех же

нагшасов.

— А саму леди, ты, как я понимаю, спросить не хочешь?

— Леди во многом можно обвинить. Но вот только она не дура. И, когда переберется, поймёт, что брак со мной — единственный для неё выход.

Больше слушать я не стала. Осторожно переползла через волосяной аркан и поползла прочь. Судя отдаляющимся звукам довольно увлечённой беседы моего исчезновения не заметили.

Куда я направлялась?

На этот вопрос у меня пока был пока один ответ, он же единственный — однозначно, подальше отсюда. Оно, конечно, во всех отношениях опрометчиво и неосмотрительно... но оставаться рядом с потенциальным насильником (хорошо ещё, если в единственном числе) — так себе идея.

Ждать, пока мне попытаются «заделать ребетёнка» и «угговорить выйти замуж»? Нет уж, увольте. И хоть с «ребетёнком» у них что-то вряд ли выйдет — ведь я не Катлин, соответственно и силу не теряла, мой анам того, должен сработать. Но вот «попыток» допускать не имею желания. Вон, лорд Нагшаса попробовал, и будет с него...

Посчитав, что отползла на достаточное от лагеря расстояние и пора бы уже перейти на бег, я торопливо поднялась и...

— Далеко собрались, госпожа? — отвратительно осклабился Веслан. И это его «госпожа» издевательски прозвучало. — Значит, всё слышала. А раз бежать вздумала — я был прав, и свою ведьмовскую силу потеряла...

— А ты проверь, — процедила я, принимая боевую стойку и поманила его пальцами. — Давай! Ну же?

Мужчина лишь ухмыльнулся. И кивнул.

В тот же миг на голову набросили какую-то тряпку, под колени ударили. Не сильно, но на ногах устоять не удалось. Перекатившись, мешок с головы сорвала, а вот дальше... Дальше, после короткой и неравной схватки оказалась в позе «морской звезды». Руки и ноги прижимали к земле сидящие на них мужчины, а Веслан с отвратительной ухмылкой взгромоздился сверху!

Дёргаясь всем телом, но увы, недостаточно для того, чтобы вырваться, я закричала. Пронзительно, срывая голос!

Это был самый страшный, самый жуткий момент в моей жизни...

Вдруг сверху раздался рёв. Душераздирающий, леденящий кровь!

Где-то позади истошно заржали грагхи.

Какая-то сила сорвала с меня Веслана, отбросив этого гада назад. Он врезался в дерево с тошнотворным хрустом, глухо осел на землю.

Я, не в силах поверить во внезапное спасение, откатилась в сторону, принялась отползать, пока не наткнулась спиной на ствол дерева.

Ночь наполнилась криками, стонами, звуком ломающихся костей.

Глядя, во что превращаются мои бывшие подельники, или теперь правильнее говорить — насильники? — я уже готова была уверовать в свою вдруг пробудившуюся или доставшуюся от Катлин по наследству ведьмовскую силу, если бы не одно «но».

Не было никакой мистики, никакого волшебства.

Моих несостоявшихся насильников убивал человек.

Вот именно так. Не сражался. Не дрался. Убивал.

Стремительный тёмный силуэт. Быстрый, как вихрь. Безжалостный, как сама тьма. Сильный. Смертоносный. И как будто... знакомый.

Скорость нагшаса превышала пределы разумного и вообще человеческих возможностей.

Каждое движение — резкое, стремительное, не всегда уловимое глазом — было самой смертью.

Любой на моём месте усомнился бы, человек ли это.

Но я уже знала, что человек. Знала этого человека и... довольно близко.

Первой реакцией было невероятное, размером со Вселенную, облегчение. Нагшас успел в самый последний момент. Успел...

Несмотря на царившую совсем рядом бойню, меня вдруг окутало таким теплом и спокойствием, какого ни разу за всю жизнь не испытывала. Вообще никогда. Просто почувствовала себя в безопасности.

Второй — до меня, наконец, дошло, что погоня из Нагшаса нас всё-таки... нагнала.

Глава 21

Судя по всему, нагшас был один. Но тому, кто может голыми руками переломить одному из насильников хребет, второму — оторвать руку, а третьему сломать шею... помощники, вроде как, без надобности.

Так что в какой я, к чертям собачьим, безопасности?! Я ведь... я ведь его сюзерена убила... или кто тут лорд своим верноподданным? И он *за мной* прибыл. Даже не *за ними*.

Обозрев поляну, поняла, что «они» как-то уже и закончились. Их больше не было. Ни целиком, ни вообще.

— Цела? — спросил нагшас, подходя ко мне.

Обычным таким тоном спросил, словно мы на прогулке в парке встретились. Даже не запыхался, вот как такое возможно?! И от его этого спокойного, уверенного голоса в горле ком стал, а в глазах защипало.

Не в силах ответить, кивнула.

— Они не... — нагшас замолчал, и я быстро помотала головой.

— Не успели... — это что, мой голос? Сиплый, сорванный, откровенно жалкий?

— Пошли, — протянул он руку. — Здесь недалеко ручей есть, умоешься.

И вот это уже было.

Его рука, обвивающая мою талию. Тепло его тела. Слабость в коленях, сбившееся дыхание... Кажется, давно, в прошлой жизни... И в то же время как будто совсем недавно, вот буквально только что! Словно всё то страшное, что было между — обман, иллюзия, пустая видимость. Аттракцион для туристов. А настоящее — дыхание на моей щеке. Нежный поцелуй в макушку. Зелёные, сверкающие в предрассветном сумраке, глаза...

Ручей я помнила. Умывалась в нём, прежде, чем ложиться спать. И грагхов здесь поили.

— Умывайся, — сказал он, не спеша меня отпускать. — Я пока успокою животных.

С запозданием поняла, что грагхи всё это время продолжают беспокойно ржать.

— Это Тит их напугал, — пояснил нагшас. Понятия не имею, кто такой Тит, но кивнула.

И снова это *déjà vu*! Его ладонь на моей щеке. Твёрдые, горячие, очень чуткие пальцы.

— У тебя кровь, — тихо сказал нагшас. — Ты поранилась...

И он сразу же, с какой-то щемящей сердце тревогой вглядывается в моё лицо. Взгляд внимательных зелёных глаз блуждает по лбу, щекам, губам... И кажется, что вот сейчас поцелует. Как тогда... Нежно. Ласково. Так, как мне надо...

Но нагшас, сглотнув, отстранился.

— Умойся. Здесь вода с унабхиумным серебром. Целебная, — пояснил он.

Я проводила его силуэт взглядом, и лишь когда он скрылся за деревьями, обернулась к ручью. Ноги не держали, поэтому быстро села.

Начало светать. Тьма рассеялась, пушистые ветки деревьев из чёрных стали сизыми, а макушки мазнуло розовым. Предрассветная свежесть пробирает до костей, усиливая зубную боль.

Набрав в ладони воды, плеснула в лицо, пригладила растрепавшиеся волосы... Веслан ничего не успел, мне вообще удалось отделаться лёгким испугом, но я принялась истово тереть лицо, шею, руки. Чуть даже не свалилась в ручей за этим увлекательным

занятием...

Несмотря на холод, захотелось сбросить одежду и окунуться целиком. А что? Нагшас меня голый уже видел. А кроме нас здесь никого нет. Я вздохнула, оглядела извалянную в пыли рубашку и брюки, представила лицо нагшаса, когда он возвращается и застаёт меня за водными процедурами. Вспыхнув от одной этой мысли, я быстро вернула рукава на место, а также застегнула пуговку ворота.

И тут, как всегда это бывает, очень не вовремя, ощутила непреодолимое желание уединиться в ближайших кустах. С зовом природы не поспоришь. Поэтому, недолго думая, я удалилась за кусты. А что не сразу присела, а отошла подальше, ну так... стыдливая я, блин!

И это совсем не повод бросаться вдогонку!

И уж тем более хватать в охапку, сбивать с ног и катиться со мной в обнимку по земле!

Нет, против хватания и «обнимки» я не то, что не против, а как показало враз потяжелевшее дыхание, вспыхнувшие щёки, губы и... прочие части тела... очень даже за, но вот зачем так сердито при этом смотреть?

Впрочем, сердитый вид нагшаса был каким-то напускным, что ли.

Не только у меня дыхание потяжелело. И сердце под кожаным жилетом стучит так, что я каждый удар ощущаю. И зрачки расширились, затопив зелёную радужку...

— Даже не пытайся бежать, — хрипло сказал нагшас, глядя при этом почему-то на мои губы и от звука его низкого, чарующего голоса, не то что мысли куда-то улетучились, голова, кажется, в воздушный шарик превратилась. А как ещё объяснить то, что я ляпнула:

— Эйва...

— Что? — нагшас чуть отпрянул и даже головой помотал, словно ослышался.

— Ну... — не узнаю свой голос. — В прошлый раз ты называл меня эйвой.

Его пальцы коснулись моей щеки.

А потом губы накрыли мои поцелуем. Таким бесконечно нежным и совершенно собственническим. Беспрекословно-властным. Чарующим, пронзительным, кружащим голову и делающим тело таким непослушным, то есть послушным только ему... Не мне. Внизу привычно дёрнуло, грудь сладко заныла. И он целовал, а я отвечала. Неистово, порывисто... Жадно, вот до боли жадно! Вкладывая в этот поцелуй всё, вообще всё: ужас, пережитый у тела мёртвого лорда. Страх перед погоней. Страх перед своими сообщниками, наконец! Жуть, беспомощность, отвратительное бессилие, когда поняла, что из огня да в полымя угодила...

Вот как он мог отпустить меня так просто? Там, в Нагшасе? Когда ночью к лорду пришлось идти? И ведь понимаю, что иначе он не мог, а всё равно больно.

Но он снова здесь, сейчас, и такой... такой... Снова это проклятое ощущение надёжности, защищённости, защиты. *Его защиты...* А потом что? Что со мной будет?

Мысли роились, роились в голове, а я целовала нагшаса в ответ. Потому что не могла иначе. Потому что этот поцелуй может оказаться *нашим последним поцелуем*.

Мир привычно отступил, оставив вместо себя лишь эти горячие, требовательные губы. И руки. Такие чуткие, такие сильные... Тёплое дыхание. Запах, сводящий с ума, успевший стать почти родным...

Когда воин отпрянул, его взгляд из сердитого снова стал тёплым. Нежным. И я решила.

— Ты ведь за мной, нагшас? Чтобы меня обратно отвезти?

— Да, — не стал врать он.

И столько в этом его «да» было...

— Послушай, — тихо сказала я, беря его лицо в свои ладони. Нежно провела пальцами по виску, по дорожке цветных узоров на смуглой коже, по щеке. — Отпусти меня, слышишь? Пожалуйста... Ты ведь понимаешь, мне обратно никак нельзя. Особенно теперь...

На меня посмотрели странно, а затем скатились в сторону, но остались лежать рядом, на боку.

— Слышишь, нагшас? — не оставляю надежды всё же достучаться до воина. Ну разве он сам не понимает? — Меня же убьют...

И снова взгляд зелёных глаз. И расширенные зрачки мигом сужаются, но... только с боков. Становятся узкими, как у кошки. И в этих вытянутых зрачках сверкают золотые искры. И меня это почему-то не пугает, совершенно! Даже наоборот. Понимаю вдруг, что ничто в нагшасе не может меня испугать...

И всё же...

— Нет, — отрезал он.

Приподнявшись, облокотился на локоть. Горячая ладонь прошла по животу, заставив вздрогнуть, скользнула на внутреннюю сторону бедра, легонько сжала.

— Нет? — переспрашиваю, а сама верить не хочу. Но ведь... он знает, нельзя мне обратно! Что значит это «нет» вообще?!

— Нет, — повторил он, продолжая своей рукой исследовать хм, изгибы.

И это разозлило! Да что там, взбесило просто! Что он о себе возомнил?! Он, значит, не скрывает, что меня обратно отвезёт, где меня... чёрт!! да я даже представить боюсь, что там, в Нагшасе за убийство лорда со мной сделают, а сам при этом... Щупает?! Бессовестно пользуясь тем, что я ведусь, как дура. И, что хуже всего, как влюблённая дура! Как будто у меня и шанса нет устоять против этой его, нагшасской харизмы?! Да какого чёрта вообще?!!

Пытаюсь отбросить его руку, но не так-то это просто. И вот я пыхчу, как чайник, причём чайник в поезде, то есть пыхчу довольно громко, пытаюсь не то отпихнуть его, не то сама отпихнуться, а кто-то зеленоглазый по-прежнему само, блин, спокойствие!

— Ты не Катлин, — а ты, как я вижу, «капитан очевидность».

— Как выяснилось — нет, — отбросив попытки сдвинуть его с места, пытаюсь отползти сама, но как-то не очень выходит...

— А ну, лежать! — рывком за ногу меня возвращают на место.

— Но ведь я самозванка, — пытаюсь воззвать к здравому смыслу.

— Но ты тоже ведьма, — мужские пальцы откидывают локон с лица, скользят по абрису губ.

А ведь это идея!

— И, как ведьма, не советую меня злить! Я ведь это, околдовать могу! — да, блефую, а что делать?

— Звучит соблазнительно... Особенно для проклятого.

И вот это заставило поперхнуться, подскочить на месте, закашляться.

— Лорд... жив?!

— Живее всех живых, — заверили меня.

— Но я думала...

Усмешка. Открытая. И какая-то грустная.

— Не так просто убить проклятого.

Стоп. Но я видела остекленевшие глаза! Слышала, как остановилось его дыхание.

Как это — жив?!

Последний вопрос прозвучал вслух, но ответом меня не удостоили. Вместо этого рывком привлекли к себе, и теперь уже это я на нём лежу, тяжело дыша, а чьи-то в конец обнаглевшие руки гуляют по моему телу, задерживаясь в районе вторых девяносто и творя там совсем уж какое-то непотребство!

И, что хуже всего, тело и сознание охватывает знакомый жар. И, кажется, мы оба знаем, чем всё это закончится. Но...

— Нет, нагшас, нет, — отстраняюсь, чувствуя себя полной идиоткой. И моё тело... да что там тело... Чувства, эмоции... всё моё существо таковой меня считает. Но... — Так неправильно, — упрямо проговорила я. — Всё-таки я жена лорда.

— А там что было? — хрипло спросил он, хмурясь.

И вопрос конечно, логичный, и вообще резонный... Да что там... всем вопросам вопрос...

— Девичник, — тем не менее нашлась я.

— Девичник? — повторил он за мной явно незнакомое слово.

— Ага, — заверила я нагшаса. — Я ведь так-то... ещё никогда не была замужем, хотела гульнуть напоследок...

Судя по взгляду зелёным глаз и скептически сжатым губам не очень-то мне поверили.

А мне вдруг захотелось узнать его имя. Просто... Для себя. Чтобы помнить. Но не решилась спросить.

— Нагшас, отпусти меня, слышишь?

Зеленоглазый не ответил. Только посмотрел на меня долгим взглядом, а потом вдруг погладил по щеке. И я чудом сдержала порыв накрыть его пальцы своими, потереться о твёрдую, чуть шершавую мужскую ладонь щекой. Сдержалась. Более того, отбросила её в сторону и сама, наконец, с него скатилась. И вообще... откатилась подальше. Во избежание.

На этот раз нагшас не останавливался. Снова посмотрел странно и сказал:

— Полетели домой. Эйва.

И от этого его «эйва» дыхание сбилось, и смысл сказанного не сразу дошёл.

В смысле — полетели?!

Стоп. Домой?!

Глава 22

Надо сказать, я всего ожидала. Вплоть до того, что меня обратно на грагха загонят.

Вот именно загонят, а не посадят (я настаиваю! поелику усадить меня на животное, при одной мысли о котором зубы начинают выбивать нервную дробь, а всё тело ломит, и некоторые его части, если бы могли, так и вовсе взвыли бы, что поездка на грагхе это чистое варварство и без боя мы не сдадимся) ...

Вроде мы около суток в седле провели, с короткими передышками на размяться и перекусы, а ощущение, что по меньшей мере, месяц! Худший месяц в моей жизни причём.

Также ожидала (и, может быть даже надеялась) что опять придётся в фургоне ехать. И если совсем недавно тот самый фургон хотелось поджечь ко всем чертям и любоваться кострищем до самого неба, то сейчас он чуть ли не кемпером казался...

В то же время я понимала, пустые надежды. Ну откуда тут фургону взяться? С унынием понимала: на грагхе придётся ехать. И даже возникла мысль — а то, если я с него упаду? Вот прям сразу (и желательно без членовредительства)?

Остановимся и дадим мне пожить (и полежать) подольше, или какими ремнями меня к седлу примотаем?

«Отпусти и забудь» я больше не заводила. Смысл? Попробовала уже, хватит. Поэтому упрямо отмалчивалась. Подумаешь, мы тоже гордые. Впрочем, нагшас тоже молчал, поэтому непонятно было, оценили мой бойкот по достоинству, или нет. И, пожалуй, что всё-таки нет. Не то, что не оценили, но и не заметили даже. Что совсем уж обидно.

Но когда меня повели совсем не туда, где грагхи оставались, кстати, угомонённые (что меня почему-то ещё больше разозлило. Вот же блин! Талант у этого разрисованного что ли, располагать к себе зверей, детей и слабых женщин?! Тоже мне, нагшас без страха и упрёка!), я всё же оглянулась с непонимающим видом. Правда, от вопросов воздержалась. Из гордости. Но мой взгляд заметили.

— Мы на Тите, — спокойно и миролюбиво, как будто ничего из ряда вон выходящего не происходит (и вообще всё идёт по плану, а мы любим Нирвану больше чем сметану), заверили меня. — Так быстрее. Грагхи сами прискачут.

— На какой ещё «тите»?! — прошипела я, не удержавшись.

— На каком, — поправили меня терпеливо. — Вот он. Тит. Не бойся. Только резких движений сразу не делай. Дай ему с тобой познакомиться.

Резких движений?! Да я, кажется, вообще забыла, как двигаться! Навсегда! И дышать тоже...

Мы вышли на прогалину, залитую первыми, робкими лучами рассвета, и на этой прогалине стоял... Нет, правильнее сказать — всю эту прогалину занимал...

Сразу я решила, что вижу перед собой орла. Увеличенного раз так в сто, правда. С огромной палевой головой, взъерошенной, кстати и сложенными тёмно-коричневыми крыльями. И клювом. Золотым. И что-то мне подсказывало, довольно прочным. А ещё пришла мысль, что, если сожмусь в комок и вообще сплущусь, я в этом клюве помещусь, целиком. Ну, может голова не влезет... за этими, бесспорно, важными для своего здоровья мыслями я ещё в себе прийти не успела, как поняла, что орёл этот стоит на четырёх лапах! Мощных львиных лапах, покрытых густой коричневой шерстью! И... сзади... под перистым хвостом у него ещё один хвост! С кисточкой... Палевой.

— Ой, мама, — это в общем, всё, что надо знать о моём состоянии. Потому что я в ауте.

— У вас нет грифонов? — спросил нагшас, и я поняла, что Штирлица раскрыли. Можно, конечно, попробовать отбрехаться, что я — сестрица леди Катлин из далёких-предалёких земель, но... я ж в местной географии ни бум-бум.

Поэтому буркнула:

— Только в компьютерных играх.

— В каких играх?

Махнула рукой и что-то интеллигентно промычала.

Стою, хлопаю ресницами, пожираю глазами это чудо.

Из-за макушек деревьев как раз вынырнул розовый диск утреннего солнца, и полоска зарницы так и вспыхнула, расцвечивая бледное небо во все оттенки розового и сиреневого. И розовые отблески на макушке грифона, на самом хохолке, который я сразу приняла за взъерошенность.

Грифон вдруг раскрыл крыло, принялся скрестить под ним клювом, и я чудом устояла на месте. Потому что крыло оказалось огромным! Таким целую толпу зевак можно в секунду «сместить». А ещё у грифона оказалось две пары крыльев! Нижнее, растущее откуда-то из крестца крыло тоже распрямилось вместе с верхним!

И я как зачарованная (звучит красиво, а на самом деле с открытым ртом) смотрю, как самый настоящий грифон копошится клювом под крылом, как садится на задние лапы...

Тит нервно дёрнул хвостом с кисточкой, и я поспешно подтянула челюсть.

— У него две пары крыльев? — брякнула я первое, что пришло в голову. И подбородок погладила. На самом деле проверила, закрыт ли рот.

— Четыре, — поправили меня. Ещё две пары на хвосте, рулевые. Они раскрываются в полёте, или при быстром беге.

— Эм... — ответила интеллигентно.

— Я так понимаю, раньше ты на грифонах не летала?

И снова интеллигентное:

— Эм... Правильно понимаешь.

Приглядевшись, я разглядела на спине грифона седло. И только тут поняла, что нагшас, кажется, не шутил. Он и в самом деле прилетел сюда на грифоне! И меня, кажется, на это... это... захотелось вдруг выругаться матом, да позаковыристее... на это нечто в общем усадить решил! Твёрдо решил.

А ещё я поняла, кто ревел ночью. Прежде, чем нагшас принялся моих похитителей кромсать. Вот грифон этот и ревел. Воин же говорил ещё, что грагхи Тита испугались... Однако странно, что нагшас на них врукопашную бросился, сдаётся мне, одного вида этой «птички» хватило бы, чтобы существенно облегчить себе задачу. Да у него клюв размером с экскаватор, и когти на лапах, я видела... так что не надо убеждать меня, что оно исключительно пшеном питается...

Глава 23

— Как тебя зовут? — вдруг спросили меня. — Эйва.

Ну здравствуйте, приехали. То есть секс — не повод для знакомства, а вот совместный полёт на грифоне очень даже он самый?!

А впрочем... ну что мне терять?

— Майя, — буркнула, зло стрельнув глазами.

Злость мою не разделили, наоборот растянули в мечтательной улыбке полные губы, повторили:

— Ма-ай-я-я...

И вот я вообще-то злюсь! И собираюсь злиться подольше, сколько терпения хватит! А это удар ниже пояса так-то! Слышать своё имя, произнесённое его голосом, видеть, как изгибаются эти чётко очерченные губы, которые умеют быть такими... чуткими и нежными, такими... настойчивыми и властными... Блин, я так не играю! Колени мои тоже, похоже, решили выйти из игры. Ровное дыхание? Удары сердца? Нет, не слышали.

Закусив губу и не почувствовав при этом боли, а ощутив самый настоящий пожар в некоторых частях тела, и губы — самая верхняя из них и самая приличная, я отвернулась.

— Ма-ай-я-я... — продолжили пытаться меня этим хриплым тембром с такими умопомрачительно интимными нотками. — Очень красивое имя.

— Гранд мерси, — буркнула я. — Можешь лорду ябедничать.

Властная, горячая мужская ладонь на бедре, меня разворачивают, причём так быстро и ловко, что чувствую себя волчком, и в следующий миг уже оказываюсь прижатой к горячей, очень твёрдой груди. И колени при этом и вовсе совершают предательство и подкашиваются, и... хорошо, в общем, что держит нагшас крепко.

— Я похож на ябеду? — тихо спросили меня, окутывая теплом зелёных глаз.

Я закусила губу, прежде, чем ответить. И всё равно ответить не смогла. Просто головой помотала.

Не похож ты на ябеду, нагшас! И вообще на подлеца не похож! В этом всё дело! Это-то и плохо! Да что там плохо — просто ужасно!! Был бы ты высокомерным, отстранённым засранцем, как те нагшасы, что наш фургон сопровождали! Глаза бы закатывал, обзывал за спиной ведьмой, зная, что я прекрасно слышу... Да всё что угодно! Только не это вот твоё спокойствие. Не этот... адекват, блин! Ну как быть сильной в этом сумасшедшем мире, когда рядом с тобой мне так хорошо и уютно и шипы как-то сами собой втягиваются, словно вообще природой не предусмотрены! Как ждать и вообще сходить с ума от страха в ожидании своей участи, когда рядом с тобой я смысла слова «страх» не понимаю?! Ведь ты вернёшь меня назад, этому недобитому лорду отдашь, опять уйдёшь, и пофиг, что в прошлый раз это я сама ушла, не суть! Совсем скоро я останусь одна, и что дальше?!

Эта мысль отрезвила. Глаза противно защипало, но я каким-то невероятным, сверхчеловеческим усилием воли подступившие слёзы обратно втянула. Вот о чём думать надо, точно! Что мы вместе опять ненадолго. Грифон явно летает быстрее, чем грагхи бегают, а поэтому...

Уперевшись ладонями в грудь, попыталась отстраниться. Какое там!

— Майя, — снова повторил этот гад. — Ты можешь всё мне рассказать. Вообще всё, что тебя печалит и огорчает. Поверь, я пойму. И никому, вообще никому тебя не выдам, если это так важно.

И вот было искушение всё это ему высказать. Но... так искушением и осталось. Потому что ну как вы это себе представляете? Ведь если даже получится всё объяснить,

нормально, не сорвавшись в истерику, так ведь придётся завершить повествование на просительной ноте!

И если просьба о помощи, с учётом того, что я как бы в другом мире и серьёзной переделке выглядит вообще адекватно, то... в чувствах своих признаться, как?! А ведь он поймёт. Нагшас мне неглупый... попался.

И если переступить через гордость и попросить о помощи я смогу... не факт, что мне помощь эту предоставят, кстати, вон, отпустить отказался, прекрасно зная, что меня в Нагшасе ждёт... верный вассал своего лорда типа... То... вот как признаться в том, что я при нём в подтаявшее мороженое превращаюсь? При этом зная, что стоит нам прибыть в Нагшас он уйдёт? Да. На этот раз не я уйду, а он. И вот как мне... наедине со всем этим... потом?!

Нагшас молчал, продолжая вглядываться в моё лицо. Давал возможность взвесить все «за» и «против». Ждал.

— А как же не делать резких движений? — нашла я, осторожно оглядываясь на грифона.

По тени, промелькнувшей по лицу воина, видно было — прекрасно видел мои терзания-метания, как и переломный момент уловил, когда я всё же передумала с ним делиться. И не оценил. Ну что ж. Я тут помочь ничем не могу. Ему что — мужскую самооценку потешить, мол, никто передо мной, таким сильным-красивым-прыгучим устоять не может, а мне как?

Так что держимся столь удачно заданного курса, а именно: девичник и ничего личного.

А то, что сердце колотится, как бешеное, и колени тайм-аут взяли, а губы то и дело норовят растянуться в идиотской улыбке... так это всё грифон. Ну серьёзно, первый раз такую большую птичку вижу.

— Так Тит уже привык, — ответил нагшас. — К тому же ты ведьма, у вас особые отношения с животными.

Вспомнилась вдруг скачка на грагхе. И как грагх успокоился, стоило мне усесться в седло. И эти знания — как себя вести, с какой силой натягивать, или, наоборот, отпустить поводья... Хм. Дар ведьмы многое бы объяснил. Катлин вон точно ведьма. Стопроцентная. И она говорила, что я — её Отражение. Кажется, что-то ещё говорила, об искажении... Не помню. И заверение Гресты, что без магии я бы сюда не попала... Нет, попадая в другой мир очень прикольно, должно быть, обнаружить в себе некий магический дар. Вот только вопрос — что с ним делать? Пока он никак себя не проявил, не помог, когда стоило бы. Только что ко мне животные льнут. Вон, та же Беська, например. Хотя остальных она сторонилась. Или они её. Словом, тоже мне скил. Ну так и раньше, ещё в том мире, так было...

— А ты уверен, что я ведьма, нагшас?

— Абсолютно, — кивнул он с таким видом, что щёки сами собой вспыхнули. Словно он не подтвердил факт моего ведьмовства, а сообщил, что, если спал с женщиной, точно можешь сказать, ведьма она, или нет.

— Здорово, — буркнула я, пожав плечами.

— Майя, — сказал вдруг нагшас, снова разворачивая меня к себе. На этот раз не рывком, а мягко так. — Я знаю, ты устала. Вижу, что практически падаешь без сил. Я так спешил за тобой, что даже не захватил ничего, поесть, — виновато пояснил он. — И я прошу: потерпи ещё немного, пожалуйста. Полёт на грифоне очень отличается от езды на грагхе. И седло я на Тита надел. Тебе будет удобно.

И вот стою, что называется, глазами хлопаю, а в голове только «Я так спешил за тобой»... и ничего мне, дуре, больше не надо. Правда, забурчавший желудок со мной не согласился, а нагшас... нагшас, кажется, покраснел. И потупился.

Чем совсем вынес мне мозг! Потому что... Ну, если кормить собираются, вроде как убивать не спешат же, правда? Или пытаться, например? Неудобно же, наверное, пытаться

иномирянок на полный желудок?

— А у грифона какая скорость? — не выдержало моё любопытство.

— Двести краншей в час, — усмехнулся нагшас. — А Тит и до трёхсот разогнаться может. Тебе это о чём-то говорит?

— Нет, — покачала я головой. — Совершенно.

Нагшас хмыкнул.

— Это в шесть раз быстрее, чем на грагхе, — пояснил он.

Я присвистнула.

Нагшас широко улыбнулся.

— А мне показалось, — решила я осмелеть, — что мы несёмся со скоростью, превышающей даже нашу собственную скорость? — и почувствовала себя глупо. Ну вот, называется, объяснила.

— Не показалось, — покачал головой нагшас. — У грагхов — магическое происхождение. Причём те, на которых вы ехали, элитной породы. У грифонов — тоже. То есть скорость ещё и магией создаётся. И, учитывая кое-чей ведьмовской дар, догнать вас было сложно. Очень сложно.

А я вдруг поняла, что ведь даже спасибо ему не сказала!

— Спасибо... что всё же догнал.

В ответ меня просто порывисто прижали к себе, зарылись лицом мне в волосы, втянули ноздрями воздух, словно хотели мой запах забрать с собой, как я недавно хотела узнать его имя. Просто... для себя. И я в этот момент почувствовала себя особенной. Что он не только волю своего лорда выполнял, он ещё и действительно за мной летел. А значит не только мне он в душу запал. Я ему тоже. Совсем немножко, наверное, но... или всё же множко?

Стало неловко.

— А тебя как зовут?

— Кирей, — ответил нагшас с улыбкой.

— Значит, Кир, — улыбнулась я, и он тоже улыбнулся, ещё шире и я поняла, что не устою, если ещё пару раз вот так улыбнётся и... мы оба знаем, чем всё это закончится. Поэтому я перевела взгляд на грифона: — А подойти ближе к нему можно?

— Можно, — меня любезно решили сопроводить, с рукой на талии, ага. — Тем более, ты ему понравилась.

— Ну я же ведьма, — передразнила кое-чьи интонации и пожала плечами.

Кир не ответил, только показалось почему-то, что шутку мою он не оценил. То есть для него она какое-то другое значение имела.

И я бы подумала об этом, обязательно, только вот сейчас моим вниманием безоговорочно завладел зверь. Тит то есть.

Просто мы к нему приблизиться успели, на расстояние сильно безопасное превышающее. И грифон раскрыл свой золотой клюв и... я не знаю, что он проделал. Взревел, взрычал, вскричал... Только от этого звука присесть захотелось. И голову в плечи втянуть. Хорошо, что рука Кира на талии лежала. То есть вообще плохо, но сейчас — хорошо. Потому и отделалась, что называется, лёгким испугом.

— Понравилась, — с мечтательной улыбкой проговорил этот псих, а мне оставалось только глазами хлопать. Он вообще, что ли, ничего не боится?! Впрочем, он же привычный, ага.

— Издеваешься? — прошипела я.

— И не думал! — возмущение нагшаса было таким искренним, что решила верить.

Грифон же, отревевшись, клюв захлопнул (спасибо ему на этом!) и наклонил голову ко мне. Никогда ещё себя такой маленькой и слабой не чувствовала. А сейчас же... чёрт побери, да я ж для него муха-мухой! Букашка просто!

— Мы не жалкие букашки... Панцирь носим, как рубашки, — вырвалось нервное.

— Что-о?! — таки удалось его пронять. Нагшас даже поперхнулся. И такое искреннее беспокойство в голосе его прозвучало. Явно испугался, что я головой тронулась.

— Это песенка, детская. Из мультика.

— Из... мультика?

— Ага. Это такая сказка с движущимися картинками. Про ниндзя-черепашек.

— Про черепашек? — о, кто-то, кажется, услышал-таки знакомое слово.

— Ага, — про четырёх черепашек-мутантов, эм, супер-мега-крутых бойцов, — пояснила я. — Потому и ниндзя. Хотя у вас бы их наверняка нагшасами назвали.

Пытаясь в двух словах объяснить Киру всю гениальность бессмертного творения Кевина Истмена и Питера Лэнда о невероятных приключениях бесстрашных и симпатичных зелёных воинов, в панцирях и масках, об их эпичном обучении искусству ниндзюцу и о сэнсэе, мастере Сплинтере, о секретной базе в канализации Нью-Йорка, и о сражении со злом на улицах большого города, я как-то сама не заметила, что наглаживаю тёплые, твёрдые и как будто даже острые на концах перья, и при этом чешу Тита за тем самым «ухом», а грифон при этом урчит, довольно-таки громко и ощутительно, но вообще нестрашно, а я даже обхожу его вокруг, глажу сложенные крылья, и говорю, говорю...

А Кир внимательно слушает и лишь время от времени брови приподнимает.

Лишь когда Тит вдруг распахнул передо мной крыло и в лицо ударила волна мускуса, прелой листвы и какого-то звериного запаха, совсем даже сносного, поняла, что увлеклась.

Глава 24

И грифон сидит на земле, с развёрнутым крылом и на меня смотрит, изогнув шею почти по-лебединому, а я на Кира оглядываюсь, который, если верить вздёрнутыми бровям, очень даже удивлён фактом раскрытого крыла.

— Это он... что? — спросила я. — Ему что-то не понравилось?

Нагшас головой помотал, словно морок сбрасывал.

— Эм... — выдал он, а я поняла, что дурное «интеллигентное» влияние заразительно.

— Нихт ферштеен по-вашему, по-нагшасски, — вежливо поддержала я беседу.

— Этого просто не может быть...

Я усмехнулась. Ну уж мне-то можешь не рассказывать.

— Тит... Прежде он никогда... со мной только.

— Да что ж такое-то? — Тит, между прочим, смотрит. Внимательно так и как будто даже укоризненно. Мол, может хватит с ноги на ногу перетаптываться, дубина? Понятно, что грифон чего-то ждёт... Только вот — чего?

— Он. Берёт. Тебя. Под крыло. — отрывисто пояснили мне и добавили совсем ошарашено: — Как птенца.

И теперь настал мой черёд:

— Эм...

Но всё же шагнула вперёд, провела ладонями по мягкой, очень мягкой шерсти на тёплом боку. А потом прижалась к этому самому боку, зарылась в шёрстку лицом. Ощущения были... непередаваемые! Я с детства обожаю с лошадьми обниматься, и на шею им вешаться... Это ж просто ни на что не похоже. Даже маленькую кошку когда обнимаешь, тебя вшыривает не по-детски. С каких-то «трёх килограмм чистого достоинства», как говорит папа. А лошадь, или, чего мелочиться, конь? Это ж семьсот кило чистого счастья! Так вот Тит... Сколько в нём кило, я понятия не имела, но раз так в несколько больше, чем в лошади. Вот и меня, стоило прижаться к тёплому пахучему боку прямо смело, фигурально выражаясь, а не фигурально — накрыло такой гигантской волной эйфории, что...

Додумать не успела. Потому что «птичка» крылом меня... эм... приобняла. И, поскольку сзади Кир стоял, его тоже этим самым крылом прижала. Ко мне!

— Эм... — как-то само собой непроизвольно вырвалось уже у обоих.

И что мы имеем? Грифон урчит, и урчит довольно ощутительно, нагшас на ухо сопит. Тяжело так сопит. И упирается мне чуть повыше нижних девяносто неопровержимым доказательством своей, эм... искренней симпатии. А я... ни развернуться, ни что-то сделать... Причём делать и не очень хочется, так что остаётся только возрадоваться тому, что нас разделяет пару пар штанов. И рубашка с кожаным жилетом. При этом голова всё сильнее кружится, а внутренний жар, оказавшись подозрительно избирательным, творит какие-то совсем уж непристойные вещи. И вот чувствую, что кому-то, не только мне несладко приходится. Да что там чувствую, ощущаю, как есть — ощущаю!

В общем, сама не поняла, как оказалась в седле. Кожаном, с удобной и высокой спинкой и очень мягким. Отороченным, между прочим, красным бархатом. На секунду представила в этом седле одного нагшаса, без меня то есть. Хихикнула. Это всё воздействие грифона, не иначе. Прямо эйфория какая-то, которая все сомнения и страхи прочь отмела. Крылом Тита, ага...

Кир ловко вскочил в седло передо мной, от меня не укрылось, что, усаживаясь, нагшас поморщился.

И тут до меня дошло, с запозданием, что он меня пока подсаживал-усаживал, обтрогал всю, гад! А я ему по рукам надавала и проворковала томно что-то «Оставь, витязь, это всё для лорда, раз ты такой гад». Нагшас только глазищами своими зелёными сверкнул, губы сжал в одну линию, ну чисто горизонт в степи, но ничего не ответил.

— А ремни безопасности? — с запозданием и немного заплетающимся языком, потому что воздействие (явно магическое!) грифона очень и очень ощущалось, вспомнила я. — И шлем?

— Шлем тебе не нужен, а что такое ремни безопасности я не знаю, — сухо бросили мне через плечо, потому что кажется, обиделись. Так ему и надо.

— Это чтобы не упасть, — пояснила ему.

— Для этого у тебя есть я, — отрезал нагшас.

— Казак! — фыркнула я. — Ну как есть, казак...

— Ты второй раз так меня называешь, — проявил чудеса внимательности нагшас, не оборачиваясь. — Это тоже какая-то черепашка из твоего мира?

— Ты чё! — возмутилась я. — Да против казака ни одна черепашка, тьфу, ни одна ниндзя не выстоит! То есть не один. А что это у меня с голосом?

— Ты ведьма, — как-то устало ответили мне. — Ты чувствуешь магию Тита намного глубже и острее, чем остальные...

— Глубже — нравится! — вежливо поддержала я беседу.

Нагшас перевёл дыхание, прежде чем продолжить.

— Усталость и обессиленность сказала ещё, — выдавил он из себя. — И на голодный желудок... Так что полетели.

— Полетели, мой ремень безопасности! — не стала я спорить, а вместо это обняла этот самый «ремень», и промурлыкала: — Надёжный... — пальчики прошлись по кожаному жилету, а затем скользнули выше, где ворот жилета заканчивался, а начиналась непосредственно нагшасская грудная клетка. — М-м... кожаный...

И положила голову ему на плечо.

Кир вздрогнул, ударил бока грифона пятками, меня немного качнуло и это вынудило прижаться к нагшасу, сидящему между моих ног ещё ближе. Причём не только грудью, но и этими самыми ногами ещё сильнее обхватить его бёдра.

— Вот это я понимаю, сервис, — продолжала мурлыкать я и даже, кажется, головой потёрлась о мужское плечо. Ту его часть, которая не прикрыта кожаным жилетом. — Добро пожаловать на грифонские авиалинии! К вашим услугам самые опытные пилоты и до невозможности няшные птички!

Где-то там, на той самой границе сознания, на которой по-прежнему оставалась и гордость, и здравый смысл, и вообще здоровый инстинкт самосохранения вместе с обидой на некоторых кучерявых да невозмутимых, причём эта самая граница с каждым взмахом тёмно-коричневых крыльев по бокам отдалялась всё дальше и дальше, как земля от мощных львиных лап Тита, я понимала: я ж потом, как «протрезвею» от этого грифонско-магического воздействия со стыда сгорю! Воспламенюсь прям на месте и на месте же самоликвидируюсь!

Но... Свежий утренний воздух упругой волной бьёт в лицо, развеивает за плечами волосы, первые солнечные лучи целуют щёки и веки, седло, в котором сижу, удобное, мягкое и даже со спинкой, и по бокам вздымаются сразу четыре грифоньих крыла, а если обернуться назад, видны ещё четыре, куда меньше, которые расправлены на хвосте с палевой кисточкой...

А под нами несутся голубые дорожки рек, зеркала озёр, изумрудно-зелёные холмы в пушистых лесистых шапках! Я ж этого мира и не видела толком! Сперва — фурион, очень

короткие стоянки, пристальные взгляды нагшасов с разрисованными лицами и испуганные и настороженные — Гресты с Рамирой. Потом — дом лорда, который тоже толком разглядеть не удалось, не до того было... И эта бешеная скачка на грагах, во время которой точно было не до обозрения местных достопримечательностей!

А сейчас... Нет, отголоски, даже, пожалуй, обрывки благоразумия продолжают вопить откуда-то сильно издалека, что эйфория когда-нибудь схлынет, что это всё временно... но в противовес этому нудному голосу хочется смеяться, причём во весь голос и вот так лететь! Просто лететь, раскинув руки по сторонам и прижимаясь грудью к горячей спине нагшаса. Плотно так прижимаясь причём, мало ли... А ещё петь хочется!

Не сразу дошло, что нагшас, обернувшись, как-то сквозь зубы спрашивает:

— Ма-ай-я-я, ты что делаешь?!

— Радуюсь! — ни на секунду не задумалась я, отвечая. — И лечу-у!!

— И долго... ты собираешься радоваться? — а меня от хриплых ноток в его низком чарующем голосе совсем накрыло, окончательно и бесповоротно, и я вдруг поняла, что единственное, чего мне не хватает, это песни, стопудово!

Сказано — сделано. К моему (да и Кира) удивлению, песня-таки грянула!

Причём, ладно, если бы ещё затянула что-то из Imagine Dragons или Red Hot Chili Peppers... Так нет же!

— *Солнце да яркое белое гори,*

Ой ночи тёмные, да горячи объятья... — вырвалось как-то само собой.

— Эйва... Майя! Что. Ты. Делаешь.

— Пою, — чистосердечно признаюсь, да. — Это мамина любимая песня. — Хочешь послушать?

Вместо ответа раздалось невразумительное «Гхм!!», кое я истолковала как самый горячий интерес. Поэтому продолжила:

— *Сердце да девичье ты заговорил...*

*Ой мама маменька, да не умею врать я!** (С) Юта «Любимый мой» прим. авт.

— Майя... — почти простонал нагшас, и я поспешно обняла его, склонила голову на плечо, потёрлась щекой, а пальчиками по груди прошлась.

— Красивая, правда?

— Слишком... красивая, — раздалось сквозь зубы.

— Ну так, а я о чём! Представляешь, я и не знала, что слова помню!

Любимый мой, лети как вольный ветер!

Казачья кровь да конь... нет, скорей грифон, ага, грифон твой вороной! — с удовольствием пропела я.

— *Любимый мой... один такой на свете!*

Да не судьба нам вместе быть с тобой!

Любимый мой...

И вот вроде как момент грустный, не судьба как-никак, а я вдруг поняла, почему Юта эти слова с такой любовью, с таким удовольствием поёт! Ну, потому что красиво же! До слёз прям красиво! И потом, какая разница, судьба-не судьба, когда вот сейчас, здесь... такое волшебство происходит!

Сама не заметила, как прижалась к воину ещё теснее, а мои пальчики принялись исследовать не только кожаный жилет на его груди, но и все не попадающие под этот самый жилет участки... шею, плечи, часть грудной клетки, полоску кожи между этим самым жилетом и ремнём на брюках...

Вот на ремне мои пальчики и остановились, а внутренний голос сказал (то есть уже взвыл, зараза), что хватит, мол. Ну я и остановилась. Как послушная девочка. Мне, в конце концов, для полного и абсолютного счастья и всего, что выше этого самого ремня более, чем достаточно...

Но не тут-то было!

Поверх моих пальцев вдруг легли горячие пальцы Кира, руку мою приподняли, коснулись нежным поцелуем (от которого меня всю, от макушки до пят, молния пронзила!) кончиков пальцев, а потом положили ладонью на... хм... неопровержимый комплимент моим вокальным способностям. Огромный такой аргумент. Внушительный. Очень.

Я каким-то сверхъестественным усилием воли подавила импульс выгнуться дугой, и в стремлении взять под контроль собственное тело и горячее подёргивание внизу живота с усилием сжала бёдра... между которыми он сидит! И услышала стон. Самый настоящий! Хриплый. *Его* стон.

— Эйв... Майя! — почти прорычал Кир. — Если ты не прекратишь, посажу тебя спереди.

Бесстыжая картинка, вспыхнувшая в голове, всё же заставила застонать. На этот раз.

— Только прежде штаны сниму, — припечатал нагшас.

— С себя или с меня? — между прочим, невинное уточнение. Но важное.

— Майя!!!

— Я молчу, я просто спросила. Мало ли... ты... того... вспотел.

— Вспотеешь с тобой!!

Эм... и где ваша нагшасская выдержка?

Но всё же, не без усилий, взяла себя в руки и больше не пела. После того, как, правда, всё же допела «Любимый мой» до конца. А петь хотелось, чёрт побери! Но почему-то в голову лезло «Мало-мало-мало-мало огня...» и совсем уж бесстыжее «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи...» Так что каким-то чудом я сдержалась.

Также на всякий случай, как только возможность представилась, и руки убрала. Во избежание недоразумений. Ну и комплимента моим вокальным данным...

— Руки верни! — скомандовали мне. — Не хватало ещё, чтобы упала!

— Ты же говорил, с Тита невозможно упасть, — робко напомнила я то, чего Кир, в общем-то не говорил. Но спорить нагшас не стал. Просто припечатал:

— Верни!

И я вернула. На талию, как послушная и вообще порядочная девочка.

Мою ладонь тут же переложили... ниже.

Я, недолго думая, прикусила беззащитно подставленное мне на растерзание плечо.

— Ма-айя-я!..

— Ки-ир! — ответила ему в тон и добавила: — Или так, или никак!

Руку мою всё же отпустили.

Ну а я принялась, что называется, «кайфовать молча». Благо, когда летишь на грифоне,

это более, чем возможно.

К концу полёта, который оказался и в самом деле намного быстрее, чем наш давешний заезд на грагах я даже задремала, склонив голову на плечо нагшаса.

Так, в состоянии сладкой дрёмы ничуть не возражала, когда нагшас после нашего приземления подхватил меня, сползающую с тёплого бока Тита, на руки, и с какой-то навалившейся пофигистичностью отметила, что даже будь я в состоянии очнуться и паниковать, ничего бы не вышло, просто тело странно одеревенело. Но «одеревенение» было приятным, сладким и каким-то томным.

Не открывая глаз, поёрзала в сильных мужских руках, оказавшихся, помимо всех остальных достоинств ещё и невероятно удобными, и обвила шею нагшаса руками.

— Мой лорд! Ваша светлость... — раздалось совсем рядом, и я с той самой пофигистичностью осознала, что лорд где-то рядом.

Подивилась, конечно, его живучести, не без этого, но проснуться, чтобы тоже поприветствовать вроде как нехило пострадавшего от моей руки мужа, не смогла. Впрочем, если он где-то здесь и на ногах, то не сильно он и пострадал...

— Не беспокоить нас с леди, — ответил за лорда почему-то Кир, и я поняла, что, наверное, мне всё это снится, и этот запинаящийся голос нагшаса — я узнала голос того, «подозрительного», который по дороге в герцогство обзывал «ведьмой» — тоже.

— Мой лорд, прошу вас. Это слишком опрометчиво с вашей стороны, мы не можем допустить...

— Убью, — просто ответил Кир, не сбавляя шага, а я сквозь сон прижалась к нему крепче, снова щекой о плечо потёрлась и пожалела, что этот сон когда-то закончится.

Так и вышло. Это была моя последняя мысль «во сне». Вскоре я провалилась в блаженную тьму, которая на какой-то миг обрела границы чего-то мягкого под спиной и сверху, мягкого и лёгкого, и твёрдых горячих губ на моём виске... А потом и эти границы схлынули и я перестала осознавать даже тьму.

Глава 25

Проснулась я в превосходном настроении. Отлично выспавшейся и отдохнувшей. С наслаждением потянулась, не спеша открывать глаза и ощущая мягкость простыней всей поверхностью кожи. Стоп. Я что, спала обнажённой?!

С чего бы это?!

Открыв глаза, обнаружила себя накрытой чем-то белоснежным и очень лёгким, сонно моргая, распознала в этом белоснежном одеяло. Заглянув под это одеяло, оказавшееся таким тонким, что сквозь него легко проникают солнечные лучи, получила прямое подтверждение, что таки да, спала я обнажённой. И не просто обнажённой: на некоторых участках тела находились зелёные листочки, по форме напоминающие кленовые. Нет, не на «тех самых местах», а на коленке, голени, бедрах, животе, чуть повыше груди, шее... пара листочков на руках... И, судя по ощущениям, на ягодицах тоже имелась парочка. Что за нафиг?!

И тут меня накрыло и затопило по самую макушку волной стыда! Потому что вспомнила всё, что предшествовало засыпанию! Вспомнила во всех подробностях!

И полёт в обнимку с нагшасом на грифоне, и своё пение, мамочки, и это протяжное, с придыханием «любимый мо-ой», и его руку, настойчиво накрывающую моей ладонью эм... комплимент моим вокальным данным!

Чёрт! Чёрт! Чёрт!! Как же стыдно!!!

Осторожно, каким-то вороватым движением приспустила одеяло с лица, то есть с глаз, и обнаружила себя на огромной белоснежной кровати, в просторной и светлой комнате, ничем решительно мою прежнюю комнату не напоминавшей... Несколько окон в рост человека... белоснежные и лёгкие, как паутинки занавески колышет ветер... Ничего себе, фонтан, прямо посреди комнаты! Точно, мне же снилось, что стою под водопадом, оглушительно грохочущим, но при этом каким-то тёплым и ласковым... Ну конечно! Журчание фонтана это и есть звуки водопада, а ощущения тепла — это солнечные лучи, проникающие в комнату из-за танцующих на ветру занавесок...

А потом увидела его.

Того самого. Виновника моего стыда.

Кир сидел рядом, в низком кресле и смотрел на меня с такой широкой улыбкой, что я вспыхнула, и, не задумываясь, снова натянула покрывало на голову.

Чувствовала себя при этом глупо. Ну вот сколько я так просижу, как страус? И собственная нагота, конечно, уверенности в себе не придаёт.

— Ма-ай-я-я, — протянул кое-кто низким голосом и щёки сами собой вспыхнули. И губы при этом запылали, а тело... нет, ну разве можно быть таким предательским?!

— Я всё видел, — продолжал нагшас. — Вылезай.

Не откидывая одеяла, помотала головой из стороны в сторону.

Кир рассмеялся. Таким тёплым смехом, от которого в груди так и защемило.

— Вылезай-вылезай, — сказал он. — Поговорим о вчерашнем. И о позавчерашнем. И о поза-позавчерашнем.

И вот это его «поза» и тем более «поза-поза» прозвучало так, что я решила со всей непреклонностью: не вылезу. Ни за что и никогда. Буду сидеть здесь тридцать лет и три года. А потом ещё тридцать три раза по столько же. Но тело, которое, явно мстило мне за что-то, снова было самым подлым образом настроено против меня, потому что вдруг поняла со всей очевидностью: вылезать придётся. И очень скоро. Потому что спала я явно долго и теперь вот «в кустики» приспичило.

— А это обязательно? — подала я голос из-под одеяла. — В смысле не вылезать (потому что тут уже без вариантов), а говорить?

— Ну, если ты, конечно, предпочитаешь спеть, — со смехом ответили мне и я... я ведь думала, краснеть больше уже просто невозможно!!!

— Решено, — продолжал издеваться этот гад. — Мы отложим разговор, если ты споёшь мне ту же песню, про любимого. Абсолютно голой.

— Кир!!! — от возмущения я вынырнула из-под одеяла. По шею.

А взгляд зелёных глаз нагшаса был таким выразительным, что следующая реплика так и не вырвалась на свободу и ничего нового о себе нагшас не узнал. На этот раз.

Облизала под его пристальным взглядом пересохшие губы, вспыхнув при этом прямо до самых корней волос, а краснею я, как все рыжие, в лучших традициях сеньора Помидора, если что... и почувствовав себя совсем уязвимой, нижнюю губу прикусила.

В зелёных глазах нагшаса мелькнуло сочувствие. Как будто он в считанные секунды считал моё состояние.

— Прости, маленькая, — сказал он так тепло, что ресницы сами собой часто захлопали. — Не хотел тебя смущать. Больше необходимого.

— То есть вообще хотел? — не сдержалась я.

— Хотел, — ответит Кир незамедлительно и хрипло добавил: — И сейчас хочу.

И я губу ещё больше прикусила, но укуса при этом не ощутила и взгляд опустила. И такой незащитной себя почувствовала. Не перед ним. Перед собой.

Понятия не имею, как он это проделал, но в следующий миг нагшас уже сидел рядом, на кровати, а его пальцы касались моего подбородка, приподнимая лицо.

— Посмотри на меня, Майя, — тихо попросил он и, когда головой помотала, добавил: — Пожалуйста.

И я послушалась.

Тёплый взгляд успевших стать почему-то таким родными глаз. Расширившиеся зрачки, затопившие радужку... Смуглое, честное и открытое лицо. С правильными, какими-то идеальными чертами. Волосы в мелких, чуть влажных кудряшках распущены, достигают плеч. С левой стороны под кудряшками что-то сверкает, и на шее тоже. Та самая краска? Ниже не видно, из-за белой, распахнутой на груди рубашки, хотя помню, что «чешуйчатые» узоры обнимают левое плечо и бок под ним...

— Это нормально, то что с тобой было. Стыдиться тут нечего, абсолютно. Я не могу разглядеть твоего ведьмовского дара, он ещё не раскрылся в полную силу но, судя по твоей реакции на Тита, и его на тебя, твой дар тесно переплетён с животными. И прежде ты не встречала магических существ, а начала сразу с грахов и грифона... Скоро, мы, кстати, выясним насчёт твоего дара. И его развития, если хочешь, конечно. Обещаю.

— Где я? — задала я самый резонный вопрос и, подумав, добавила ещё один, не менее важный: — И что ты здесь делаешь?

Глава 26

Кир кивнул, провёл пальцами по моей щеке, губам и ответил:

— Ты в моём доме. И я ждал твоего пробуждения, чтобы ответить на твои вопросы. Конечно, их накопилось много.

И вдруг внутри что-то кольнуло. Какое-то... не то предчувствие... не то что-то в этом роде. Показалось вдруг, что я что-то упускаю. И это что-то лежит буквально перед самым носом...

— То есть ты меня вчера и правда к себе домой привёз? — недоверчиво спросила я и нагшас кивнул.

Я откровенно растерялась. А как же эта его... верность лорду и несгибаемое намерение вернуть меня своему сюзерену?!

— Ки-ир... — протянула я, понимая, что нагшас лорда сюзереном называл разве что у меня в голове. То есть по факту ни разу.

Подняла руку к его лицу, отодвинула волосы. Те же самые узоры. Цветные. На том же самом месте.

Несмело провела по ним пальцами... Выпуклые наощупь, значит, в прошлый раз мне не показалось. Я ведь ещё подумала — надо же, как реалистично нарисовано... и краска качественная. Впрочем, в тот самый «раз», когда у меня была возможность вот так, близко, и при свете дня эти самые «узоры» рассмотреть мне как-то не то, что не до разглядываний, пожалуй, что и не до мыслей было...

— Это не краска, — покачав головой, выдала я апофеоз глубочайшего умозаключения. Кир чуть нахмурил брови, но ничего не ответил.

И когда напряжение в воздухе достигло предела, в дверь постучали.

— Занят! — рявкнул нагшас.

— Ренар, — раздалось из-за двери.

Я уже думала, Кир скажет сейчас что-то вроде «вы дверью ошиблись», но он повторил:

— Не сейчас!

— Ренар?! — вырвалось у меня. Может, у меня и есть провалы в памяти, особенно моего попадания касающиеся, но вот свою свадебную церемонию я хорошо помню! И имя «супруга» тоже прекрасно запомнила. Да оно мне прямо впечаталось в память!!

Ренар Тхрагорский!!!

Из-да двери донеслось покашливание. Как мне показалось, недовольное.

— Занят он... Слышу я, чем ты занят. Я тут листья асахи принёс, свежие. Для... леди.

Кир, то есть Ренар часто заморгал, когда получил удар подушкой. Даже не покачнулся при этом, что, конечно, не могло удовлетворить мою жажду мести, то есть справедливого возмездия!

Но от последующего даже не попытался уклониться, видимо, давя на жалость. И очень зря, кстати. При этом смотрел нагшас укоризненно, видимо, надеялся достучаться если не до жалости, то хоть до благоразумия. И снова — мимо. Ни о том, ни о другом мы не слышали! По-крайней мере, сейчас!

Стоически выдержав ещё пару ударов всё той же подушкой, нагшас метнулся вперёд, прямо на меня и в следующий миг я оказалась придавлена к кровати мужским телом, с разведёнными в стороны руками и твёрдыми пальцами Кира на запястьях. Бёдра также были надёжно заблокированы, надёжнее прям некуда. Подлый нагшас просто уселся на них сверху, и, как ни дёргаюсь, понимаю, бесполезно. Только хуже делается. В том

смысле, что щёки и губы снова начинают пылать, внизу живота свивается сладкой судорогой огненная пружина, грудь, расплюснутая о твёрдую грудную клетку воина, ноет, а я вдруг с запозданием понимаю, что на мне... хм... только листья, в общем. Если, конечно, они ещё остались на тех же местах...

А Кир, или Ренар, а какая к чёрту разница, склоняется низко, к самому лицу, и его взгляд на своих губах я ощущаю физически! И дыхание у нас обоих тяжёлое, и сердца колотятся так, что...

— Ладно, — раздалось из-за двери недовольное. — Под дверью оставлю. И не говори потом, что я не предупреждал, что асаха должна быть свежей!

Горячие и очень нежные губы легонько касаются кончика носа и от этой лёгкой, целомудренной ласки меня молния пронзает.

— Я сейчас, — хрипло сказал Кир (так всё же привычнее). — Листья и в самом деле надо заменить свежими.

И в следующий миг уже наблюдаю его спину в белой рубашке, узкие бёдра в белых же брюках, чуть пружинящую, хищную походку.

Но... реакция есть не только у тебя, нагшас, кем бы ты ни был.

В мгновение ока замотавшись в одеяло, как в кокон я соскользнула с кровати и, шлёпая босыми ногами по узорчатой плитке, скрылась за невысокой резной дверцей, в которой безошибочно угадала дверь в купель.

Лишь с мстительным удовольствием задвинув на дверце засов, выдохнула и... ещё быстрее, пожалуй, чем Кир передвигается, побежала хм, по назначению, в общем.

Глава 27

— Майя, — терпеливый голос под дверью. — У тебя всё в порядке?

Из варианта мстительно промолчать или язвительно ответить выбрала второй.

— В полном. А кто спрашивает?

— Майя, — терпения в голосе чуть поубавилось. Но всё же недостаточно. — Это я.

— Не-ет, — качаю головой. — Майя — это я!

Вместо ожидаемого выходения из себя слышу тихий смех. Очень, зараза, обезоруживающий! Настолько, что и сама, не сдержавшись, хихикаю.

— Вопрос в другом, — всё же стараюсь быть серьёзной. — Кто ты, нагшас мой прекрасный?

— Казак, — на этот раз ответили, не задумавшись.

— Допустим, — хочется, конечно, поспорить, но... — И всё же?

— И твой муж. Лорд Кирей Ренар Тхрагорский, герцог Нагшаса.

И я, как бы это помягче и поиносказательней выразиться, в деревеньке под названием Ахово. В Ахове я, да!

— Это в какой же Вселенной? Насколько я помню, лорд Нагшаса женился на леди Катлин Помаевской. А я, как ты, наверное, проницательно догадался, никакая не леди.

— Конечно, не леди, — не стали спорить к моему праведному возмущению, — ты — самая настоящая каза, — заявили безапелляционно и глубокомысленно.

— Какая ещё коза?! — возмутилась я.

— Ну... казак-женщина, — немного помявшись, пояснили мне.

— Во-первых, на минуточку, не каза, а казачка, — поправила я, подняв палец, забыв, что нагшас меня не видит.

— А во-вторых, женился я *на тебе*, ка-зач-ка, — перебили меня. — Твоя кровь была в ритуальной чаше. Чему я несказанно счастлив.

Молчу. Потому что запрещённый приём! Но... говорить ведь что-то надо?

— Правда?

— Правда, Майя. Счастлив.

— Правда — лорд? — а у самой губы растягиваются в дурацкой-предурацкой улыбке. — А кто тогда тот был... другой?..

— Майя, — голос Кира посерьёзней. — Давай ты выйдешь, и мы поговорим. Я так понимаю, очень многое нужно тебе рассказать. Но сперва ты поешь. И последнее не обсуждается.

Пытаюсь вспомнить, когда ела последний раз... вот по по-человечески ела, не кусочничала. И выходит чуть ли не вечность назад. Кусок мяса с лепёшкой под пристальными взглядами сообщников леди Катлин в горло не лез.

Желудок жалобно напомнил о себе. А я даже разозлилась немного. Ну вот какого чёрта этот нагшас всегда оказывается прав?

— Ты больше суток проспала, — продолжили «давить фактами» из-за двери.

Сколько?!

Кажется, моё молчание было истолковано неверно.

— Майя, а ещё листья асахи сменить нужно. Иначе выздоровление замедлится.

Я покосилась на плечо. Не то, что с анамом, а то, на котором до этого листок был. Небольшая царапина. Вполне себе затянувшаяся.

— А до этого, кто менял? — я сама подозрительность, да. И на повестке дня — допрос с пристрастием. Через дверь, правда, но главное, что эффективный ведь!

— Ты думаешь я кому-то доверю делать это со своей женой?!

Аут. Окончательный и бесповоротный. Нет, оно, конечно, логично было бы предположить, что какому-то местному магическому лекарю меня доверили, но... Всё же я рада, что это был Кир. Хотя и стыдно до ужаса, а всё равно радостно! Л. Логика.

— Ты, если что, мне тогда, ну... уйти позволил, — всё же решила напомнить я. Потому что слабость в коленях, пульсация в самых непредназначенных по моему скромному мнению для пульсации местах и бабочки в голове и животе — это, конечно, хорошо, но... Если то, что было окажется какой-то их местной проверкой на вшивость по нагшасским обычаям — убью! Вот просто убью! Хотя нет. Знаю же, что это так, для красного словца...

Как знаю и то, что простить не смогу *такое*. Никогда.

Поэтому я продолжила:

— И потом, ночью, отвести к этому... к этому...

При одном воспоминании о несостоявшемся насильнике, о бешенстве и ненависти в его глазах, о том, как неуклюже сучил ногами, а пальцами сжимал перерезанное горло... голос мой дрогнул, и я замолчала. Так вдруг жалко себя стало...

Кир ответил сразу.

— Майя, открой пожалуйста. Я всё объясню. И здесь я ни причём, клянусь. Когда я расскажу тебе, как всё это выглядело моими глазами, ты меня простишь.

Вот это самомнение, однако! Но от сердца сразу отлегло. Если он говорит, что ни причём, значит, так оно и есть. Скорее всего, его тоже подставили, как и меня. Но всё же это не повод капитулировать, нет.

— А ты уверен, казак?

И вот не надо быть победителем Битвы Экстрасенсов, и даже ведьмой быть не надо, чтобы знать: там, за дверью, сейчас улыбаются. Несмотря даже на мой суровый, если что, тон!

— Не уверен, — ответил Кир с теплотой в голосе. — Но очень на это надеюсь.

— Считаю, что я почти тебе поверила. И даже выйду отсюда. Когда-нибудь.

Вздых.

— Майя, открой дверь, пожалуйста. Я только листья асахи тебе отдам. Их нужно на все царапины и ушибы поместить.

И слышу по его тону — ему действительно это важно. Моё здоровье важно. И эта мысль почему-то заставила совсем расклеиться.

— Правда, сам входить не будешь? — шмыгаю носом.

Ещё один вздох. Куда более тяжёлый.

— Обещаю. Эйва.

Хм, ну если по-хорошему, то почему и не поверить. К тому же что-то мне подсказывает, если бы Кир захотел, уже вошёл бы. Вместе с этой самой дверью. Которую б даже и не

заметил. И магия тут ни причём.

Подтянув одеяло повыше, всё же решилась.

Мои дрожащие пальцы на изящной защёлке, затем на ручке двери... Виноватый взгляд зелёных глаз, окутывающий теплом и заботой, соприкосновение пальцев, от которого по телу бегут сладкие разряды тока... И захлопнутая дверь, причём уже им захлопнутая, потому что у меня руки банально заняты: в одной — свёрток с чем-то зелёным и ароматным, в другой — высокий прозрачный бокал с плавающим в нём круглым кусочком какого-то розового фрукта.

Принюхалась: пахнет вкусно. Аромат одновременно цветочный и какой-то цитрусовый. Рот моментально наполнился слюной.

— Воду с малоном выпей, — посоветовали из-за двери, читая мои мысли. — И выходи побыстрее. Завтракать.

— Это уж как получится, — решила я покапризничать, не без усилий отрываясь от бокала с водой. Кисловатой, но в меру, очень освежающей.

— Там к тебе Баст умудрилась проскочить, — сообщил Кир. — Не может себе простить, что пропустила твоё пробуждение. Не отходила от тебя, пока ты спала.

— Мяс, — подтвердила с пола Беська, присаживаясь, щуря зелёны очи и обвивая лапки хвостом.

— Ты с ним в сговоре, это я поняла, — сообщила усатой нахалке, у которой тоже взгляд показался виноватым.

За дверью хмыкнули, и, хоть больше не донеслось ни звука, поняла, что отошли.

Глава 28

Я вообще-то не капризная. И не сентиментальная ни разу. Вредная — бываю, да. Периодически. Но вот чтобы ныть, мстить, тянуть на себя одеяло внимания окружающих... такого за собой не замечала. Ну, может быть, когда болею только.

А вот сейчас прямо расклеилась.

Видимо, схлынувшее нервное напряжение сказалось. И вот пока не почувствовала себя в безопасности, я даже не в курсе была, каким оно, оказывается, было, это напряжение. Со внезапной бескомпромиссной ясностью поняла даже: долго бы я не продержалась. Рано или поздно сорвалась бы. И, пожалуй, что рано. Скоро, то есть.

Истерика накатила, обрушилась девятым валом, смела ураганом, тайфуном, цунами! Меня трясло. Всю. От кончиков пальцев до пят. Колотило... нещадно. И рыдания удавалось сдерживать, то есть какой там сдерживать, делать их относительно беззвучными, исключительно закрывая себе рот ладонью.

Снаружи по-прежнему не раздавалось ни звука, но я точно знала: он снова тут. Под дверью. Прислушивается, и, хоть плачу молча, *слышит*. Каким-то непостижимым образом, слышит.

Поэтому, когда из-за двери раздалось: «Прости, Майя, я вынужден войти...» ни капли даже не удивилась.

Просто выкрикнула:

— Ты обещал! — крик получился гнусавым.

А я вдруг физически ощутила, какие невероятные усилия совершает сейчас Кир, чтобы не выломать к чертям собачьим дверь! И... не понимаю, совсем не понимаю, как это вышло, но... как он терпит вообще?!! Это же просто немыслимо! Хуже, многократно хуже физической боли! Взрывной, сводящий с ума фейерверк эмоций из тревоги, гнева, страха... за меня причём страха, это я точно почувствовала! Какая-то физическая потребность, нет, необходимость защитить...

— Майя... — и вот я даже рыдать прекратила. Стою, глазами хлопаю, ничегошеньки совершенно не понимая. Голос нагшаса звучал спокойно!! Как всегда!! А ещё тепло и очень терпеливо! Чёрт, он человек вообще?!! — Клянусь, я убью своими руками каждого, кто виноват в одной лишь твоей слезинке.

Спокойно так сказал. Отстранённо даже. Причём не просто сказал — пообещал. И я поняла — слово своё сдержит. Вспомнила поляну в утреннем лесу. Росу под ладонями, крик, раздирающий горло. И дикий танец Кира... Смертоносный, неистовый. Он голыми руками в прямом смысле голыми руками порвал их всех на части! За меня...

И, может быть, логично было бы в этой самой ситуации бояться уже Кира, когда я знаю, видела, на что он способен... а вот не могу и всё тут. Более того, дыхание вдруг выровнялось, с последним прерывистым всхлипом улетучилась казавшаяся стихийным бедствием истерика.

Я просто... блин, поняла, осознала, уверовала... да чушь это всё собачья! Слова всего лишь. Это *знание*, озарившее меня, было сродни осязаемой, физической, реальной очень уверенности!

Он за меня и правда убьёт. Рядом с ним я больше, чем просто в безопасности.

— Урк! — раздалось звонкое из-под ног, и я поняла, что Беська уже какое-то время настойчиво и с упоением трётся о мои ноги.

Я ничего не ответила. И Кир тоже больше не проронил ни слова. Но я каким-то чудом поняла, что ему уже не так больно. А моя истерика и вовсе испарилась без следа.

Но выходить я всё же не спешила. А занялась как раз-таки тем, чем занимается в ванной любая нормальная девушка от восьми до ста восьмидесяти.

А именно: принялась думать и созерцать.

Совмещая мыслительный и созерцательный процесс с погружением в небольшой и очень удобный бассейн с бурлящей, приятной температуры водой.

Натиралась местным скрабом и жидким мылом с приятным цветочным ароматом и усаживалась снова. Мыла волосы... допивала воду с розовым лаймом, то есть, малоном... и думала, думала, думала...

Беська же развлекала себя тем, что разгуливала по разноцветному бортику, звонко урчала и время от времени скидывала флаконы в воду. Я их вылавливала и расставляла на прежние места, и увлекательная для нас обеих игра начиналась снова.

Выходить же я не спешила.

И дело не в том, что я злилась на Кира. Как раз-таки не злилась. Потому что, как любит приговаривать папа — «пока не выслушаешь обе стороны, не спеши делать выводы». Вот я и не спешила. Но выводы в том, что касается одной из сторон, а именно меня, сами напрашивались.

Ясно же, как день, что меня подставили. Крупно подставили. Начиная с Катлин и заканчивая её сообщниками.

Киру я верила. Абсолютно необъяснимо, нерационально, но верила.

— Как же я сразу не поняла, что он тот самый... лорд? — шёпотом спросила у Беськи, не в силах произнести вслух «проклятый». Кошка сощурила зелёные, подведённые золотом глаза и, понятно, не ответила.

Нет, с кем-с кем, а с «проклятым» Кир явно не ассоциировался.

Да и в моём понимании «покрытое шрамами лицо и змеиной чешуёй тело» выглядеть должно несколько, хм, иначе. Да я и сейчас с трудом верю, что на его теле действительно... чешуя!

Есть от чего, простите, мозгами поехать.

Кроме того, я буквально впервые за всю эту неделю ощутила себя в безопасности, причём не так, как раньше было, проблесками, лишь в присутствии Кира: эдакая вспышка, приправленная горьким осознанием, что это на очень и очень короткий срок. Теперь, когда каким-то образом выяснилось, что Кир вообще-то мой муж. И не Катлины муж, а мой. И счастлив этому факту... Поверив в это, наконец, до конца, я вдруг такую обессиленность ощутила. Просто нечеловеческую.

Понятно, что голод и чрезмерное физическое перенапряжение тоже сказываются, но всё же.

А ещё я впервые за всё это время позволила себе подумать... о своей семье. По-настоящему подумать. Не гнать эти мысли, стискивая зубы и смахивая слёзы злости и бессилия...

Да они ведь там с ума сходят! Ребёнок пропал!! Да, именно ребёнок! Для мамы и папы. Да и для братьев... Для них я навсегда останусь «мелкой». Дедушке с бабушкой, конечно, ещё не сказали, берегут нервы, а вот дядя, наверное, уже в курсе.

Неделя, чтоб меня черти съели! Да меня там уже в розыск объявили, а зная папины связи... И я как представила, что с мамой сейчас происходит... горло спазмом сдавило, а Беська виновато мявкнула.

Я поспешно вытерла слёзы и покосилась на дверь.

Сантименты сантиментами, и безопасность — это, конечно, здорово, но не мешает узнать ответы на интересующие вопросы.

Я вылезла из бассейна, вытерлась насухо полотенцем, подошла к зеркалу, где на мраморной столешнице лежит свёрток с листьями. И Беська тут же, куда без неё.

Уселась, глазищи подведённые шурит, хвостом чуть этот самый свёрток не смела.

— Ну уж нет, — успела я подхватить падающую асаху. — Обещания надо выполнять.

И принялась обклеивать свои вполне зажившие синяки и царапины этими самыми листьями. Я вообще слабо себе представляла, как они держаться будут, но оказалось — вполне себе. Стоило приложить лист к коже, как он сам прилипал. Не намертво, конечно, но почти как пластырь. Причём сам по себе лист асахи клейким не был, но стоило зелёной глянцевої поверхности коснуться кожи, как прилипал тут же.

Наклеивая листья на внутреннюю поверхность плеч и бёдер я — судя по отражению в зеркале — заливалась краской. А когда, обернувшись, поняла, что копчик и, хм, мягкие ткани под ним, а говоря по-человечески — отбитый о грагха зад тоже нуждается в этой самой асахе, тихо зашипела от возмущения.

Жену он, видите ли никому не доверил! Сам прилеплял, рассматривая спящую и беззащитную меня во всех, простите, ракурсах!

Злость сменилась нервным хихиканьем.

Бедный нагшас, вот не позавидуешь ему! Учитывая наше взаимное притяжение, ну вот просто как магнитом тянет, и не только меня, но и его тоже... нет, в его выдержке я успела убедиться, но ведь не железный он в самом деле!

А главное — как он всё это проделал, не разбудив меня?!

Пожалуй, этим обязательно поинтересуюсь. Когда всё остальное выясним.

Закончив, наконец, с асахой, я закуталась в просторный халат с широкими рукавами, из тонкой белой ткани. Похоже на атлас, но не скользкая и очень приятная к телу.

Взглянула на себя в зеркало — волосы уже успели подсохнуть, струятся по плечам огненными ручейками, особенно на фоне белоснежной ткани. Глаза на осунувшемся лице стали просто огромными, щёки втянулись, обрисовав скулы. В целом вид вполне удовлетворительный, даже не скажешь, что всю последнюю неделю куда-то бегу, от кого-то спасаюсь, еду, скачу... Вот только насчёт худобы мне бы сейчас от папы нехило прилетело.

Кажется, Кир говорил что-то о завтраке?

И что он всё-всё мне расскажет, но сперва я поем, да.

Что ж, план просто идеальный, не подкопаться.

— Пошли, Беся, завтракать, — погладила я кошку. — Или ты предпочитаешь «Баст»?

Кошка склонила голову набок, звонко уркнула, а потом с наслаждением потянулась и широко зевнула. После чего с самым невозмутимым видом смахнула опустевший свёрток на пол.

— Нет, ты точно Беська, — усмехнулась я.

Глава 29

Стоило выйти из купели, как меня тут же подхватил самый настоящий вихрь, заключая в уютное и надёжное кольцо мужских рук. Я опомниться не успела, как оказалась на кровати, закутанная в одеяло, как в кокон. Буквально закутанная! По самый нос, в котором защекотало, и я громко чихнула, подпрыгнув всем спеленатым телом.

С недоумением уставилась на Кира, который стоял рядом, возвышаясь надо мной и тяжело дыша.

— Это ещё что такое? — попыталась высвободиться из «смирительного одеяла», но не тут-то было! Меня тут же прижали к кровати.

— Не двигайся. Пожалуйста, — от хриплого голоса нагшаса у меня у самой дыхание потяжелело.

Вспомнила, на каких частях тела сейчас, под халатом и одеялом красуются эти самые листья асахи, поняла — без всяких там ведьмовско-экстрасенсорных способностей — что он думает сейчас о том же, и почувствовала, что краснею. Прямо воспаляюсь, как вампир, которого солнце застигло посреди кровавого пира!

И всё-таки, учитывая такой вот темперамент некоторых... Интересно, как Кир себе это представлял? Ну, что опять мне эти листья менять будет? Представила, как именно и... почти воспламенилась, да!

Нагшас смотрел так, что я поняла — одно движение... и одеяло вместе с халатом полетит ко всем чертям, притом разорванное на мелкие тряпочки.

— Совсем не двигаться? — всё же уточнила я, запрокидывая голову и мотая подбородком, потому что ну реально ведь по самый нос замотал.

— Совсем, — по идеальному лицу воина пробежала короткая судорога, а чешуйки на скуле и шее как будто даже стали ярче.

— Но, — робко напомнила. — Одеяло же...

— Не помогает, — вздохнул Кир и быстро водрузил поверх моих коленей прикроватный столик.

Благоразумно замерла, пока он заставлял его блюдами. Ароматы каши и какой-то выпечки были такими восхитительными, что остальные желания решили покамест отступить. В животе жалобно заурчало. Беська запрыгнула на кровать с другой стороны с любопытством прищурилась на мой живот.

А я себя Буратино почувствовала, в той самой сцене из фильма, в Трёх Пескарях. Ну вот как мне есть, когда руки к телу прижаты?! Он бы мне ещё салфетку поверх рта повязал!

Судя по взгляду нагшаса, который был сейчас устремлён на мои губы, Кир что-то подобное и планировал.

— Кир, — стараюсь говорить спокойно и вообще делать вид, что ничего из разряда «за рамки» не происходит. — А как мне есть-то? — прозвучало откровенно жалобно.

И если судить по вмиг съехавшимся к переносице бровям, об этом не подумали.

Попробовала высвободиться — голод-то не тётка, в конце концов! — но зелёные глаза со щелевидными зрачками так и полыхнули, а Беська замурчала как-то уж совсем довольной, и я снова замерла.

Кир, который уже сидел рядом на кровати (вот как он это делает, а? телепортируется, что ли?), хрипло выдохнул:

— Я сам.

Закатила глаза.

Сам так сам. Не будь я такой голодной, может и поспорила бы, но... вместо этого кивнула и выразительно уставилась на пышный ароматный пирог. С румяной корочкой сыра сверху, а значит, начинка не сладкая, скорее всего, с мясом или с овощами. Мне сейчас вообще без разницы.

— Только побыстрее, ладно? — почти мольба, почти на коленях. И совсем жалобное: — Очень-очень есть хочется.

Нагшас глубоко вздохнул, и, кивнув с самым серьёзным видом, подхватил кусок пирога и поднёс к моим губам.

Откусила... хм... нет, пожалуй, вгрызлась в ароматную сдобу и проглотила сразу, не разжёвывая. Благо выпечка с овощной начинкой и сыром была такой мягкой и нежной, что я чуть не заурчала почище Бески.

Еще кусочек... ещё... теперь уже удаётся немного пожевать, да... И почти не замечать сопения Кира, который старательно пытается смотреть не то поверх, не то сквозь меня, но учитывая, что он меня, вообще-то, кормит, сие весьма проблематично.

Подхватывая последний кусок, я случайно (честно, почти случайно) коснулась губами его пальцев и... это невинное во всех отношениях действие послужило своего рода спусковым механизмом.

Нет, одеяло с меня, вопреки логичным во всех отношениях предположениям не слетело. Столик тоже устоял. А вот Кир... Кир полетел, да, почти, полетел, то есть, учитывая скорость его передвижения, рванул в сторону купели.

— А попить? — не удержалась я от ехидства.

Мне не ответили и вскоре из купели донёсся звук падающей воды, и, спорю на что угодно, воды прямо ледяной!

Но рассуждать и хихикать было некогда, потому что руки я высвободила, кажется, пока Кир не успел даже к двери приблизиться и вслед за пирогом принялась торопливо поглощать (ну или заглатывать) кашу, закусывать ещё какой-то сдобой и запечёнными овощами, запивая всё это дело водой с малоном.

Когда Кир появился из купели я успела одержать победу практически надо всем, что было на прикроватном столике и уже косилась ещё на один столик, у кровати, низкий, на котором, судя по накрытому крышкой блюду и золотому, в камнях кофейнику с острым изогнутым носиком, «ещё что-то осталось», как сказал бы Винни-Пух.

Вскинула взгляд на воина, собираясь попросить подать мне «это самое, оставшееся» и, враз забыв о просьбе, часто захлопав ресницами, сглотнула.

Вытиранием после душа нагшас себя не удосужил. Потому загорелая кожа была покрыта дрожащими капельками и влажными блестящими ручейками. Белая рубашка, небрежно застёгнутая где-то до середины груди, насквозь промокла, и обрисовывала идеальное поджарое тело — от впечатляющих своей гармоничностью грудных мышц до идеальной симметрии кубиков... Бицепсы, трицепсы под прозрачными намокшими рукавами... Эти самые рукава, закатанные по локоть. Смуглые и очень красивые мужские предплечья, Широкие кисти, длинные пальцы... Светлые брюки тоже промокли и липли к бёдрам. Я снова сглотнула и поспешила перевести взгляд вверх.

Мокрые волосы, которые, конечно, и не думали полотенцем сушить, были собраны в пучок на затылке. От этого лицо Кира выглядело ещё более открытым, чем обычно и казалось совсем юным, чему, кстати, немало способствовало то обстоятельство, что нагшас успел побриться и щёки были идеально гладкими.

Чешуйки на виске, скуле, шее блестели в солнечных лучах, переливались, искрились, отливали зелёным и розовым.

Заметив мой взгляд, Кир улыбнулся и на сердце сразу потеплело.

Окинув одобрителем взглядом опустевший столик, нагшас спросил:

— Как самочувствие?

— А что во-о-он под той крышечкой? — мило хлопая ресницами, улыбнулась я.

Ожидала услышать что-то из серии «а ты не лопнешь, деточка?» и уже приготовилась ответить — «если боишься, дай сюда и отойди», но нагшас быстро освободил столик от пустых тарелок и, поставив накрытое блюдо передо мной, жестом фокусника поднял крышку.

Вазочка с чем-то розовым, похожим на желе, причём с кружочками малона, а сверху три исходящих паром шарика с листочком мяты сверху!

— Мороженое?! — моё удивление было встречено со смехом, а следом продемонстрирована заиндевшая изнутри (вопреки законам физики) крышка.

С улыбкой мне вручили маленькую ложку на длинной ножке.

— Мороженое, — подтвердил нагшас. — И тайри.

Соскребя с подтаявшего бока, я отправила мороженое с кусочком желе в рот и блаженно зажмурилась. И тут же спохватилась.

— А ты как? — осторожно так спросила, не забывая орудовать при этом ложкой. Не ровен час, отберут и снова замуруют в «смирительный кокон».

Кир усмехнулся. Немного натянуто, но всё же.

— Справлюсь, — тряхнул он головой, прекрасно поняв мой намёк. И добавил, подумав: — Какое-то время. К тому же лучше смотреть, как ты ешь, чем кормить тебя самому.

— М-м-м, — интеллигентно кивнула я. — Может тогда, наконец, расскажешь, как весь этот зоопарк выглядел твоими глазами?

— Зоо... что? — Кир моргнул.

— Зверинец, — охотно пояснила я, зачерпывая ложечкой мороженое и желе. — У меня вот уже неделю как ощущение, что меня снимают скрытой камерой для какого-то дурацкого реалити-шоу. Как в фильме «Холоп», только играют не так бездарно и реквизит куда более реалистичный.

Снова пауза и я со вздохом пообещала:

— Всё расскажу, всех сдам, адреса, явки, пароли... Только ты первый. Идёт?

Нагшас оглянулся, а я прыснула.

Глава 30

— У меня были все основания убить Аджарского, — серьёзно сказал Кир.

— Аджарского?

— Помаевского, — пояснил Кир непонятное непонятным. — Мужа Катлин.

— Чтобы жениться на ней? — снова перебила я и замерла, ожидая ответа.

Некстати всплыли слова Гресты о том, что лорд одержим Катлиной и внутри всё так и закипело. И даже не потому, что я в этом случае — всего лишь замена (вот уж три ха-ха любому, кто посмеет заставить меня в это поверить! Кира тянет ко мне, именно ко мне, и точка! Пусть я неопытна, но не дура и знаю, чувствую, что права), а потому — как можно было влюбиться в эдакую стервь?! Наша с Катлин встреча была недолгой и как в тумане прошла, но в том, что она первостатейная с... собака женского пола и вообще сволочь, у меня почему-то никаких сомнений!

— Чтобы снять проклятье, — ответил Кир и улыбнулся как-то печально, одними уголками губ. — И отомстить за предательство.

— Так это правда? Про проклятье?

Снова грустная улыбка и кивок, мол, увы.

— Но я... все вокруг только и говорили о шрамах на лице и змеиной чешуе, покрывающей тело. И я как-то иначе себе это представляла...

Не удержавшись, протянула руку, провела пальцами по отливающим розовым чешуйкам на виске. Мою ладонь накрыли своей, прижимая к щеке, затем очень-очень нежно поцеловали пальцы.

Да, выдержке Кира можно было только позавидовать! Я так и вспыхнула от его прикосновений, в голове — туман, в животе бабочки, внизу дёрнуло... А он лишь столик убрал, налил мне какого-то тёмно-зелёного, почти чёрного дымящегося напитка из кофейника, и, вложив в пальцы чашку, ещё одно покрывало сверху набросил (руку с чашкой предусмотрительно оставил свободной) и пояснил:

— Кровь древних драконов борется с проклятьем, наведённом Катлин. А шрам на лице и вправду был. И не один. Шрамы исчезли после смерти Арслама. Что говорит о том, что в том поединке, когда он мне эти шрамы оставил, ему Катлин помогла... магией.

Я так и поперхнулась чем-то терпко-сладким и очень ароматным. Похоже на крепкий чай и кофе с корицей одновременно, но по вкусу гораздо тоньше и богаче.

— Вот су... собака женского пола! — вырвалось у меня.

Кир спорить не стал. Продолжил рассказ.

— Правда, я не убивал Арслама. Не успел. За меня это сделала клятва.

— Кровь от крови нагшасов, плоть от плоти древних драконов! — вырвалось у меня.

— Она, — серьёзно кивнул Кир.

А меня вдруг осенило. Так вот откуда мне имя Арслам знакомо!

— Так это ты там был?! В горящем доме?! Тогда?! Это Арслам перед тобой на коленях стоял, и когда поклясться попытался, туман... и...

— Откуда ты знаешь?

— Так я была там, всё видела! Я в дверях стояла, ну, заглядывала в ту комнату, что ли... в подвале... а потом меня Греста с Рамирой увели. Я не в себе после попадания в ваш мир была, память начисто отшибло, не соображала, ни кто я, ни где я...

— А потом?

— Потом вспомнила, — кивнула я. — И как кошку, — я кивнула на Беську, — рванулась отбивать от тех псин, и как сквозь стену вместе с ней провалились. А потом из зеркала Катлин появилась... Назвала меня своим Отражением, что-то там про свет говорила, про тьму... про... про тебя, кажется... Вроде, ещё что-то о том, что Арслам мёртв и о...

Я поморщилась, приложила пальцы к вискам.

— Черте-что. Всё как в тумане. И меня, кстати, тогда как будто парализовало ещё. Нет, не могу вспомнить. Больно...

— Не надо, — Кир накрыл мою руку своей и меня просто теплом окутало. — Это не так и важно.

— Нет, важно, — не согласилась я, но попытку полностью восстановить события того дня в памяти оставила. — Мне кажется, я даже почти уверена, что мне не кажется... Она что-то важное говорила, Кир. В полной уверенности, что я потом не вспомню.

Беська вскочила ко мне на колени. Поставила лапы на плечо, и, уркнув, боднула в щёку. В тот же момент боль в висках сошла на нет.

— Спасибо, Беся.

— Если вмешалась Безликая, она вернёт память, — уверенно сказал Кир, наполняя чашку снова и подавая мне. — Это сейчас не так важно. Я постараюсь не утомлять тебя подробностями, но всё же расскажу небольшую предысторию, чтобы ты понимала, что связывало нас с Арсламом и с Катлин. А по поводу того, что она сказала тебе, что её муж мёртв, в то время, как он был ещё жив... Я не удивлён. Эта женщина за всю жизнь не сказала ни единого правдивого слова.

— Вот уж в чём не сомневаюсь, — фыркнула я.

— Нагшас — суверенное герцогство Кемета, — сказал Кир.

— Кемет?! — меня так и подбросило на кровати. — Ваше государство называется Кемет? Чёрная Земля?!

Настал черёд Кира удивляться.

— Откуда ты знаешь, что это значит?

Я пожала плечами.

— Да у нас любой школьник знает, наверное. У нас в древности тоже было такое государство. Египет. Но сами древние египтяне называли его Кеметом, Та-Кеметом, Чёрной Землёй... А лежащие вокруг пустыни, кажется, Красной Землёй... Дешрет что ли?

— Дешрет — название нашего мира, — нахмурился Кир.

— Фух, — выдохнула я. — Я уж подумала было, что я не в другой мир, а в прошлое попала. И уже собиралась сказать, что так и думала, что всё, что мы считаем историей — чушь собачья. Нет, не совсем всё, конечно, я имею ввиду только самую глубокую древность. Хотя, конечно, это детали. Прости, перебила тебя...

Кир улыбнулся, показывая, что он даже не заметил.

— Кемет огромен, занимает почти целый материк. Нагшас лежит на полуострове, и нам удалось отстоять свою независимость. Мы — хранители Востока. Наши вассалы присягают в первую очередь нам, и только потом уже королю Кемета. Аджарские — одни из таких вассалов. Баронет Итас Аджарский, отец Арслама, нарушил клятву и присоединился к заговору против Нагшаса. Заговор был подавлен, баронет в числе прочих заговорщиков убит. Арслам воспитывался здесь, в роли политического заложника. По сути, мы росли вместе, как братья. Отец не делал различий между нами. Хоть Арслам был заложником, но его статус не подчёркивался. Его приняли здесь, как

гостя. Мы вместе учились, тренировались, вместе нанимались для охраны караванов и богатых домов. Не удивляйся — отец считал, что для того, чтобы править воинским государством, мне нужно пройти путь воина с самых низов. Отец также обучал Арслама, как будущего лорда. Приехавший в Нагшас в возрасте восьми лет, к своему совершеннолетию Арслам искренне считал себя нагшасом, и даже прошёл кровный ритуал и присягнул Безликой.

— Кровный ритуал? — переспросила я.

— Когда воин считает себя нагшасом и является им, не по крови, так по духу, он может пройти Дорогой Крови в праХраме Безликой, — Кир задумался. — Возможно, на тот момент намерения Арслама были искренними, если он смог пройти ритуал... Но нагшас никогда не предаст, не пойдёт на подлость, не ударит в спину...

Кир помотал головой, хмурясь.

— Нет, нагшасом Арслам не был.

Глава 31

Какое-то время Кир молчал, словно собираясь с мыслями.

— Катлин появилась внезапно, неожиданно. Просто вышла из леса — в тот день мы с Арсламом и несколькими нагшасами тренировались на опушке.

Она обезоруживающе улыбалась, излучала тепло, или что-то очень похожее на тепло... Представилась, сообщила, что её лодка перевернулась, вещи утонули, но, казалось, её ничуть это не заботит.

Уже после того, как я предложил ей остановиться в моём доме, выяснилось, что Катлин благородной крови, из Ветарских. Обедневший род, но очень известный.

— Чем известный?

— Силой. Ведьмовской силой. Среди Ветарских было много ведьм, и многие из них повлияли на ход истории.

Нагшас задумался, потом добавил.

— Тогда я ещё не знал, что Катлина — последняя из Ветарских. Что она добровольно отдала возможность иметь детей в обмен на всю силу рода.

— Ты влюбился, — проницательно заметила я.

Нагшас не стал спорить. И от этого было грустно.

— Было... влечение, — после паузы сказал он. — Безумное влечение. Любовь ли это была? Сейчас я сомневаюсь. Сильной ведьме подвластны разные чары. В том числе и очарования. Тогда я не знал, на что пошла Катлин, чтобы получить эту способность очаровывать. Ведь по своей природе она холодна. Расчётлива. Но не буду забегать вперёд. От Катлин теряли голову все, вообще все. И я терял голову, когда понимал, что из всех она готова выбрать меня.

— Готова выбрать? — хотела гордо промолчать, но вот задело, реально. *Такого* мужчину какая-то там фря *готова* была выбрать?!

Кир кивнул.

— Катлин колебалась между мной и Арсламом. Но клялась, что вот-вот сделает выбор. В конце концов призналась, что любит нас обоих. Мы предложили поединок. Победитель должен был стать мужем Катлин...

— И чем окончился поединок? — хмуро спросила я.

Судя по тому, что мужем Катлин стал всё-таки тот самый Арслам, гадать не приходится, но... не верю я, что тот слизняк мог одолеть Кира. Вот ни за что не верю! Хотя... Кир же сказал, что Арсламу помогла Катлин. А посему ничего хорошего от дальнейшего рассказа не ожидаю.

— Анарх Арслама был смазан ядом, — тихо сказал Кир. — Он и оставил шрамы.

— Ах ты ж ...! — не выдержала я. — ..., ..., и ...! Что б ей ...! И ещё ...!

Нагшас явно таких слов прежде не слышал, но смысл моих пожеланий прекрасно понял. Ну а кто бы тут не понял.

Меня привлекли к себе, обняли, поцеловали в макушку и принялись гладить по волосам. Я в свою очередь тоже обняла нагшаса, потёрлась лицом о мускулистую грудную клетку, вдохнула такой родной, такой замечательный запах и... с неохотой отстранилась.

— Что было дальше, Кир?

Прежде, чем ответить, лорд помолчал. Видно было, что воспоминания о событиях минувших дней даются ему нелегко.

— Понимаешь, нагшасов не берёт яд. Практически ни один. Но когда я ощутил магию крови, было уже поздно. Поединок был в самом разгаре, прервать его, обвинив противника в подлости было...

— Равносильно трусости, — хмуро закончила за нагшаса я.

— К тому же я был в ярости, — признался Кир. — А она плохой советчик.

— Да тут бы и святой психанул, — согласилась я. — А когда ты понял, что это не просто поединок, а ловушка?

— Когда Арслам ушёл, решив, что убил меня и пришла она. Катлин. Она знала, что нагшаса так легко не убить.

— Что она сделала, Кир? Прокляла тебя?

— Когда поняла, что её ритуал не удался, да, — усмехнулся нагшас.

— Какой ритуал?!

— Яд, проникший в мою кровь и усиленный магией, был первой ступенью ритуала. Когда я понял это, было уже поздно. Катлин прибегла к высшей магии крови. К Изъятию Силы.

— То есть она хотела получить твою силу?

— Я — сильнейший в Нагшасе, — спокойно пояснил Кир. — Катлин же заключила договор с самой тьмой. Ей приходится расплачиваться за это. И... да, для этого ей нужна магическая сила. Много магической силы. С самого начала её появление в Нагшасе не было случайностью. Она никогда и не думала влюбляться в меня, ей нужно было заполучить силу нагшаса. И Арслам, который, как оказалось, ненавидел меня все эти годы, подвернулся Катлин очень вовремя...

— Погоди, — я помотала головой. — Так ты — маг?

— Не совсем, — покачал головой Кир. — Наша, нагшасская магия проявляется иначе, чем у остальных людей. Она очень узконаправлена и не так очевидна. Я владею магией боя.

Я присвистнула.

— Я должна была догадаться.

— Но как авгур, например, или хранитель, я бессилен, — сообщил Кир. У нас, нагшасов, всего пять разновидностей магии: бой, целительство и вдохновение, артефакторика, стихийная магия...

— Ки-и-р.... Я в ваших местных магических реалиях ни в зуб ногой. Представь, будь добр, что объясняешь младенцу, ладно? — дождавшись кивка, продолжила: — Катлин — ведьма, так?

— Да.

— И я — ведьма.

Снова кивок.

— Хм... Но я явно так, как она — не могу... Это из-за того, что Катлин продалась с потрохами каким-то тёмным силам? Или потому что она обучалась ведовству с младенчества, а у меня этот дар только проснулся? Или она просто сильнее меня, что нелогично: если мы отражаем друг друга, сил должно быть поровну?

— Мне, конечно, далеко до Магистра в Первой академии, мы, кстати, до неё ещё доберёмся. Если захочешь, конечно. Ведовство и магия — разные вещи, Майя. Ведьма — та, кто ведаёт. По сути, тоньше и глубже видит окружающий мир. Живёт в гармонии с собой и природой. Ведьма не расходует свои силы, когда творит чары, она умеет договориться с уже существующими. Конечно, грубо говоря, чьё-то ведовство светлее, чьё-то темнее — тут есть в зависимости от связи со звёздами и планетами, часа зачатия,

часа рождения, на кого-то сильное влияние оказывает солнце, на кого-то — луна. Кому-то ближе огонь, кому-то воздух. Ну и таланты, конечно. Боги любят пошутить.

— Интересно, — пробормотала я. — Значит, я не просто так дружу с животными...

— Не просто, — покачал головой Кир. — Катлине приходилось подчинять их, тебе даже Тит, который привязан ко мне кровью, готов служить сам, по своей воле. Правда, — Кир хмыкнул, — оберегает он тебя, как птенца.

Я тоже хихикнула, а потом вспомнила наши вынужденные обнимашки под крылом грифона и всё, что потом было и покраснела до самых корней волос. Меня снова привлекли к себе и поцеловали в макушку. Хотя по потяжелевшему дыханию нагшаса я как-то сразу поняла, чего ему всё это ми-ми-ми и романтик стоит.

— Учитывая, что вы с Катлин отражаете друг друга, логично, что в отличие от неё, тяготеющей к тьме и смерти, твоя сила в свете и жизни.

— Я родилась в самый полдень, — подтвердила я. — Солнце стояло прямо вертикально. Папа говорит, что от этого моя кровь кипит. Как закипела в момент рождения, так и... в общем, как в чайнике.

— Интересно... Катлин как-то сказала, что она родилась в полночь. А в каком месяце ты родилась?

— В мае, — ответила я. — Потому и Майя. Хотя папа, кстати, хотел «Катюшу»... Но там Артём учудил. Твердил «хочу Майю», и всё тут. Может, потому что название месяца впервые выучил и как-то его с готовящейся родиться сестрёнкой соотносил. Прикинь, он даже из садика сбежал, и до роддома умудрился добраться! Представляешь, заходит в палату шкет такой, все в масках... Руками замахали, понятно, крик подняли. Кто пустил ребёнка и чей вообще пацан и всё такое. Но Артём у нас не из пугливых. Повторял «хочу Майю», пока не пообещали: «Будет тебе Майя», ну и отцу не дозвонились на работу... Артём — это мой брат, старший. Один из троих, — спохватилась я.

— А май — название месяца?

— Весеннего, самого тёплого, — я кивнула. — В общем, с ведовством разобрались. С большего, конечно. Своих сил у ведьмы нет, она вроде как природные запасы расходует.

Кир покачал головой.

— Свои силы есть, и немалые. Только ведьме их расходовать без надобности. И природные, кстати тоже она не расходует, а скорее договаривается с миром. У тебя, кстати, с попаданием в наш мир должны были проявиться способности.

— Хм...

— Мир должен был стать ярче, углубиться. Не знаю точнее, как у ведьм бывает.

Глава 32

Я помотала головой.

— Да всё вроде, как обычно, — пожала я плечами. — Мне как-то не до того было, чтобы анализировать своё восприятие. Я была очень занята выживанием, — заметив, что Кир нахмурился, поспешно добавила: — Но это долгий рассказ, а мы договорились, что ты первый. Так что продолжай. Только сначала поясни немного: Катлин, как я поняла, с магией связалась. И не с какой-то, а с чёрной, то есть с кровной. А магия и ведьмовство — это две большие разницы, так?

— Да. Маг, в отличие от ведьмы, расходует свои силы на чары. Поэтому маги используют накопительные амулеты, фамильяров. Высшая магия позволяет извлекать силы из мира. И живых существ.

— И, что-то мне подсказывает, что мы подходим к самому печальному, — вздохнула я. — Катлин, помимо того, что ведьма, овладела высшей магией, да? И твою силу поэтому хотела получить.

— Высшая магия крови, — кивнул Кир. — Мне удалось выяснить, где Катлин обучалась магии крови. Запрещённой магии. За обучение она заплатила сильнейшим ведьмовским даром и, косвенно, возможностью иметь детей.

— Ага, — интеллигентно кивнула я. — И она хотела так сказать, за твой счёт, восполнить резерв, да? А нельзя было, ну, получить силу других нагшасов, послабее, но, эм, взять количеством?

Кир покачал головой.

— Нет, и по двум причинам. Сила нагшасов, она сродни магической.

— Точно, ты же тоже маг!

— Не совсем, моя сила не отличается от силы человеческих магов.

— Ага, — кивнула я, вспомнив Кира во время тренировки, ну и на поляне в лесу. Скорость передвижения, сила, точность... — Сверхспособности, значит. А у других нагшасов они не такие.

— Более того, извлечь силу хотя бы нескольких, не так это просто, не привлекая внимания.

— А здесь типа поединок один на один, причём с тем, кто прошёл этой вашей дорогой крови, чего бы это ни значило, твои чувства, ревность-ярость-поражение, всё логично...

— Вот именно.

— Но получить твою силу Катлин не удалось, так ведь?

— Она всё повторяла «проклятая драконья кровь! Слишком мало... слишком мало крови», — сказал Кир. — Что не очень-то логично. Учитывая, что драконьей крови хватило на то, чтобы противостоять проклятию — её у меня достаточно.

— Так это правда? Ты и в самом деле потомок драконов? Отсюда и сверхъестественная сила, да?

Кир кивнул.

— Забрать силу не получилось. А вот проклятье сработало. Не совсем так, как рассчитывала Катлин, правда.

— А что потом?

— Она ушла. Покинула Нагшас. Какое-то время ни о ней, ни об Арсламе ничего не было слышно.

— Ты не мстил?

— За проигрыш в поединке? — Кир покачал головой. — Я, как и ты, какое-то время был сильно занят выживанием. После я узнал, что природа чар Катлин не вполне из нашего мира и эти ритуалы воздействуют на краткосрочную память. Какое-то время я жил как в тумане, сосредоточенный тем, что заново учился... всему. Просто с нуля восстанавливал тело и ауру. И Безликая не спешила возвращать мне память, пока окончательно не приду в себя, явно посчитав, что прежде мне нужно заново встать на ноги, а потом уже мстить. Яд, в котором алхимики обнаружили целый спектр смертельных ядов, усиленный магией крови, оказался невероятно сильным. Человека он убил бы мгновенно, причём не только его самого, вплоть до дальних родственников: так действует магия крови. Из родных у меня только отец, он на момент моего поединка был болен, и магия крови чуть было не добила его. Он впал в сон мёртвых.

— Кому, — прошептала я беззвучно, одними губами.

— Но когда мне стало лучше, состояние отца тоже стало улучшаться, а когда я восстановился полностью, насколько возможно, распространение чешуи по телу остановилось, а отец пришёл в себя.

Конечно, первым за что я принялся, помимо накопившихся дел и теперь вдвойне, да что там вдвойне, в стократ необходимых тренировок, стал отслеживать их. Арслама с Катлиной. И на след Арслама вскоре вышел. Уверен был, что Катлин присоединилась к нему, но шпионы докладывали, что её с ним нет. Поэтому я не спешил нападать. Отомстить за предательство хотелось, но на этот раз мне удалось справиться с гневом. Что такое смерть Арслама, если не удастся добраться до Катлин? Я узнал, что в своём поместье Арслам пробыл недолго. Он отправился ко двору. И даже умудрился сделать там карьеру.

По протекции короля Арслам отправился в графство Валдария и вскоре женился на наследнице покойного графа, приняв её родовое имя и став Помаевским. Король, кстати, рад был избавиться от виконта Аджарского — по слухам, тот закрутил роман с королевой, и, если на это его величество ещё мог закрыть глаза, то интерес к Арсламу юной принцессы нужно было срочно пресекать.

— Надо же... — пробурчала я. — Все в него влюблялись. Как до этого в Катлину, не находишь?

Кир вздохнул.

— Ты сразу поняла, да?

Я пожала плечами: мол, а что тут сложного?

— Я же понял, что дело не обошлось без Катлин, лишь когда Помаевский-Аджарский овдовел и женился повторно.

— Дай угадаю. На Катлине, да?

Кир виновато кивнул.

— И ты, на тот момент оправившийся от ран, полученных на бесчестном поединке, поехал в Валдарию, чтобы убить Арслама и добраться до Катлины? Мне одно непонятно: вместо того, чтобы призвать её к ответу и заставить снять проклятье, ты женился на ней?! Этим вашим кровным браком?!

Ткнула его кулачком в грудь.

— Женился на Катлин было единственным способом снять проклятье. То есть не жениться, а... — кто-то запнулся.

— Да говори, чего уж там.

— Любовные чары у Катлин не просто так. Помнишь, когда я говорил, что она заключила договор с тьмой? Мне удалось узнать, как проходит этот ритуал. Послушница отдаёт свою невинность одному из двенадцати демонов, и в зависимости от природы этого

демона, проявляется сила её магического дара.

— Ты хочешь сказать...

— Я почти уверен, что ритуал, — нагшас поморщился, — через который прошла Катлин, был с инкубом. Демоном похоти.

— И обольщения, — кивнула я и на недоумённый взгляд Кира пояснила: — Ну, об инкубах и суккубах в моём мире тоже слышали.

— Ритуал, который хотела провести Катлин для хищения моей силы, не удался. Но проклятье оказалось завязано на её энергии, хм...

— Сексуальной энергии.

— То есть для снятия проклятья тебе нужно было с ней переспать, — хмуро кивнула я, неосознанно подчеркнув слово «было». — А чтобы переспать со знатной леди, нужно на ней жениться... Об этом, кажется, её служанки с нагшасами говорили, когда те нас «пригласили следовать за ними». И, чтобы не ждать конца траура и бла-бла-бла, ты решил заключить с ней родовой брак?

Глава 33

— Вынужден был, — кивнул Кир. — Если честно, то я думал, не смогу. Я на тот момент не мог думать об этой женщине не иначе, как с отвращением...

— А ты знаешь, что Катлин собиралась довести начатое до конца? — хмуро спросила я. — В тот день, когда я шла девственности лишаться, но в итоге к тебе, встретила на лестнице одного из её сообщников. Он сказал, что трёх дней ей хватит, чтобы покончить с тобой. Я так понимаю, имелась ввиду не твоя смерть. Потому что, когда я сказала им, что убила тебя — я думала, тот нагшас и есть лорд — они очень удивились. И решили, что их госпожа потеряла силу.

— Я понял, что Катлин твёрдо решила завершить начатое, после того, как подменила себя тобой. С намерением убить тебя, чтобы завладеть *твоей* силой.

— ЧТО?!! — у меня шок, буквально.

Потому что новость так новость. И, положив руку на сердце, я предпочла бы и дальше выживать в реалиях этого мира — что-то мне подсказывает, не таких и варварских, как казалось изначально, чем оказаться объектом охоты Катлины. Чёрт! Наше знакомство, конечно, не было ни долгим, ни приятным. Но одно ясно — эта женщина не остановится. Ни перед чем не остановится.

— погоди, — прервала я готового объяснить Кира, помотав головой. — Давай всё же по порядку. Мне немного в себя прийти надо. А то голова итак сейчас взорвётся. Что было после того, как ты восстановил силы и узнал, что Арслам и Катлина воссоединились и даже завладели графством? Этим, как его, Валдария?

— Помимо счётов к Катлин, у меня были вопросы к Арсламу, — сказал Кир. — И дело даже не в том, что предал меня, выйдя на поединок с отравленным клинком... Здесь я, хоть как-то, но всё же мог понять его. Катлин внушала такую страсть... К тому же, как выяснилось, чары её были демоническими. То есть противостоять им у смертного — никаких шансов. Но... Помнишь, я говорил о болезни отца?

— Ты говорил, что он заболел накануне поединка, а потом, когда Катлин применила кровную магию, твоему отцу стало хуже, — кивнула я.

Кир кивнул.

— Когда драконья кровь... не победила проклятье, но смогла его замедлить, пришёл в себя и отец. И рассказал, что Арслам подал ему вино, после которого ему стало плохо. И он тоже ощутил воздействие магии крови.

Если опустить все подробности, как я восстанавливал силы, отслеживал Катлин и Арслама, — вскоре я был в Валдарии. Прежде, чем убить того, кого считал братом, я должен был спросить, правда ли, что он отравил того, кто принял его в своём доме, как сына?

— И что он ответил? — спросила я, заранее зная ответ.

— Арслам поклялся, — усмехнулся Кир. — Что он ни причём. Его убила клятва Безликой. Мой враг и бывший соперник был мёртв. Оставалось разобраться с проклятьем.

— То есть с Катлин.

— Я не смог заставить себя взглянуть на неё, — покачал головой Кир. — Казалось, если увижу — убью своими руками.

— И не снимешь проклятье, — кивнула я. — Поэтому «она» и ехала в Нагшас в закрытом фургоне.

Кир хмуро кивнул.

— После заключения брака мне было не до показательных боёв, которые устроили нагшасы на арене. Правду знали только самые близкие, а о прежних моих чувствах к Катлине осведомлены были все.

— Поэтому ты отправился во внутренний двор, выпустить пар, — подсказала я.

Кир улыбнулся.

— Каковым же было моё удивление, когда я увидел там эйву.

— Ты сразу меня заметил? — смутилась я.

— Скорее, почувствовал. И не поверил своей реакции. Никогда я не хотел женщину так сильно. Сперва я подумал, что это из-за того, что мне предстоит хм, брачная ночь с настоящим исчадием ада, а на её фоне любая женщина представляла совершенством. В то же время я понимал, дело не в этом. Влечение было слишком сильным.

— Как к Катлин, — нахмурилась я.

Кир покачал головой.

— Позже, когда я узнал, что вы с Катлин — Отражения, я тоже подумал об этом. Если меня влечёт к одному, то так должно быть и с другим.

Слышать это оказалось неожиданно больно, очень больно, но я заставила себя кивнуть.

Кир сжал мои пальцы и покачал головой.

— Пожалуйста, Майя... не надо. Всё, что ты чувствуешь, вообще всё, я пропускаю через себя. В стократном объёме.

— Продолжай, — хмуро попросила я, и голос невольно дрогнул, а в глазах защипало.

— Я чувствовал тебя иначе, — тихо сказал Кир. — Оно и неудивительно. Ты же не заключала договор с тьмой, чтобы получить дар обольщения.

— Откуда ты знаешь? — проворчала я.

Нагшас улыбнулся, погладил по щеке.

— Как минимум по тому обстоятельству, что знаю наверняка — ты не отдавала свою невинность демону.

Я сжала зубы, чувствуя, как краска снова заливают щёки.

И ведь не поспоришь!

— К тому же, влечение к тебе было другим. Я быстро это понял. Тут невозможно спутать или сравнить. Передо мной была безликая маска... И тем более невероятным казалось то, что происходило при взгляде на неё. Мной владели совершенно противоположные чувства: бешенное, сводящее с ума желание и какая-то физическая, совершенно необъяснимая потребность спрятать от всего мира, защитить. Кроме того... я чувствовал твоё желание. И это просто лишало разума.

— А мне показалось, ты колеблешься, — решила я покапризничать.

Меня притянули к себе, зарылись лицом в волосы. И так уютно было, что захотелось, чтобы этот миг вообще не заканчивался.

— Понимаешь, подозрение... или прозрение было таким внезапным, таким невероятным... Я до сих пор не могу поверить.

— Какое прозрение? — отстранилась я.

— Даже до того, как ты сняла маску, я уверен был, что встретил дракониду.

— Дракониду? — переспросила я, хлопая глазами.

— В древности, самых достойных из моих предков-драконов боги награждали возможностью встретить своё сердце. Истинную пару. Дракониду. Но с тех пор, как произошло разделение с нашей ипостасью, мы утратили возможность чувствовать своё

сердце, — тихо сказал Кир. — О том, что когда-то такая возможность у нагшасов была, говорит смутная тоска в душе, неспособность насытиться, вечный голод... Как напоминание об утрате своей истинной природы. Мы вечные странники, которые знают, что путь их не закончится никогда.

— Это объясняет вредный характер... некоторых, — буркнула я, вспомнив, мягко говоря, нелюбовь ко мне приближённых лорда. Конечно, их неприязнь была направлена на Катлину, но, чёрт возьми, я-то не она! А мало того, что она за мной охотится, я ж ещё и отдуваюсь тут за её пакости!

— Какое-то время понадобилось, чтобы сообразить, что, должно быть, активированная проклятием древняя кровь позволила услышать свою истинную пару, — сказал Кир. — В тот момент я не думал ни о чём. Ни о Катлине, близость с которой должна снять проклятие, ни о том, что заключил с ней брак на крови... потерял способность рассуждать в принципе.

— Та-а-ак, — протянула я, интуитивно почувствовав, что этот самый брак на крови вскоре принесёт сюрпризы. Неприятные. И, как оказалось впоследствии, не ошиблась.

Глава 34

— А когда понял, что с тобой происходит то же, что со мной, почти... влечение дракониды проявляется позже, понял, что должен узнать, кто ты. Когда я повёл тебя к себе, уже знал, что не смогу противостоять притяжению истинной. Как и того, что магия родового брака убьёт изменника. И очень быстро.

— Та-а-ак... — я вдруг поняла, что, когда меня Греста отправляла невинность с новобранцем терять, она не могла не знать, что вместе с невинностью я жизнь потеряю. И всё же решила негодование по этому поводу отложить на потом. Потому что то, что рассказывал Кир, было настолько невероятно, настолько... Что мне прямо подсказывало что-то внутри: это правда!

— И когда я сняла маску, и ты увидел перед собой Катлин...

— Я сразу понял, что ты не она. Вы слишком разные. Вас невозможно спутать. Несмотря на всю ненависть к Катлин, которая стала на тот момент смыслом моей жизни, несмотря на такое разительное внешнее сходство, я хотел тебя. Чувствовал тебя. Видел только тебя. Эйва... А когда я немного отошёл от шока, что каким-то невероятным чудом встретил свою дракониду с лицом моего врага, вспомнил, что вообще-то вижу магию. И, взглядевшись в твою ауру, увидел, что, обрядившись за чем-то эйвой ко мне пришла моя леди! Та, с которой был заключён родовый брак! Я совсем ничего не понимал. Правда, подумал, что это в духе Катлин — подарить мне истинную, лишив при этом возможности снять проклятье.

— То есть ты понял — и не сказал мне?!

— Мне было интересно, когда *ты* мне расскажешь.

— Ага, как же! Я рта не могла раскрыть о своём иномирском происхождении.

— Почему?

— И ты ещё спрашиваешь? У вас тут вообще-то иномирян не жалуют.

— С чего ты взяла?

— Ну, знаешь! Было с чего! Мы, когда из горящей крепости бежали, ну как бежали, пытались, я видела распятых на крестах иномирян.

— Иномирян?

— Trădător, — уже не так уверенно сказала я. — У них на груди такие таблички висели... Греста сказала, что это значит «иномирянин».

— И притвориться эйвой тебе тоже служанка Катлины сказала, да?

— Да, — призналась я. — Только она на арену сказала идти, где новобранцы тренируются, а я запуталась... То есть Беська меня запутала...

— Trădător — значит предатель, — мягко сказал Кир. — И к смерти тех воинов ни я, ни мои нагшасы не имели никакого отношения. Их казнили люди Аджарского. А твоя служанка ждала тебя на арене.

— Зачем?!

— Сперва я думал, чтобы уличить «леди» в неверности и выслужиться перед новым господином. Как бывшая служанка Аджарского-Помаевского она не могла не понимать, что её положение в новом доме очень шаткое. Кроме того, она могла не знать, что магия родового брака нагшасов убила бы тебя. Ведь ты — человек, хоть и ведьма, а магия крови нагшасов очень сильная. Но потом, когда попытка... — Кир сжал зубы, тряхнул головой. — Подстроить твою близость с другим повторилась, я понял, что тебя целенаправленно хотели убить.

— Греста?! — ахнула я.

— Катлин, — покачал головой Кир. — Я не знаю, каким образом ей удалось проскользнуть в дом... возможно, тоже в наряде эйвы, но сейчас уверен: она была неподалёку. И у них был сговор со служанкой.

— Убить... меня?

— Прежде Катлин собиралась завладеть силой своего Отражения. Это дало бы ей возможность, довести начатое со мной до конца.

— Вот почему этот... блин, не помню его поганого имени, да и плевать! Вестас, ага, всё же вспомнила... чтоб ему в гробу перевернуться раз сто, спутал меня с Катлиной, там, на лестнице!! Когда сказал, что она не одна и они ей побег готовят, через три дня!!!

— Да, спутать Отражения очень легко.

— Ты же говорил, что нас с Катлин спутать невозможно?

Меня привлекли к себе, поцеловали в висок.

— Для меня — невозможно. А для остальных — запросто.

— погоди, — с тихим смехом попросила я, когда одним поцелуем Кир не ограничился, а я поняла, что ещё немного и... конца рассказа я так и не дождусь. В ближайшие несколько часов так точно. И не только потому, что нагшас меня хочет. Просто моё «позже просыпающееся» влечение драконицы, казалось, выбора не оставит. Но не зря, наверное, мой анам — чёрная кошка. Любопытство моё второе имя, да.

— Мы так никогда не закончим, — задыхнувшись, я отстранилась. — А ведь совсем немного осталось.

Кир вздохнул. Но тоже был полон решимости покончить, наконец, с этим разговором.

— Тогда я думал, что Катин удалось каким-то образом ускользнуть и заменить себя Отражением. Сразу после того, как ты ушла, я вызвал к себе её служанок и допросил их. Они не знали, что их допрашивают с помощью кристалла истины.

— И что?

— Одна и в самом деле не знала о подмене. Вторая знала, что ты — не Катлин. И это было логично, ты же вроде как сама ей призналась. Я видел, что она чего-то не договаривает, понимал, что Катлин провела меня снова, но... — он вдруг совершенно обезоруживающе улыбнулся, — был слишком рад тебе. Невероятному, невозможному, такому нечаянному счастью. Своей истинной. Своей драконице. На радостях я быстро завершил допрос, и даже выдал обеим выходное пособие, куда большее, чем полагалось. Им было приказано покинуть Нагшас в течение дня. К тебе были направлены новые служанки, — Кир нахмурился.

— Новые? — изумилась я. — Но Греста с Рамирой не ушли. Что стало с теми, кого направили ко мне?

Кир покачал головой.

— На следующий день их нашли спящими. Им подмешали снотворное. Когда я направлял их к тебе, распорядился, чтобы леди не беспокоили. Тебе нужно было отдохнуть. Каково же было моё изумление, когда увидел тебя среди танцующих эйв!

— Вот чёрт, — я смутилась: прикусила губу и потупилась. — Это случайно вышло. Опять Беська постаралась.

— Я понял... что вообще ничего не понял. Помнишь, я говорил тебе, что девушки переодеваются в эйв?

— Помню, — забудешь такое, ага.

— Майя, ни одной самозванке не дано участвовать в ритуале Безликой! Увидев твой танец, я вообще отказался понимать что-либо, связанное с тобой. Ты оказалась не только моей драконицей, но ещё и избранной самой богиней! И, хоть это я уяснил сразу, как

только увидел анам на твоём плече... тогда, в ритуальном зале я в этом убедился.

— Погоди... а от чего вообще зависит внешний вид анама?

Кир покачал головой.

— Анам — дар Безликой. Всем женщинам этого мира. У тебя на плече — символ самой богини.

— Чёрная кошка? — я покосилась на Беську. Кир проследил мой взгляд

— Баст — не просто моя любимая кошка. Это Дар.

— То, что она непростая котейка я поняла, ещё когда мы сквозь стену провалились, — пробормотала я.

— Боги не вмешиваются в дела людей, — задумчиво сказал нагшас. — Им просто неинтересно. Они могут одарить милостью того, кто их чтит. Или кто становится им интересен. Вот только понятия о милости у нас с ними разные. Когда Безликая подарила мне Баст, я понял, что по каким-то причинам интересен богине. И приготовился к тому, что... жизнь моя скучной не будет. Так и вышло. Скучать пока не доводилось.

— А судя по тому, что этот самый дар, — я хмуро покосилась на свернувшуюся клубочком кошку, — нашёл меня в моём мире... может, конечно, не скромно, но я как будто тоже в фокус божественного внимания попала. Хм. Пожалуй, мне пора обзавестись ещё одной татушкой, например, надписью «покой нам только снится» ...

Смех в какой-то степени разрядил напряжение. И Кир продолжил:

— Я собирался расспросить тебя после танца, но увидел, что тебя увела Баст. Я не возражал. После всего... Ты ещё в магическом ритуале умудрилась принять участие! Я уверен был, что теперь ты точно спать пошла. Хотел поговорить утром, потому что уже непонятно было, кому я обязан внезапным подарком — Катлин или Безликой.

— Ну, до дара богини мне далеко, — я почесала Беську за ушком.

— Мы ещё вернёмся к этому, — пообещал нагшас и продолжил: — Утром же выяснилось, что один из воинов мёртв, притом на него было оказано магическое воздействие.

— Я думала, он пьян... — пробормотала я.

Кир покачал головой.

— Его опоили. Зельем с привязкой к твоей крови. Да, Майя, снова была задействована высшая магия крови. Выстроив мозаику, я понял, что Берг должен был найти тебя ещё на арене. Но не нашёл. После чего он почувствовал тебя в ритуальном зале.

— Он был очень зол на меня почему-то... Если бы не Беська...

— Это был сильный приворот на крови. Берг был хорошим воином, но... магия крови свела его с ума.

— Греста...

— Обоих служанок нашли мёртвыми.

— Катлин?!

Кир кивнул.

— Итак, наутро выяснилось, что один из воинов мёртв, как и бывшие служанки леди, новые служанки спят беспробудным сном, тут, слава богине, обошлось без магического вмешательства, а сама леди исчезла.

Я поёжилась. Вспомнив тон того, кто принёс асаху, я подумала, что, пожалуй, хорошо, что Кир не доверил меня местным докторам. Слишком много, должно быть, желающих придушить «леди».

Нагшас прекрасно понял мой взгляд.

— Я сразу понял, что это не ты, а настоящая Катлин. Как и то, что следующая её жертва — ты. Судя по всему, ей не удавалось подступиться к тебе, чтобы получить силу Отражения — в доме было много народу. Возможно, твой побег тебе жизнь спас, — пробормотал Кир хмуро.

Глава 35

Было от чего психануть и даже мозгами поехать, честное слово. Я уж думала, истерика вернётся. Не вернулась. После известия, что на меня Катлина охотится, вообще странное спокойствие накатило. Злое такое, но всё же спокойствие. И даже что-то похожее на предвкушение.

Стало быть, она меня ищет. А такая рано или поздно, найдёт. А это значит одно: надо успеть подготовиться к этому моменту.

Я всё ещё злилась. Но! Это не была больше неправильная злость, которая ярость. Которая застилает пеленой глаза и очень мешает сохранять рассудок ясным. Нет, теперь это была злость предвкушающая. Очень холодная. Очень ясная. Понимание, что права на ошибку у меня может не быть, а значит, надо сделать всё, чтобы не допустить самой возможности этой ошибки...

После заявления Кира, что магическая защита дома и всего поместья усилена, а обнаруженные межпространственные порталы, которые говорили о том, что Катлина не решалась оставаться здесь надолго, всё же предпочитала уходить в какой-то другой мир, ликвидированы, я задала вопрос, тревожащий меня больше всего.

— Значит, она там... в моём мире? Вместо меня? — эта мысль, мягко говоря, не радовала. Я за близких испугалась. Очень.

— Не думаю, — покачал головой Кир. — Как я понял, у вас там магия спящая.

Я пожала плечами. Похоже на то, да, хотя я в этом всё ещё пока не разбираюсь.

— На активацию межмировых врат уходит очень много магических сил, — сообщил Кир. — А ей постоянно нужно подпитывать свой резерв. Восстанавливаться.

— Логично.

— В Нагшасе её нет, — продолжал Кир. — Были запущены поисковые чары. Сейчас идёт обыск окрестностей, на это понадобится больше времени.

Мы с нагшасом поняли друг друга без слов.

— Тоже почему-то кажется, что её не найдут. Хотя она и тварь первостатейная, но уж точно не дура, — хмыкнула я. — Значит, ей пока надо зализать раны, то есть, я хотела сказать, восполнить затраченные силы, прежде чем нанести упреждающий удар?

По хмурому взгляду нагшаса я поняла, что хочется в это верить, да.

— От меня больше ни на шаг, — сказал Кир.

Я фыркнула.

— Можно подумать, я бы отшагнула, если б ты мне ещё тогда сказал.

— Майя... — голос Кира дрогнул. Губы сжались в одну линию. И... он опустил взгляд.

Молчу. Просто смотрю на него. Понимаю, что сболтнула лишнего, но оно как-то само вышло.

Нагшас, справившись с собой, продолжил:

— Я виноват. Очень виноват перед тобой. Я... чуть было не потерял тебя.

— Но ведь не потерял, — покачала я головой. А потом обняла воина за шею, прижалась щекой к щеке. К той самой, чешуйчатой. Блин. Представляю, что он пережил за это время, учитывая, что физически прямо ощущаю, что он ко мне чувствует. — Забудем, ладно? Я бы и сама не удержалась на твоём месте, поинтриговала бы.

— Правда?

— Правда-правда, у меня совершенно идиотское чувство юмора. Тут мы прям нашли друг друга.

«И не только тут», — добавила уже про себя, вовремя прикусив язык. Да что ж меня несёт-то! Совсем голову от него теряю.

Меня отстранили от себя, заглянули в глаза.

— Ты, правда, готова это забыть?

Не задумывалась ни на секунду.

— Уже забыла. К тому же сам говоришь, эти уроды, которые сбежать помогли, скорее всего жизнь мне спасли. Ну, ты с ними за это рассчитался.

Кир склонил голову. Явно не понял, к чему это я. А может, подумал, издеваюсь. А я не издеваюсь, говорю же, чувство юмора у меня такое... специфическое.

— Подарил им быструю смерть, — пожала я плечами и невольно содрогнулась, вспомнив о процессе «одаривания».

Меня порывисто прижали к себе. Так сильно, так тесно, что, всхлипнув, даже задохнулась. Но отстраняться даже не подумала. Поняла вдруг: лучше совсем не дышать, лишь бы рядом с ним.

Чёрт! Да что происходит вообще?! Все эти его рассказы о некой истинной паре звучат, конечно, красиво... романтично и всё такое. Ну вот кто бы не захотел пережить такое? Столько книг об эти самых «истинных парах» написано, столько фильмов снято... Понятно же, спрос рождает предложение.

Но вот когда оно не в книжке, не фильме, а в реальности! Когда это всё, вообще всё на живую, по-настоящему!.. Это страшно оказалось.

Действительно, страшно, потому что понимаю: не смогу без него. Никак. Ни дня. Ни минуты.

Меня вдруг осенило: попадание в другой мир, борьба за выживание, рептилоидные тени на стенах... даже угроза, что исходит от Катлины... фигня. Чушь полная!.. По сравнению с этим вот... с тем, что внутри происходит! Это не просто желание, не просто влечение... Да это даже не чувство, чтоб меня черти съели! Это стремление... каждой мыслью, каждой клеточкой тела, каждым вздохом и взмахом ресниц... Чёр-р-рт!

Меня затрясло, заколотило. Внешне — несильно, а вот внутри было ощущение, что по венам вместе с кровью электрический ток хлынул! Превращая обычный кровоток в нечто щекочущее изнутри, буйное, жаркое... Обжигающее.

И вместе с тем пришло понимание, что иначе просто быть не может! Вообще никак!

Всхлипнув, прижалась, насколько могла, теснее.

Глава 36

Судя по потяжелевшему дыханию Кира, по тому, как подрагивали его пальцы на моих плечах, по тому, что его тоже трясло... Я точно это знала, трясло, как меня, но внешне этого совсем не проявлялось, ведь он каким-то образом сдерживаться умудрялся! Но стоило вжаться в него сильнее, потянуться ещё ближе, мысленно, потому что физически дальше уже некуда, как меня таким жаром обдало, таким безумием, что поняла, ощутила, осознала: его желание стократ сильнее!

Да как же он это терпит?!

И когда показалось, что не выдержу больше этой остроты чувств, ощущений, желаний, вот ни секунды не выдержу, прозвучало хриплое:

— Твоя очередь, казачка.

— Мм? — интеллигентно уточнила я. Чёрт, нагшас, ты о чём вообще?!

— Ты обещала, — по тону Кира я поняла, что он нахмурился, — Сдать явки и пароли.

Я нервно хихикнула и потёрлась щекой о его грудь в распахнутом вороте рубашки. Которая, к слову, уже совсем высохла.

— А ты способный.

— Грех жаловаться, — ответили мне в тон.

— Ки-и-ир, — протянула как-то жалобно и хрипло почему-то. Голос сорвался.

— Майя, — меня поцеловали в макушку и от этой невинной ласки прямо молния пронзила! — То, что происходит сейчас с тобой, нормально. Ведьмовская сила просыпается.

— Сила?! — пискнула я. Вот чем-чем, а силой, то, что происходит, я бы точно не назвала.

— И влечение драконицы, истинной пары дракона, — с улыбкой в голосе, но такой напряжённой улыбкой при этом добавил Кир. — Помнишь, я говорил, что у драконицы оно проявляется позже. Честно, я не знаю, как это работает, ведь я не дракон... Зов моей крови, может... Я не знаю, Май, честно, не знаю. Но это очень важно, как ты попала сюда. Расскажи, — я прямо кожей ощущаю, чего стоит Киру эта просьба. — Расскажи, как это произошло. Всё, что помнишь. Пожалуйста.

Я вздохнула, отстраняясь и принялась за рассказ. Даже удивительно: насколько он короткий получился и совсем какой-то неэмоциональный. Мне-то по меньшей мере казалось, что меня цунами смело, ураганом, как домик Элли вместе с его обитателями... А на деле... Как-то совсем быстро слова закончились.

— Не напрягайся, пытайся вспомнить, — сказал Кир, ласково целуя в висок, когда я застопорилась на встрече с Катлин. — Если моя догадка верна, ты вспомнишь всё, о чём говорила Катлин. И очень скоро.

— Какая догадка? — да, догадок было много.

— Что ты своим попаданием сюда вовсе не Катлин обязана, а Безликой, — пояснил он.

Я нахмурилась. Быть обязанной Катлин — нет уж, увольте меня, а лучше сразу пристрелите. Впрочем, кто сказал, что быть обязанной богине лучше? Вон, и Кир говорит, что их, этих богов, не понять...

— Продолжай, пожалуйста.

Продолжила. Вплоть до самой свадьбы и моей истерики по поводу своего иномирского происхождения и вообще несоответствия «заявленному контенту», сиречь «бытности вдовой». Кир слушал очень внимательно, переспрашивал, уточнял, особенно касаясь инструктажа от Гресты. Ну да я сама уже в курсе была, как лоханулась, пойдя на поводу у ушедшей служанки, у которой, как выяснилось, чёткие инструкции на мой счёт были,

причём от настоящей госпожи.

Одного они не учли, когда планировали сперва на арене меня подставить, а затем уже в доме: а именно того, что Беська вмешается. Ну и что сообщники Катлин нас спугают.

— Погоди, — нахмурился Кир. — Значит, когда ты после свадьбы побежала девственность терять, — краснею и хлопаю ресницами, но из песни, как говорится, слова не выкинешь. — Тебе Баст на лестнице встретилась, да? И ты запуталась?

Кивнула.

— Сначала тот самый Вестас, — меня передёрнуло от воспоминаний, — померещилась ещё тень на стене, в виде... блин, ящера какого-то с горящими глазами, вставшего на задние лапы, — на этих словах пальцы Кира сжали моё запястье, а глаза нагшаса потемнели. — А потом уже Беська, да, — кивнула я. — В смысле Баст.

— Но в Валдарии Баст не было, — задумчиво пробормотал Кир.

Я так и застыла.

А ведь и правда!

— Меня тогда что-то потянуло, прямо дёрнуло в сторону, — пробормотала я, нахмурившись. — Как наваждение какое-то. Я понять ничего не успела. А потом Греста с Рамирой увели...

На этот раз Кир молчал долго.

— Баст не просто так тебя нашла, — наконец, сказал он. — Она искала именно тебя, Отражение Катлин. Но лучше только Безликая сможет объяснить. Если захочет.

— Постой, пробормотала я, хмурясь и качая головой. — Помнишь, как Беська забеспокоилась, когда у меня на руках это свечение появилось? После которого стена стала исчезать и вообще появилась... ну, магия? Может, ваша богиня вообще не хотела, чтобы мы с Катлин встретились? Ведь Катлин, как я понимаю, за Беськой шла... Так, стопэ... В с м ы с л е Безликая с м о ж е т о б ъ я с н и т ь? Это как? Ты что имел ввиду?

Кир рассмеялся. Смех получился немного напряжённым. Я видела, чувствовала, слышала, как нелегко даётся нагшасу этот разговор, но он держался. Мужественно. Стойко. Достоин во всех отношениях. В отличие от меня...

Его ладони на моих плечах обжигали. Взгляд пронзительно-зелёных глаз окутывал теплом, наполняя тело томной, эйфорической слабостью. Его полные, чётко очерченные губы были совсем рядом... с моими. Вот-вот поцелует...

— Какая ты... — тяжёлый выдох и вытянутые кошачьи зрачки расширяются, затапливают зелёную радужку...

— Какая? — подаюсь вперёд под набат пульсации в висках и ощущаю свежее, тёплое дыхание Кира на своих губах.

— Любопытная...

— Ну серьёзно, Кир? Что ты имел ввиду?

Чуть шершавые мужские пальцы скользнули по моей щеке, шее, вызывая дрожь в теле и слабость в коленках. Кир склонил голову, касаясь своим лбом моего и тихо сказал:

— Только то, что мы в самом деле спросим у богини. И мне кажется, она ответит.

— Как? — еле слышно спросила я. — Как спросим?

— В праХраме... сама увидишь.

Глава 37

— Вы здесь... — закусываю губу, пытаюсь совладать с охватившим даже не желанием уже, необходимостью. Потребностью. Физической абсолютно и даже больше. Это как глоток воды для жаждущего, возможность сделать вдох для умирающего от удушья. — Вы здесь что... с богами разговариваете?

— Ну, не совсем разговариваем. Мы спрашиваем, и бывает, нам отвечают.

Мужские ладони, горячие, твёрдые скользят по плечам, по лопаткам, обхватывают талию. Выгибаюсь, как кошка, ему навстречу. Ещё... Ещё...

— Когда... спросим?

Прикосновение губ к щеке. Лёгкое. Едва ощутимое. И тёплое дыхание щекочет шею...

Чёрт! Я помню, какими эти нежные губы могут быть настойчивыми, властными и вместе с тем... чуткими.

— Сейчас.

Кир рывком поднялся.

А я осталась сидеть, хлопая глазами и пытаюсь собрать мозги в кучку. В смысле — сейчас?! Он что, серьёзно?!

— Тебе надо одеться... Эйва.

Я потрясла головой, отказываясь верить. Он в самом деле в этот их... Храм собрался?! Вот ни разу не пошутил?

Чёрт... Да что это со мной?!

— Я распорядился перенести твои вещи... — Кир махнул рукой в сторону шкафа, сам при этом оглянулся на дверь.

Я тряхи головой перестала. А, я поняла, это он издевается! Проверяет мою выдержку? Ну так она уже закончилась. С чем я нас обоих и поздравляю.

Прыжок с кровати мне удался, на десять баллов прям. В следующую секунду я уже обвивала шею нагшаса руками, обхватив ногами мускулистый торс и ощущала его ладони на своей... в общем, там, где надо, его руки были. Реакция у Кира завидная, я уже говорила. И ещё кое-что я ощущала. Несомненный и внушительный комплимент своей прыгучести, ага.

— Ки-и-р... — выдохнула прямо ему в губы, прежде, чем накрыть их поцелуем. Меня сжали так, что застонала, выгибаясь навстречу.

— Майя, ты... — кто-то, кажется, что-то не понял, или, наоборот, понял, но момент для разговора выбрал самый неподходящий.

— Я... — и снова поцелуй, на этот раз уже больше укуса напоминающий.

На этот раз поцелуй длился дольше, внутри уже не просто пожар бушевал, там вот-вот самый настоящий вулкан пробудится!

Нагшас опрокинул меня на кровать. И хоть так гораздо удобнее, я не спорю, ни рук, ни ног я разжимать не спешу. И не надеюсь...

— Майя...

— Так точно.

— После всего, что ты перенесла. Я имею в виду...

— Вот именно, Кир, — легко, едва ощутимо коснуться его губ своими. Я уже поняла

правила этой игры. Чем нежнее прикосновение, тем больше оно заводит, потому что этой эфемерной нежности не хватает, хочется чего-то большего, причём сразу.

Я вообще способная и кто-то в этом очень скоро убедится.

— Мне сейчас особенно необходимо забыться, — и провести пальцами по умопомрачительно твёрдой, мускулистой спине, пряча улыбку, когда такая невинная ласка вызывает крупную дрожь.

— Но лекарь сказал — полный покой, — о, судя по хриплому голосу, мы уже не так уверены....

— Кста-а-ати, о лекаре... — сам напомнил, сам виноват. — Может, мне повязку пора сменить? Я хотела сказать, асаху. Не посмотришь? — и хлоп-хлоп ресницами.

— Кажется я понял, что происходит.

— Вот как? И что же? — с самым честным видом продолжаю хлопать ресницами.

Прежде, чем ответить, Кир снова поцеловал. А потом перекатился набок, шумно выдохнув. Погладил по щеке.

— Помнишь, я говорил, что желание дракониды проступает позже?

Киваю. И лгну к нему всем телом. Потому что с ума схожу, не могу иначе. Это они здесь, нагшасы, тренированные. А я больше не могу.

— То есть ты меня та-а-ак в прошлый раз хотел?! — всё же нашла время, чтобы удивиться. Даже ошарашиться.

— И тогда, и сейчас, — меня снова погладили по щеке, обрисовали пальцем губы, оттянули нижнюю и хрипло выдохнули: — Только ещё сильнее.

— Как же ты тогда... нет, не так. *Почему* ты тогда сдерживаешься?!

Вопрос вопросов, между прочим.

Чёрные, расширившиеся на всю радужку зрачки вдруг полыхнули! Огнём! Зелёным! Воспользовавшись тем, что я часто заморгала, потому что поняла, кто тогда, в ритуальном зале «фары включил», Кир ответил:

— Я боюсь не сдержаться, Майя. Причинить тебе боль. Ты так долго спала... и тебе крепко досталось. Исидо сказал: полный покой. Я до сих пор понять не могу, как ты на грагхе столько проскакала, как выдержала.

Я с силой зажмурилась и нагшас замолчал

— Кир, хватит, — прошептала я, открыв глаза. — Я просто умру, если ты сейчас не... — вместо того, чтобы продолжить, накрыла его губы поцелуем.

— Майя...

Нагшас снова оказывается сверху, удерживая свой вес на руках. Заглядывая в чёрные глаза, в глубине которых бушует самое настоящее пламя. Только зелёное, клубящееся.

И вот он снова меня целует, снова пытается делать это нежно, пытается сдерживаться, но выходит откровенно фигово. Да-да, лорд, вас раскрыли. И переиграли. Загнали в угол. И не говорите мне, что у женщин не бывает охотничьего инстинкта, что это исключительно мужская привилегия... Как же это здорово, как упоительно, ощущать, что желанная добыча уже не вырвется из когтей...

Ладонь Кира скользнула под мой затылок, пальцы сжали волосы, а губы стали жадными, требовательными, настойчивыми.

Язык нагшаса вторгся в мой рот, нагло, беззастенчиво, как захватчик на покорённую территорию. От соприкосновения языков меня... не просто электрический заряд пронзил, меня просто молнией шарахнуло! Ощущение, что если бы воин не придавливал

своим телом к кровати, подбросило бы, как на батуте!

Вместо того, чтобы напрячься, расслабляюсь окончательно. Просто теперь волноваться не о чем. Сейчас.... Сейчас это наконец, случится. И это хмельное, сводящее с ума желание отступит... На какое-то время.

Тело становится слабым, непослушным, каким-то ватным. Но не настолько, чтобы не суметь рвануть в стороны борта его рубашки. Прикосновение обнажённой, разгорячённой кожи к груди... разве может что-то быть прекраснее?

Наверное, только дорожка влажных торопливых поцелуев по шее, и ниже... Ощущение как под моими ладонями перекачиваются мускулы его плеч, спины. Его руки, губы... Чуткие. Настойчивые. Очень умелые. Кажется, они везде. Ласки из жадных, раздражающих становятся откровенно бесстыжими.

— Ах! — всхлипываю, выгибаюсь дугой, хватаю ртом воздух. От того, что он творит с моим телом своими губами, руками... напряжение достигает пика. — Пожалуйста, Кир! Ну пожалуйста, — уже даже не мольба, а что-то стократ большее.

Резким движением он вжимает меня в кровать, и я вскрикиваю, впиваюсь ногтями в твёрдые, как камень, плечи.

— Ещё, — мотаю из стороны в сторону головой и не узнаю своего голоса. — Ещё!!

— Дай мне свои губы, — хрипло шепчет Кир, и я поспешно тянусь к нему, приоткрывая губы, отвечая на поцелуй с такой самоотдачей, словно от этого поцелуя зависит судьба Вселенной.

Наши языки встречаются и тело начинает пронзать молния за молнией. Я содрогаюсь, вжимаясь в твёрдое, разгорячённое тело, наконец ощущая наполненность так сильно, остро, невероятно, как мне и хотелось.

Это какое-то безумие, но мне снова мало, ничтожно мало!

Вздрагиваю всем телом в его руках, вскрикиваю, всхлипываю.

Смеюсь и плачу невпопад.

Мы перекачиваемся по кровати, сплетаясь пальцами. Губы горят от поцелуев, вся поверхность кожи становится настолько чувствительной, что кажется, я не вынесу и самого лёгкого прикосновения. Почему же я ещё в сознании?

Приятно, стыдно, до невероятности остро!

Время от времени Кир останавливался, замирал, заглядывал в лицо с каким-то беспокойством. Вроде бы даже спрашивал, не больно ли мне.

Мне?! Больно?! Ты, наверное, шутишь. Мне так хорошо, как никогда в жизни не было. Только не останавливайся, пожалуйста, ну пожалуйста... Не останавливайся.

И он сжимал в объятиях, двигался снова. Резко, грубо, пронзительно. Я снова и снова впивалась в спину ногтями, поцелуями — в губы, шею, плечи... куда доставала. Мы вновь и вновь перекачивались по кровати, тяжело дыша.

Как можно быть таким нежным и бесцеремонным одновременно? Таким чутким и таким властным? Просьбы... такие личные и интимные, совмещать с приказами, которых невозможно слушаться...

Как можно приказывать мне делать... такое. Мне и в голову не могло прийти, что, хм... такое странное действие может оказаться таким приятным, таким восхитительным...

Как можно целовать мои губы меня так легко и нежно, а следующий миг оттягивать голову за волосы назад, впиваться властным поцелуем в шею? Поцелуем, от которого внутри разжимается раскалённая пружина, а тело продолжает сотрясаться в сладких, упоительных конвульсиях?

Я вдруг поняла, что в любви не бывает охотника, не бывает и добычи. Нет того, кто

сверху, нет того, кто снизу.

Это всего лишь роли, как в театре... игра в мяч.

Вы перекидываете этот мяч друг другу и играете в соответствии с ролью, но при этом никто не становится главнее или ниже.

Вы равны, во всём, как равны между собой половинки одного целого... и глупо даже сравнивать их, взвешивать...

Как одна половина тела может быть главнее другой? Разве передавая что-то из одной руки во вторую, рука негодует по поводу своей роли принимающей? Нет, в следующий миг она уже играет новую роль...

Глава 38

Передо мной стояло четверо нагшасов. То есть вместе с Киром, конечно, пятеро.

Звезда крови — так назывался главный нагшасский государственный орган, как я поняла.

Лорд — верхушка этой самой звезды, а его кровные побратимы — остальные лучи этой Звезды. Я рассматривала побратимов Кира внимательно, впрочем, как и они меня.

Несмотря на схожесть в одежде — всё те же кожаные доспехи, смуглые расписанные лица, тёмные глаза и волосы, уже знала, что «профессии» у нагшасов разные.

Анзор Хаан — Кровный Анарх (так на нагшасском называется меч) Кира, я так поняла, что-то вроде начальника дворцовой стражи и главнокомандующего. Несмотря на то, что Нагшас герцогство и перенял кое-какие традиции королевства, древние нагшасские традиции здесь всё же в приоритете.

Взять хотя бы тот же брачный ритуал, замешанный на нагшасской силе крови, или военный уклад всего герцогства.

Я уже знала, что с кровью у нагшасов особые отношения — в память о древнем драконьем наследии, в силу чего Кир и заинтересовал Катлину. Магия крови — самая сильная. Перешедшую на сторону тёмной магии ведьму кровь сильнейшего нагшаса сделала бы всеильной...

Анзор Хаан оказался высоким, плечистым воином с умным, въедливым взглядом военного. Ну, меня таким взглядом не проймёшь. Мы привычные.

Знаки на его лице были цвета хаки.

Исидо Корг — Кровный Авгур лорда. Авгуром здесь звалась шипастая булава целителя, то есть Исидо, как я поняла, главный целитель. Но и воин тоже. Тот самый нагшас, что асаху приносил. Я так поняла, он не только врач, но и владеет магией вдохновения. Внешне Исидо Корг не отличался от других нагшасов — смуглый, хорошо сложенный, с зелёными знаками на лице.

Наконец, Конрад Тар — Кровный Посох лорда, ну или верховный маг нагшасов.

Если о магических способностях целителя я узнала интуитивно, то в том, что третий нагшас с белыми знаками на скулах — маг, было понятно сразу: такой силой от него веяло. И взгляд мага был не просто въедливым, он, казалось, проникал в самую душу. Ещё никогда не чувствовала себя настолько уязвимой под чьим-то взглядом.

Помимо воина и двух магов на «экстренном собрании» присутствовал «заведующий магической сигнализацией», или Кровный Хранитель лорда.

— Ишир Ладааг, — назвал он своё имя, тоже, понятно, прожигая меня глазами.

После того, как Кир сообщил кровным, что перед ними не Катлин, а её Отражение, иномирянка, взгляды нагшасов не сказать, чтобы смягчились.

— Вот как, Отражение? — первым подал голос Хранитель, и Кир нахмурился. Я так поняла. Потому что для Ишира новость о том, что я — не Катлин, а Катлин жаждет свести со мной счёты, вовсе не новость. Он же магическую сигнализацию укреплял, и поисками Катлины занимался. То есть его нарочитое удивление явно показное.

Так и вышло.

— То есть проклятие снять не удастся? И не надо так на меня смотреть, Ренар! Когда ведьма угодит в ловушку, и мы до неё доберёмся, снятию проклятия помешает родовой брак, который ты заключил с Отражением ведьмы!

Проклятье! Чёрт! Я ведь даже не спросила, в чём это самое проклятье проявляется! Просто разговор итак был долгий, от обилия новой информации голова не просто пухнет, взрывается. Да и не могу со всей ответственностью не признать, что рядом с Киром мозг

так и норовит отключиться, а мир всё меняется, становится ярче, глубже, чувства и ощущения обостряются, так что это почти причиняет боль...

— Я сказал то, что сказал. Майя — герцогиня Нагшаса и первая нагшаси.

— Она не нагшаси.

— Ты хочешь со мной поспорить, Ишир? — голос Кира спокойный, тон какой-то даже доброжелательный. И маг опускает взгляд. И как-то вообще становится очевидно, кто здесь сильнейший. Его слово не оспаривается.

Вскоре кровные разошлись, получив новые инструкции, а мы с Киром остались одни.

— Кир, что твой кровный имел ввиду? В чём заключается проклятье, которое наслала Катлин? Я почему-то решила, что драконья кровь...

— Драконья кровь замедлила действие проклятья, — коротко ответил нагшас.

— Я это уже слышала. Но ведь оно не снято?

Кир покачал головой.

— И действие его даже не остановлено? Замедлено?

Хмурый кивок.

— Кир?

— Майя... давай не сейчас. Боюсь, разговор снова может оказаться долгим, а нам нужно в праХрам. Мы итак задержались.

С этим не поспоришь.

Собирались вообще-то с утра, то есть это Кир собирался... А сейчас день ощутимо так перевалил за полдень.

— Но после праХрама ты расскажешь!

Мужские руки обвивают талию, лёгкий поцелуй касается уголка губ, щеки, шеи... Кожу щекочет тёплое дыхание.

После продолжительного поцелуя я отстранилась. То есть попыталась.

— Кир...

— Ну, если не придумаем занятия поинтереснее, — улыбнувшись улыбкой змия-искусителя, сказал нагшас. — Тебе не кажется, что лимит на разговоры мы сегодня исчерпали?

— Нет, Кир! Это важно...

— Ну, раз важно, пошли скорее. Будем отвечать на вопросы друг друга по очереди. А мне правда интересно, что такого важного сказала тебе тогда Катлин.

Ну вот как тут поспоришь?

Глава 39

Оставив Тита в специальном загоне, мы прошли под увитой плющом аркой и вышли на пальмовую аллею. Пальмы росли здесь вперемешку с незнакомыми деревьями с витыми стволами, напоминающими бобовые стебли и длинными, свисающими чуть не до земли, тёмно-изумрудными листьями. Аромат цветов на пышных кустах дурманил голову, но близость Кира пьянила сильнее всего.

Кир успокоил меня, сообщив, что способности ведьмы начинают проявляться с изменений в мировосприятии, но всё равно, это было слишком.

Сказался, конечно, очередной полёт на «грифоньих авиалиниях», но... Пронзительная синева неба, зелень деревьев и кустов, яркие, сочные оттенки чуть светящихся и переливающихся в закатном багрянце бутонов... Запахи, звуки, всё усиливалось, пробиравало до мурашек!

— А почему я заметила изменение в магической силе дома? — сделала я попытку отвлечься. Потому что, если бы даже Кир мне не сообщил об усиленной сигнализации, я бы всё равно сама заметила. Я чувствовала себя в нём... по-другому. И на стенах светящиеся узоры проступили. Похожие не то на руны, не то на иероглифы.

— Потому что ты ведьма и моя жена, — пояснил лорд. — Магия дома открывается тебе.

— И о том, что твоя жена вовсе не Катлин, знают только твои кровные, я правильно поняла?

— Да. В тайну посвящены самые близкие. Если кто-то помогал Катлин войти в дом, то он проколется, попадёт в расставленные Иширом ловушки.

— Мурр-р-р! — раздалось звонкое и чёрный грациозный силуэт показался из кустов.

— Беська! — обрадовалась я. — Значит, не показалось, что одна из сумок шевелится.

Взгляд Кира тоже потеплел.

— Баст, — начал было Кир и вдруг улыбнулся. — Бес никогда не упустит случая навестить праХрам. У неё здесь много сестёр.

— О, ты говорил, что на меня так животные реагируют, потому что я типа светлая ведьма, а Катлин — тёмная, к тому же уже не ведьма, а фиг пойми, что, и вообще, ей их подчинять приходилось, а как, кстати, на неё Баст реагировала?

— Беська ненавидела Катлин, — усмехнулся Кир. — Впрочем, неприязнь была взаимной, но свою Катлин до поры до времени успешно скрывала. Правда, делала вид, что её жутко расстраивает нелюбовь моей кошки.

Он принялся рассказывать, как Беська активно и разнообразно выражала свою нелюбовь Катлине, а я слушала, хихикала и дивилась тому, что Беська ни разу не повторилась, из чего можно было заключить, что акция «низведения и курощения» ведьмы планировалась профессионально и последовательно, а фантазии Беськи можно только позавидовать.

— Но почему она не убила меня там, когда зеркало разбилось? — пробормотала я задумчиво. — Я же была совершенно в её власти.

Мужские пальцы прошли по плечу и знак на нём вспыхнул от этого прикосновения, усиливая и без того пронзительные ощущения.

— Анам! — догадалась я.

Кир кивнул.

— Думаю, она хотела, чтобы ты была инициирована магией этого мира.

— И теперь, когда я получила анам, я для Катлин вообще лакомый кусок?

— Ты не только анам получила, — напомнил Кир. — Ты также избрана Безликой.

— Это ты про тот ритуальный танец?

Снова кивок.

— Его могут танцевать только эйвы. Прошедшие посвящение. Но они не вступают в брак, то есть если бы ты была эйвой, ритуальный кубок отверг бы твою кровь. Но ни того, ни другого не произошло.

Загадок всё больше и больше. Надеюсь, в Храме мы хотя бы частично найдём ответы на них.

В моём понимании Храм — это что-то величественное, торжественное, сверкающее белизной стен и золотом куполов...

Нагшасский Храм, или праХрам Безликой превзошёл все ожидания, в то же время, не вписываясь ни в одно из моих представлений о храмах.

Прежде всего праХрам удивил простотой и строгостью линий. Цвет стен и колонн — кипенно-белый, почти голубой. Высокий, кстати, и колонны тоже высокие. Никаких украшений и архитектурных изысков — статуй, барельефов, золотой отделки... И в то же время несмотря на строгость и простоту линий возвышающаяся надо мной конструкция поражала воображение и вызывала трепет. Здание можно было бы с лёгкостью принять за старинную постройку в странном смешанном стиле, включающую эклектику древней Греции и древнего Египта, если бы не белизна стен и не огромные, каждый размером со стог сена, юрко-бирюзовые кристаллы, что парили вокруг окружённой колоннами конструкции. Зрелище умопомрачительное!

А ещё здесь были кошки. Буквально повсюду. Чёрные, белые, серые, рыжие, двух и трёхцветные, все неизменно в золотых ошейниках и с подведёнными золотом глазами. Гордые, исполненные чувства собственного достоинства, какие-то неземные хищницы неспешно прогуливались по аллеям, сидели, изящно обвивая лапки хвостами на каменных постаментах. И при этом характерного кошачьего запаха не было! Вот совсем не было!

Беська немедленно смешалась со своим родным прайдом и мне стало казаться, что кошка раздвоилась, нет, разстроилась. То есть я хотела сказать, раздесятилась. Теперь она наблюдала за мной с двух постаментов, с нескольких увитыми лианами скамеек и даже с деревьев.

Я, признаюсь, забеспокоилась — мы, когда обратно полетим, «свою» узнаем?

Кир заверил, что, если не мы, так она нас узнает. Рассказал заодно, что кошки, которых здесь искренне считают жрицами богини (и без легенды о том, что во времена, когда боги жили среди людей, Безликой больше всего нравилось оборачиваться в кошку, конечно, здесь не обошлось) живут только на территориях праХрамов и монастырей. Даже Верховная эйва была удивлена, когда одна из жриц покинула, так сказать, рабочее место и «переехала на ПМЖ» к сыну лорда Нагшаса...

Это известие ввергло в недоумение. Так получается, дара, как такового, не было? Просто истолковали, как им всем было удобно поведение одной маленькой кошки? Эм... а как тогда богиня будет отвечать на наши вопросы и память мне вернёт? Тоже какой-нибудь знак подаст? Нет, конечно, наверное, у них есть профессиональные толкователи этих самых знаков... Только это всё ж таки не то.

— Майя, — Кир обнял за плечи, развернул к себе. — Ты напряжена. Ты не хочешь вспоминать подробности вашего знакомства с Катлин? Если это неприятно тебе, я пойму. В конце концов, главное мы выяснили.

— Не совсем, — покачала я головой.

Внимание и забота Кира были такими правильными, такими естественными, что у меня вдруг сердце защемило. Сказалась, наверное, эта пробуждающаяся ведьмовская чувствительность, но Кир прав: как вспомню своё попадание, так вздрогну. Потому что как ножом по сердцу, и в глазах щипать начинает и даже эта стерва Катлин тут ни

причём. Просто сейчас так остро всё переживается, а ведь, если я не ошибаюсь, мне в процессе «возвращения памяти» предстоит свой родной мир вспомнить, притом ярко так, как и всё в этом состоянии. Сейчас даже самый невзрачный булыжник поражает своей суровой, неброской красотой, а что до парящих бирюзовых кристаллов, на них вообще смотреть больно...

Вместо того, чтобы продолжить, всхлипнула, порывисто прижимаясь к Киру. Да что за чёрт! Ну вот сама себя не узнаю...

— Майя...

— Я просто, — собравшись, всё же продолжила: — О папе с мамой всё время думаю. О братьях. О бабушках, дедушках, о дядях, — я шмыгнула носом.

Кир прижал к себе. Поцеловал в волосы.

— Поэтому я и настаивал, чтобы мы как можно быстрее пошли в праХрам, казачка. Если моё предположение верно, и ты — эйва, то есть избранная богиней, думаю, ты сможешь связаться с родными.

— В смысле... как это «связаться»? Письмо отправить? — с недоумением переспросила я.

— Нет, поговорить, — поправил меня Кир. — Увидеть их.

— Но... как это возможно?

— Увидишь.

Я с сомнением оглядела себя. На мне голубое, расшитое розовыми и красными цветами платье, из похожей на атлас, но не липнущей к телу ткани. С широкими рукавами, что придаёт ему сходство с кимоно. Волосы я заплела в косу и повязала голубой, в цвет платья лентой, расшитой бисером и жемчугом. Из всех нарядов первой леди Нагшаса этот оказался самым скромным. Я вообще хотела в узкие брюки и кожаный жилет облачиться, Кир, оказывается ещё в первый день хм, знакомства для тренировок мне заказал, безошибочно определив, что, когда я за его тренировкой наблюдала, мной не только праздное любопытство руководило. Опять же, заметил, что мне кинжал приглянулся. В общем, лорд Нагшаса как выяснилось, умел складывать два и два. Но всё же в праХрам попросил надеть платье. Я хмыкнула и буркнула, что в чём-то храмы во всех мирах одинаковые.

Но как родителям объяснить этот маскарад?

Бросила взгляд на Кира и хмыкнула. Нереально хорош. В длинном, развевающимся синем камзоле из похожей ткани, брюках в тон... Золотые узоры оттеняют смуглую кожу, разноцветные чешуйки на лице и шее так и переливаются перламутром. Умопомрачителен!

Но вот стоило представить, как знакомлю нагшаса с родителями по их межмировой божественной связи и не выдержала, хихикнула.

Хотя при таком раскладе на моё платье точно никто внимания не обратит.

Глава 40

— Вне всякого сомнения, леди — эйва, — торжественно объявили Верховная эйва. Причём говорила она Киру, но её выразительный взгляд был направлен на меня. — То есть не эйва, конечно, учитывая, хм, все обстоятельства, но... подтверждаю, что благословение богини налицо, мой лорд.

Смущённо кашлянув, я опустила взгляд на анам на своём плече: маленькую чёрную кошку, выглядывающую из-под закатанного рукава. Уж лучше на кошку пялиться, чем краснеть под строгим взглядом Верховной, ага. Анам хотя бы в краску не вгоняет.

...Верховную эйву я узнала сразу, как только она ответила на приветствие Кира. По голосу.

Вне всяких сомнений (без закона подлости здесь не обошлось), Верховной оказалась та строгая эйва, которая в белой маске была, и которая нас с двумя другими эйвами «отловила» и плясать заставила в ритуальном зале.

Сейчас эйва была без маски, оказавшись миловидной женщиной без возраста (глядя на такую, думаешь, что ей, должно быть, не больше двадцати пяти, а потом посмотришь в глаза и уверенность постепенно тает) и в одеянии, куда более, на мой скромный взгляд, подобающем жрице. Свободное, сложного кроя, серо-бирюзовое платье в пол, с обилием лент, нашивок, узоров.

Вежливо отказавшись от помощи Кира, я, запинаясь и заливаясь краской по уши, напомнила эйве о нашем с ней знакомстве, а когда она нахмурилась, мол, не понимаю (хотя по смешинкам в глазах было видно, что всё она прекрасно понимает!) промямлила что-то, как растерялась тогда, на лестнице и потопала танцевать вместе со всеми. Поскольку мой рассказ был встречен с некоторым скептицизмом, под смеющимся взглядом нагшаса пришлось, опять же, напомнить, довольно-таки робко, как сообщила эйве в белой маске, что вроде как, благословила... одного. И в следующую секунду с трудом сдерживал смех не только Кир! А мне совсем стыдно стало.

Вспомнив о своих обязанностях Верховной, эйва с собой справилась (чего нельзя сказать о Кире, потому что лорд Нагшаса самым натуральным образом хрюкнул, правда, под взглядом Верховной тут же снова изобразил невозмутимость) и повела нас в самый дальний зал, где была всего одна статуя — чёрная кошка, вылитая Беська, увеличенная, правда, раз так в сто.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее светился анам, просвечивая уже сквозь ткань платья-кимоно и создавая на его поверхности светящийся кошачий силуэт. Заинтересовавшись этим явлением и возжелав ознакомиться с ним поближе, я рукав задрала и вот тогда-то эйва и сообщила, что я тоже, в общем, эйва.

— А можно вопрос? — ангельским голосом спросила Верховная, обращаясь ко мне.

Чувствуя, что становлюсь похожей на помидор, всё же кивнула.

— Конечно. Хоть десять вопросов, — ответила я. — Теперь, когда всё разъяснилось, отчего ж не предаться праздному любопытству.

Кир — я это кожей ощущала — вот-вот взорвётся уже от смеха. Да и в глазах Верховной бесята скачут. Видимо, тут любопытство не считалось ни грехом, ни пороком. Может, кстати, потому, что как есть кошачье качество.

— Зачем *вы* нарядились эйвой? — спросила Верховная, сделав акцент на этом самом «вы», мол, если других девушек можно понять, то вас-то ждала первая брачная ночь вот с ним!

— Не выдержала, — буркнула я. — Думала, от любопытства умру.

— От любопытства? — нет, эта зеленоглазая нагшасская зараза ещё и издевается!

— Ну а чего вы ждали? — развела я руками. — По традиции нельзя друг друга видеть до первой брачной ночи. А я не могла брать кота в мешке.

Этим заверением я эйву проняла. Брови её так и взлетели вверх, и даже рот приоткрылся. Который она поспешно закрыла пальцами. Не знаю, может у них тут закон — не поминать кошку всуе? А я сосвятотатствовала, причём перед самой Безликой?

— Мы останемся ещё ненадолго, — сообщил Кир Верховной в ответ на вопрос, может ли она ещё чем-то оказаться полезной. — Раз леди избрана Безликой, мы хотим задать богине несколько вопросов.

Я, пока они общались, с интересом осматривалась. А что? Анам мою избранность подтвердил, любопытство эйвы я вроде как удовлетворила, а для меня всё здесь внове.

Даже если это самый дальний и маленький зал в праХраме.

Я сразу обратила внимание на то, что окон здесь нет, освещение идёт от парящих в воздухе кристаллов. Пусто, если не считать статуи, перед которой ни алтаря, ни бассейна со свечами, как перед остальными, в других залах, через которые мы прошли. Опустив взгляд, я вдруг заметила, что вокруг статуи идут целые ряды прямоугольников, длинных, в человеческий рост, эдаких помостов или возвышений, небольших. А на них... на них лежат идеально сложенные покрывала бирюзового цвета и бирюзовые же подушки. Я, признаться, поначалу приняла это за узор на полу, в таком идеальном порядке здесь всё располагалось. А теперь поняла, что, если бы не следовала за эйвой, по идеально ровной дорожке, лучом приближающейся к статуе, точно споткнулась бы о первую же «кровать». Не знаю, как на этих помостах молятся, может коленями на подушку становятся, а покрывало сверху, на плечи набрасывают, чтоб не мёрзнуть во время чрезмерно долгой молитвы, но на таком помосте и во весь рост вытянуться можно!

Заметив краем глаза какое-то движение, тут же перевела взгляд на плечо и... ойкнула от неожиданности. Потому что чёрная кошка на моём плече ожила! Настолько, насколько вообще может ожить татуировка. И теперь кошка двигалась. Вниз по руке. Осторожно перебирая лапками и дёргая носом, как будто принюхиваясь.

— Ты куда! — с этими мудрыми словами я шлёпнула по анаму, который фыркнул в ответ и, пятась назад, взобрался на своё место, топорща светящиеся золочёные усы и усиленно делая вид, что это не он только что чуть не удрал.

— Чуть не смылась, нахалка! — доложила я Верховной, у которой от моего чистосердечного доклада задёргался глаз.

— Надеюсь, это важные вопросы, — сказала она, обращаясь к Киру. — И вы не будете отвлекать Безликую по пустякам.

Бросив на меня взгляд напоследок (я всё ожидала, что фыркнет, прямо как мой анам, но эйва сдержалась), Верховная оставила нас одних.

— Я что-то не то сказала?

— Не бери в голову, — Кир приобнял за плечи и поцеловал в макушку. Я ахнула, когда анам потянулся, интеллигентно виляя хвостом пролез под пальцы Кира, и с плеча тут же раздалось тихое-тихое, но всё же явственное мурлыканье. — Верховная дружила ещё с моей бабушкой.

— С кем?!

Нет, я, конечно, подозревала, что дама молодо выглядит... но чтоб настолько?

— С бабушкой, — смеясь, подтвердил Кир. И пояснил: — Время для эйв тянется по-особенному. Безликая благоволит к тем, кто посвящает ей жизни.

— Я в девяносто тоже так выглядеть буду, раз я эйва? — живо поинтересовалась я.

— И даже лучше, — чмокнул в нос Кир. — Тем более, что ты её возраст преуменьшила раза в три.

— Вау! — только и смогла я вымолвить. — Надо ей сказать. Как известно, пожилые люди обожают, когда им втрое уменьшают возраст.

Кир не выдержал, прыснул.

— Ну вот насчёт «пожилой» я бы, знаешь, на твоём месте не рисковал.

— Я же пошутила! — возмутилась я. — А что, она может так оскорбиться, что призовёт меня сюда на службу? И хоть мне тысячу лет в смешной шапочке и благословлять воинов?

— Я тебе благословлю, — хмуро пообещал Кир, привлекая меня к себе и накрывая губы поцелуем.

— Запрещённый приём, — выдохнула я спустя какое-то время, отстраняясь и переводя дыхание. — Во-первых, мы в Храме, во-вторых ты специально меня деморализуешь, дабы заманить в ловушку избегания гражданской ответственности, а в-третьих, меня анам щекочет, когда ты так делаешь.

— Только ли анам? — притворно изумилась зеленоглазая зараза и я окончательно утвердилась в мысли стать эйвой. О чём ему тут же и сообщила, не забыв в конце язык показать.

Мои губы снова взяли в плен, на этот раз вместе с языком, и поцелуй в этот раз длился ещё дольше.

— Верховная тебя не возьмёт эйвой, — оказалось, что не одна я дразниться умею. — Максимум — полы здесь попросит помыть. Я, кстати, мыл. И не раз.

Я прыснула.

— Как это не возьмёт?

— Ну, до удовлетворения любопытства накануне первой брачной ночи возможность у тебя ещё была...

— Но мы её дружно пролюбили.

— Хм, никогда не встречал этого выражения, но как точно сказано!

Клянусь, если бы не праХрам, не статуя рядом, я бы с этим шутником иначе поговорила, но сейчас только обернулась на статую и нахмурилась.

— Готова? — совершенно верно истолковал Кир мой взгляд и хмурый вид.

Я пожала плечами.

— Смотря что для этого требуется.

— Не волнуйся, — меня обняли, на этот раз очень нежно, привлекли к себе. — Я буду рядом.

— Прямо в воспоминаниях? — не поверила я. Но когда Кир в ответ кивнул, облегчённо выдохнула.

— Что надо делать?

— Для начала — прилечь, — огорошили меня ответом. Причём говорил нагшас на этот раз абсолютно серьёзно.

— Прилечь?

То есть все эти продолговатые возвышенности с подушками и правда — кровати?

— С вашей богиней что, лёжа общаются?

— Лучше лёжа, — ответил Кир, усмехнувшись. — Потому что общение происходит во сне.

Когда мы только пришли, прежде, чем попасть на аудиенцию к Верховной, мы под чутким руководством других эйв (тоже, кстати, без масок и в длинных хитонах с разрезами по бокам) свечи в неглубоких овальных бассейнах зажигали, и цветы на алтарь в главном зале возлагали... И в том, «центральной» зале были не только эйвы, но и такие же «прихожане», как и мы, мужчины и женщины. Возложив цветы, они усаживались вокруг главной статуи, изображающей женщину с семью лицами (и все в масках, кстати, причём в масках разных — нереально красивых и откровенно страшных), на циновки-коврики и сидели с закрытыми глазами. Я тогда подумала, что так здесь и молятся.

Этот же зал, со статуей-кошкой, как выяснилось, только для эйв. Потому что только им дано «говорить» с богиней.

На мой резонный вопрос — а как это Киру позволили здесь остаться, уж на кого-на кого, на эйву нагшас точно не похож, лорд ответил, что того, кого отметит Даром богиня, здесь считают благословенным, а посему Беська открыла для него те двери, которые закрываются даже перед правителями.

— И ты уже говорил с богиней? — тут же заинтересовалась я.

— Говорил, — не стал он отпираться.

— И получилось?

— Получилось... Причём не только во сне, — уклончиво ответил Кир, и, развернувшись, направился к ближайшему возвышению.

Пообещав себе ни в коем случае не забыть спросить, а что такого приснилось нагшасу, я последовала за ним.

— И как это происходит? Я просто ложусь, засыпаю, если получится и вижу сон?

— Иди сюда, — усевшись на одно из возвышений, Кир протянул мне руки.

Опустившись на колени рядом, с удивлением поняла, что «ложе» тёплое. И в меру мягкое даже! То есть вроде как каменное, с виду, а наощупь это совсем не камень.

Чтобы подтвердить свою догадку приложила пятерню и чуть надавила, а когда убрала руку, на постаменте рядом с Киrom остался отпечаток моей ладони.

— Обычные люди так не могут, неважно, будь то маги или ведьмы, — пояснил Кир. — Только отмеченные Безликой.

— Но... как это возможно?

— Магия Безликой особенная, — пояснил Кир. — И очень сильная. По легенде Безлика спустилась в наш мир верхом на звезде.

— Иномирянка! — вырвалось у меня.

— Именно, — подтвердил нагшас. — Поэтому в Нагшасе очень тепло относятся к иномирянам. Шанс на то, что придётся встречать соотечественника Безликой, конечно, смехотворен, все это понимают, но он всё же есть. Поэтому иномирян в Нагшасе окружают почётом, демонстрируя самое искреннее, исконно нагшасское гостеприимство.

Я хмыкнула.

— Где ты раньше был...

Кир прекрасно меня понял.

— Я не стал лишать Катлину служанок, — вздохнул он. — Она знала наши обычаи, как и то, что будет ограничена в передвижениях по дому, а вот служанки...

— За ними следили.

Кир кивнул.

— И, если бы служанки общались с сообщниками, их раскрыли бы ещё днём, — задумчиво проговорила я. — Но Катлина предпочла делать это сама. Греста же обрабатывала меня.

Вспомнилось, как в процессе наших разговоров в фургоне несколько раз я готова была признаться Гресте, но тянула. Вспоминала людей на крестах и выжидала до самого последнего момента. Теперь понятно: так и было задумано.

Сама не заметила, как улеглась рядом, устроив голову на плече у Кира. Нагшас обнял меня, притягивая ближе, а я в этот момент... зевнула!

— Ой! — захлопала я глазами. — Это оно так быстро работает? Я думала, если честно, не засну по команде тем более в таком... таком...

— Не предназначенном для сна месте?

— Ага. Кир, а чего мне ожидать? Ну, когда засну?

— Прежде всего того, что я буду рядом.

— Это точно?

— Точнее не бывает, — заверили меня.

Появившаяся словно из ниоткуда, как это с ней частенько бывает, Беська тоже забралась на «наш» молельный постамент и, заурчав, устроилась у меня на животе, свернувшись калачиком.

— Видишь, Баст тоже уверяет, что ни за что тебя не оставит.

Я в этот момент такой трусихой себя почувствовала. Даже стыдно стало. Но мне, честно, лучше один на один врукопашную выйти, да даже в качестве грагхового жокея в скачках выступить, чем вся эта мистика.

— Почему? — Кир не выглядел удивлённым, но вопрос его прозвучал искренне. Нагшасу и в самом деле было важно понять меня.

Повозившись, я устроилась поудобней и вскинула на него взгляд.

— Не знаю, — покачала я головой. — Наверное, потому что не привыкла к этому ко всему.

— А к грагхам, значит, привыкла?

— Ну, у меня уже какой-никакой опыт есть, — усмехнулась я. — К тому же тут как на войне, год за три.

— После того, как закроешь глаза и сосчитаешь до десяти, ты заснёшь, — объяснил Кир, целуя в макушку. — Засыпая, следует сосредоточиться на том, что волнует тебя больше всего. Ответ обычно приходит незамедлительно.

— Та-ак, — протянула я и не выдержала, зевнула, прикрыв рот ладонью. — Значит, мне нужно сосредоточиться на своём попадании сюда. На том, что хочу в деталях вспомнить неприятное для нас обеих знакомство с Катлиной.

— А разве не хочешь сначала увидеть родных? — удивился Кир. — Рассказать, что с

тобой всё в порядке?

— А можно?

На меня посмотрели укоризненно.

— Нет, я понимаю всю важность... — пробормотала я, чувствуя, как сердце защемило от нежности. Судя по полыхнувшему бирюзовым огнём вытянутым зрачкам Кира, не только я почувствовала.

— Самое важное для меня — твоё счастье, Майя, — серьёзно сказал Кир и в тот же миг все сомнения и тревоги лопнули, как мыльные пузыри.

Закрыв глаза, я мужественно принялась считать до десяти.

Глава 42

Я буквально на секунду выпала из реальности и тут же пришла в сознание. Первой мыслью было: не сработало. Не смогла заснуть. Чёрт! Всё пропало: гипс снимают, клиент — уезжает! Но уже в следующий миг закрыла глаза и позорно пискнула от неожиданности.

— Мама!

Я была в нигде. Это, пожалуй, самое подходящее определение месту, где я оказалась. Не сказать, чтобы здесь было темно, ведь и тьмы, как таковой, не было. Впрочем, как и света. Себя я видела, очень отчётливо, но и толку. Ни верха, ни низа, ни права, ни лева... И это не из серии: «Иван Васильевич, куда стенка девалась?!», нет! Здесь, пардон, целый мир исчез! Но прежде, чем я успела по-настоящему запаниковать...

— Привет! — тёплые губы касаются моей щеки, мужские руки заключают в такое уютное кольцо объятий и... чёрт с ним, с миром. Он может и подождать в конце концов.

— Кир! Это невероятно!

— Я знаю, — улыбнулся нагшас. — Если бы ты шла одна, я бы рассказал, чего следует ждать.

— И обломал бы мне весь кайф, — закончила я за него. Теперь, когда волна паники схлынула, так и не подступив, я ощутила магию Безликой. Чем-то состояние было похоже, как когда я с грифоном познакомилась и вообще позволила себе расслабиться и уже по-настоящему в этот невероятный мир «провалиться», но всё же сейчас состояние было иным. Небольшая эйфория присутствовала, но была она какой-то спокойной, ненавязчивой, что ли. Не оглушала, не туманила мысли и сознание, и вместе с тем переживание чего-то невероятного, запредельного присутствовало! И это было круто!

Дав мне привыкнуть к новым ощущениям, Кир объяснил:

— Сейчас мы находимся в разуме богини.

— Правда?!! — кто передумал паниковать, тот я.

— Не знаю, — рассмеялся зеленоглазый. — Да не волнуйся ты так... Настоящие мы спим себе спокойно в праХраме. В обнимку.

Я ощупала себя с самым хмурым видом. Наощупь очень даже настоящая!

— То есть это сон?

— Ну конечно. И во сне наши сознания сливаются с сознанием Богини, только и всего. Создают с ним единое Отражение. А через Отражение можно связаться с тем, что оно отражает, понимаешь.

— С большего, — буркнула я, обнимая нагшаса в ответ и чувствуя себя неловко. Да-да, я и вправду не сильно дружу со снами. Знаю, стыдно. И ещё более стыдно в этом признаваться.

— Никогда бы не подумал, что ты боишься снов.

Я вздохнула. Сказала «а», надо говорить «бэ».

— Меня в детстве кошмары мучали, — призналась я. — Сильно мучали. До истерики, до икоты, чуть не до заикания. Родители все средства перепробовали, медицина была бессильна, — я грустно улыбнулась.

— И что тебе снилось? — серьёзно спросил Кир.

— Знаешь, ничего особенного, — пожала плечами я. — Я подхожу к зеркалу в пустой комнате, вглядываюсь в своё отражение. А потом оно начинает меняться, превращаясь в жуткого монстра... точь-в-точь тогда, на стене видела... И я задыхаюсь, пытаюсь кричать, а голоса нет... и проснуться не могу. Понимаю, глупости, но с тех пор осадок остался.

— Не глупости, — проворчал Кир, целуя в макушку и поглаживая пальцами щёку. — Ты связана Отражением с сильнейшей ведьмой этого мира. К тому же сама ведьма, хоть и до недавнего времени сила твоя была запечатана. Но ты не могла не чувствовать. А сон...

— Сон — это и есть Отражение! — дошло до меня.

— Расскажи, как это прекратилось, — попросил Кир. — Твои кошмары.

— Ну, я же говорю, медицина была бессильна. Невралгия, психиатрия... врачи только руками разводили. А мне было всё хуже и хуже. У меня только при приближении сонливости паника начиналась, что только усугубляло, и сон этот всё чаще снился. Мы тогда в городке на границе жили, папа ещё полковником был. Он был очень против вести меня вглубь тайги, к знахарке, но мама настояла. В общем, она меня и вылечила.

— Как?

— Шептала что-то, поила отварами и кормила на убой. Я у неё в избушке неделю прожила.

— А говоришь, у вас магии нет, — покачал головой Кир. — Лесная ведьма закрыла пространственные врата, которые были очень тонкими из-за связи с Катлиной.

— Больше тот сон не повторялся, — призналась я.

— Теперь мне многое понятно, — сказал Кир. — Но не будем терять времени. Богиня вряд ли разгневается, а вот Верховная эйва может отправить бассейны мыть и отливать свечи.

— С чего начать?

— Во-первых, учти, что всё это, — он махнул рукой в пустоту, — разум богини. Здесь возможно абсолютно всё.

Он разжал передо мной пальцы и над его ладонью закачался пышный, похожи на пион цветок с розовыми светящимися лепестками.

Заметив, как я напряглась, нагшас щёлкнул пальцами и цветок исчез. А Кир продолжил:

— Не волнуйся, на тот случай, если само подумается о чём-то плохом (я шмыгнула носом, потому что нагшас слово в слово прочитал ми мысли), с тобой рядом я.

Прежде всего тебе нужно выбрать способ, каким ты хочешь связаться с семьёй. Как у вас общаются люди на больших расстояниях? У нас, например, есть зачарованная бумага, из которой складывают письма в летучие кораблики, а также камни связи. Маги могут общаться с помощью артефактов — сфер, например, или даже стихий — огня, воды, воздуха...

— Ничего такого у нас нет, — покачала я головой. — Но у нас есть интернет. Компьютеры, смартфоны...

— Это как-то связано с играми? — спросил Кир. — С видео-играми, которые с грифонами и ниндзя-черепашками?

Я прыснула.

— Ещё как.

— Я догадался, потому что ни разу не слышал ни о том, ни о другом.

Губы сами собой растянулись ещё шире. Нет, что ни говорите, а мальчишки во всех мирах одинаковые! Даже если эти мальчишки — воины с умопомрачительно-сексуальной щетиной и такой же потрясающей мускулатурой... сильные, умные, настоящие... и вообще все из себя... лорды...

Не удержавшись, я взлохматила Киру волосы. Ну, и он тоже не удержался. Я даже почти поверила, что он меня упустил, когда отпрыгнула в сторону, спасая причёску. И второй раз, когда я в последний момент ушла из-под захвата, ага. А в третий не повезло. Или

наоборот, повезло. Меня поймали, правда сильно лохматить не стали, но во время поцелуя прикусили за губу, что тут же отдалось подёргиванием внизу и поцелуй пришлось прервать. Ничего не имею против астрального секса, но, как выяснилось, не сильно горю желанием мыть полы в праХраме в свой первый день настоящего попадания в этот мир! Поэтому — за дело.

Я послушно следовала инструкциям Кира, когда он объяснял, что требуется для концентрации и направления внимания туда, куда мне надо.

Спустя какое-то время мы с Киром оказались не то в компьютерном классе, не то просто в комнате, где много компов. Причём последних моделей! Освещение изначально было неоновым, но потом я умудрилась настроить нормальный, человеческий. В смысле, электрический, из ламп на потолке.

Кир с интересом осматривался, разглядывал светящиеся мониторы, клавиатуры, мышки... под столы заглядывал. Даже в кресло присел, крутанул и одобрительно кивнул.

— Это ваши кристаллы связи? Но зачем так много?

— Затем, что я — паникёр, видимо, — усмехнулась я.

Беська тоже не терялась. Как любая уважающая себя любопытствующая хищница она ходила по столам, смотрела на мигающие лампочки, осторожно двигала мышек. Ну кошка и кошка.

Включив один из компов, я обнаружила, что «начинка» — один в один мой ноут. Даже закладки в Опере те же самые, что оставляла ещё в той жизни, в общежитии. И все мессенджеры тревожно мигают сообщениями. Кто бы сомневался. Ох, что сейчас будет...

Не дожидаясь приглашения, Кир подъехал на своём кресле ко мне и крутанул в нём.

— Зови, — сказал он. — Мне не терпится познакомиться с твоими родителями.

Я поспешно убрала руку с мышки.

— Сейчас, — кивнула я, закусив губу.

Спустя несколько секунд концентрации и направленного внимания на мне вместо платья были любимые драные джинсы и белая футболка. Распустившуюся косу я заколола на затылке крабом.

— Это они! — тыкнули в меня пальцем. Точнее — в район груди, ага.

— Ниндзя-черепашки, — кивнула я.

— А почему штаны такие поношенные? — поднял брови Кир.

Я хихикнула. Кажется, меня заподозрили в том, что до попадания в Дешрет я жила под мостом и мыла собакам лапы за еду.

— Не завидуй. Сейчас и тебя в такие переоденем.

Спустя несколько секунд на Кире красовалась белая облегающая футболка, изумительно подчёркивающая его смуглую кожу, и драные (даже ещё больше драные, чем у меня, чтобы не зазнавался) светлые джинсы.

Лорд хмыкнул, разглядывая себя с любопытством. А затем провёл рукой перед лицом и разноцветная чешуя исчезла.

— Так лучше? — спросил он, тоже собирая волосы в пучок.

— Спасибо, — кивнула я. — Можно было, конечно, сказать папе, что это татуировка, но, если честно, он не очень их жалуёт. Мой анам на плече возмущённо фыркнул от этих слов и перебрался на выглядывающую из дыры на джинсах коленку.

— Твои родные очень дороги тебе, Майя, — сказал Кир. — Это хорошо.

Смутившись, я кивнула. И принялась инструктировать Кира, что говорить и чего не говорить ни в коем случае, и как отвечать на вопросы, потому что вопросы у папы, несомненно, будут. Не говоря уже о маме. Даже хорошо, что мы по видеосвязи вместе будем. Я сперва хотела одна, а потом как представила, что при таких, хм, сложных обстоятельствах даже всегда сдержанный папа может проявить себя не с самой вежливой стороны и решила — лучше всё-таки с Киром. При нём родители будут держать себя в руках. Ну, я хочу на это надеяться.

Через какое-то время я сочла подготовку Кира если не убедительной, то хотя бы сносной и приготовилась нажать на значок видеовызова в скайпе.

— Последний вопрос, Майя. Если твой отец — воин...

— Военный, — кивнула я. — Генерал. Это высшее воинское звание.

Какое-то время пришлось потратить, объясняя Киру иерархию воинских званий. От рядовых до высших офицеров. Причём Кир ещё и морскими военными силами заинтересовался. И вообще слушал о военной карьере отца с нескрываемым удовольствием.

Меня же понесло, видимо, на нервной почве, и помимо нужной информации вывалила ещё ворох ненужной. О том, что пока папа был полковником — жили на границе, в тайге, а когда получил генерал-майора, сбылась мамина мечта и переехали в столицу. То есть родители устроились за городом, мы с Артёмом, понятно, в городе, причём я в общежитии, потому что, понятно, от любезного приглашения брата жить у него холостяцкой квартире наотрез отказалась, ну а старшие ещё раньше разъехались...

— Если твой отец — высший воин, генерал-майор, — старательно повторил нагшас. — Тогда почему ты хочешь представить меня, как торговца?

— Не торговца, а бизнесмена, — поправила я. — Ну сколько раз повторять, у папы связи. Он вмиг нашу легенду раскусит.

— То есть торговца сложнее найти, чем воина? — нагшас нахмурился. Он искренне не мог понять.

— Нет, конечно, — я не нервничаю, совсем не нервничаю. — Просто, если мы скажем, что ты военный, папа спросит фамилию, то есть имя рода, звание... Чин то есть.

— А у торговца не спросит? — обиделся нагшас. — Тогда я тем более не хочу быть торговцем.

— Р-р-р! — вырвалось у меня. — А, впрочем, идея. Скажем, что фамилию не скажем. И звание. До личной встречи. Из соображений конспирации.

— Идёт, — улыбнулся Кир.

От него не укрывалось, как я нервничала, и нагшас старалсяшний раз не отвлекать меня, не тянул внимание на себя, за что я была ему благодарна. Да за одно только то, что в первую очередь нагшас подумал о моих родных, и только потом обо всей этой детективной истории с Катлин, его стоило расцеловать. Но до поцелуев, понятно, ещё дойдём.

— И-и-и, — протянула я, нажимая на кнопку мышки, — помолясь, поехали!!

Глава 43

Спустя две секунды на экране передо мной уже были родители. Словно знали, что я позвоню и прямо у компа ждали!

— Майя!!

— Дочка!!

— Ты с ума сошла?!

— Где тебя носит?!!

— Мама, папа, — мой голос дрожал, но радости в нём всё же было больше. — Простите, что так вышло. Я телефон потеряла и...

— Телефон твой нашли, — папа скрестил на груди руки, буравя меня взглядом, довольно тяжёлым, кстати, как у всех военных. Кира же, понятно, специально не замечал. — И из вещей ты ничего не взяла! Не позвонила, не написала... И это моя дочь! Верх безответственности!

— Прости, папа.

— Майка? Ты? Ну я же говорил, найдётся!

— Артём!

И не только Артём, но и Вик и даже Макс у родителей в гостях «случайно оказались». Один проездом из Европы, другой из Азии, ага...

Под мамиными глазами пролегли тени, и отец выглядел осунувшимся. Присутствие всех старших братьев в родительском доме тоже рассказало о многом. Но... что я могла поделывать? Мне Катлин не дала возможности с родителями попрощаться, когда на своё место зашвыривала. Найду — урою. Решено.

Спустя минут десять, пока все говорили, представлялись и восклицали невольно, и все ахи, вздохи и угрозы (да-да, было и такое) немного поутихли, удалось, наконец, озвучить «легенду».

О том, как всё получилось неожиданно, и не рассказывала я, чтоб не сглазить, и сессия эта ещё, и Кир, то есть Кирилл, вот он, кстати, и всё такое. В общем, мы сейчас у его родителей, в Испании, да-да, папа, что-то вроде смотрин. Потому что у нас серьёзно, ага. Нет, мама, я себя прекрасно чувствую и отвечая на твоё покашливание — нет, я не беременна. А встречаемся мы уже год, с тех самых пор, как я поступать приехала, только вот повода не было рассказать. Но мы это обязательно-обязательно исправим.

— Майка, ну вот как ты могла? — покачал головой папа. Злиться он устал, психовать и переживать — тоже. И поэтому просто смотрел на меня с укоризной, и на Кира тоже смотрел, и довольно хмуро. Впрочем — смотрел, а не игнорил, и это уже хорошо. Братья тоже смотрели. И мама, понятно. Впрочем, мама выполняла другую миссию — дезориентировала противника вопросами, знаю не понаслышке, как жутко это раздражает, но Кир держался молодцом.

— Военный? — хмуро сверкнул глазами отец.

— Так точно, — подтвердил Кир, и я поняла, что решение представить его бизнесменом выглядело глупо. У папы глаз-алмаз. К тому же, свояк свояка...

— Звание.

— Майор.

Я чудом не поперхнулась. Что ж сразу не маршал? Хотя по их, нагшасским законам, он наверняка маршал и есть, поэтому ещё повезло, что Кир майора согласился перед моими родителями изображать.

— Фамилия.

— Папа! — возмутилась я. — Мы не скажем. Пока. Ну, я ж тебя знаю!

Папа смутился, даже щёки порозовели.

Пробурчав, что, дескать делать ему больше нечего, как моих женихов проверять и вообще он ожидал большего доверия от дочери, отец передал эстафету братьям.

Но вообще градус напряжения в воздухе снизился.

Кир отвечал на многочисленные вопросы спокойно, как всегда. Держался вежливо, уважительно, и в то же время достойно. Это была та простота, которая присуща лишь действительно значимым людям. И родители, конечно, это считали, понемногу успокаиваясь. А я поняла, что ещё больше в него влюбилась, хотя, казалось, куда уж больше. Мог ведь вообще в этом во всём этом цирке не участвовать. Или заявить что-то из серии — ваша дочь моя жена, а я тут местный наиглавнейший лорд, и свою дочь вы больше не увидите, общаться будете по скайпу, и то, если я разрешу... Что-то мне подсказывало, что есть в этом мире (как и в нашем, конечно) подобные экземпляры...

— И всё же, как ты могла, Майка. Не ожидал я такого...

— Пап, — смотрю на отца также пристально, как он, не опускаю взгляд. — А ты бы отпустил?

Отец нахмурился.

— Одного не пойму, откуда у нас в роду цыганам взяться, — проворчал он, явно намекая на моё «за любимым в ночь».

— Пожалуйста, не волнуйтесь за Майю, — сказал Кир. — Я приношу свои извинения, что наше знакомство состоялось таким образом.

Папа отмахнулся.

— Что я, свою дочь не знаю, — сказал он. — Можно подумать, тебя спрашивали.

— Папа! — возмущённо пискнула я.

— Майя поделилась со мной сомнениями, и я её поддержал, — кивнул Кир. — Решил, что если ей проще представить нас по видеосвязи, не настаивать. Но с условием, что вскоре мы обязательно познакомимся. По-человечески.

— Насколько вскоре? — тут же встал в стойку папа.

К моему удивлению, мама, которая успела оправиться от шока и смотрела на Кира почти одобрительно, встала на мою сторону.

— У ребёнка каникулы, — напомнила она. — Пусть отдохнёт, позагорает.

— Как будто я против отдыха, — возмутился отец. — Отдохнуть, между прочим, и на Кубани можно.

— Успеем ещё, — кивнула я. Понимаю, что Кир так сказал, чтобы не волновать их ещё больше, и всё же сочла нужным поддержать ложь. Главное сейчас — успокоить. А потом... ну, потом и будем думать.

У братьев, как оказалось, к нам тоже множество вопросов было, то есть к Киру. Они беседовали, а у меня сердце замирало. Вот-вот нас раскроют... Не раскрыли.

— Скажите, Кирилл, а как вы познакомились? — спросила мама и я поняла, что враньё только началось. Потому что посвящать моих в детали нашего знакомства — это, извините, слишком.

— Сначала я увидел Майю во сне, — с улыбкой сообщил Кир маме. Братья тут же начали толкать друг друга локтями и перемигиваться. Пришлось показать кулак. Не помогло.

— Молоток, — подмигнул Киру Макс. — С романтикой на «ты».

— Майка, неужели с тобой это проканалом? — не проникся Артём.

Вику тоже явно было, что сказать, но под взглядом мамы он умудрился сдержаться.

— Майечка — очень романтичная девочка, — сообщила мама, и братья откровенно заржали.

— Поросята, — покачала головой мама.

Кир же продолжил врать. То есть фантазировать.

— Поэтому, когда мы встретились в первый раз, я её узнал. И тут же предложил выйти за меня замуж.

— Да ладно!

— Врёшь!

— Серьёзно, что ли?!

Отца тоже «проняло».

— А Майка что? — спросил и замер. И все замерли, в ожидании ответа. Я же молилась только об одном, чтобы Кир не ляпнул, что мы вроде как уже женаты. Такого мне просто не простят. Придётся про попадание в мир колотиться. Потому что, если что-то и может смягчить сердца моей семьи, что лишила их возможности увидеть мой первый танец в свадебном платье и крикнуть «Горько», так это пара покушений и брак, заключённый на крови, ага. Который уже не расторгнуть.

— Майя до сих пор думает, — серьёзно сообщил Кир и мой облегчённый выдох заметили все, и истолковали его таким образом, что я уже почти не думаю совсем, а вроде как решилась.

— Я обязательно, после того, как вернёмся, буду просить у вас руки вашей дочери, — серьёзно сообщил Кир.

Больше никто не ржал, не подкалывал ни меня, ни Кира. Как-то понятно стало, что он говорит серьёзно.

— Дожили, — пробормотал папа. — Всё у вас не как у людей! Даже родительского благословения они по интернету просят!

— Пап, мы пока не просим, — робко напомнила я.

— Ша, молекула! — гаркнул папа. — Нужны мне твои просьбы...

— Майечка, но у вас точно всё хорошо?

— Очень хорошо, мама, честно! — киваю часто. — Лучше не бывает. И стыдно тоже, очень.

— Главное, чтобы ты была... вы были счастливы.

— Мы счастливы, мам...

И у кого-то глаза на мокром месте. И этот кто-то — не только моя мамочка.

Мама, правда, быстро с собой справилась. И, стремясь предупредить «новую волну» в виде расспросов о семье, к чему ещё надо подготовиться, сообщила, что мы, вообще-то ненадолго и у нас тут мероприятие запланировано...

Мама посмотрела на меня укоризненно, но ничего не сказала.

Во взгляде на Кира всё же прослеживалось беспокойство. Но тут Беська снова доказала, что умеет быть полезной и молоко не только за вредность и красивые глаза получает.

Вид мурлычущей кошки, лънущей к Киру, даже меня умилил, не то, что маму, которая убеждена: дети и животные — главный катализатор внутреннего мира человека.

— Майка! — сказал за братьев Вик. — Не вздумай пропадать снова! — и, уже Киру: — Если что, с тебя спросим.

— Спросим, — подтвердили остальные слова старшего.

Кир выдержал взгляд и пообещал проконтролировать, чтобы с этого дня связь была регулярной.

Прежде, чем попрощаться, папа всё-таки не удержался и погрозил пальцем, как маленькой.

— Смотри, Майя, чтоб без глупостей!

- Папа, — краснею, хлопаю ресницами и изображаю само послушание, да: — Глупостей он пока не заслужил.

Бровь Кира приподнялась, но этим, слава богу, и ограничилось.

— Моя дочка, — перефразировал папа обожаемого всей нашей семьёй Ивана Степановича и подмигнул маме: — Кремень!

Отключив связь, я бессильно откинулась на спинку кресла.

— Как вагоны разгружала, — пожаловалась я Киру, который, конечно, тут же потребовал объяснить, что такое вагоны, благо, комп под рукой, причём с интернетом, так что не только рассказать, но и показать получилось.

— Ты разгружала вагоны?! — и при этом так многозначительно на мои джинсы покосился.

Я закатила глаза.

Пришлось сделать семантическое отступление для ознакомления со сленгом, жаргоном, устойчивыми выражениями... Впрочем, к тому моменту, как закончила, пальцы уже дрожать перестали. Я явно недооценила своё беспокойство за родных, и теперь, когда всё более-менее улажено, меня немного накрыло.

Кир терпеливо ждал, не перебивал, не донимал расспросами, а просто держал за руку. Это помогло успокоиться окончательно.

— Ну что? — спросила я. — Теперь вспоминать, как с Катлиной встретились? Я, кажется, в этом разуме богини понемногу ориентироваться начала.

— Погоди, — попросил Кир, и, потянув меня за руки, помог встать и пересест к нему на колени. Я была совсем не против. А очень даже за. Когда поцелуй закончился, Кир смущённо улыбнулся: — А этих... ниндзя-черепашек покажешь? И эти игры... компьютерные. Которые с грифонами?

Я сперва ушам своим не поверила, но нагшас говорил серьёзно! Нет, я думала, что меня сейчас тут интимом ошастливят. А мальчишки всё же во всех мирах мальчишки. Даже когда все из себя сильные и властные лорды-нагшасы. Даже когда нам каждая минута промедления грозит обернуться общественными работами.

Ну, конечно, показала. И Рафаэля с Микеланджело, и пару своих любимых видео-игр, и даже, воспользовавшись тем, что здесь всё-всё-всё реализовать можно было, организовала нам очки с дополненной реальностью. Хотела ещё виртуальный шлем, как в компьютерном клубе юзала, но решила пока остановиться на малом. Впрочем, очки Кира не сильно впечатлили, а вот MMORPG нового поколения... фэнтезийная, с великолепной графикой и интересными квестами... В общем, я поняла, что нагшаса я потеряла. На какое-то время.

Так, пока Кир с азартом погружался в мир видео-игр, я тоже времени не теряла. Проверила почту, друзьям в чаты отписалась, что, мол, не теряйте. Сокурсники сразу

отреагировали — вот оно, мол, почему от вечеринки по случаю сдачи сессии отмазалась. Бабушкам тоже отписалась, пообещав их с дедушками к следующей скайп-конференции с родителями подключить — да-да, прапредки у меня продвинутые, есть чем гордится, и, слава богу, новости о моём исчезновении, как я и думала, до них пока не дошли.

В какой-то момент поняла: окончательно успокоилась, чему немало поспособствовала знакомая одежда и обстановка. И вполне готова к встрече с Катлин, пусть и в воспоминаниях. Чего нельзя было сказать о Кире: нагшас азартно водил мышкой и клацал по клавиатуре, высунув кончик языка.

Я прыснула.

— Кир, — позвала его. — Ки-и-ир!

— Сейчас, сейчас, — не оглядываясь, пробурчали в монитор. — Всего два огра осталось!

И я поняла, что общаться с родителями буду даже чаще, чем нужно. Ещё один донат в пользу Кира от моего семейства.

— Ты видела?! Нет, ты это видела?!

— Аппнулся, — не стала я спорить.

— Двадцатый уровень! — с гордостью сообщили мне.

Я только руками развела.

— You are my hero.

— Что?

— Ты мой герой, говорю. Мы в моё тёмное прошлое пойдём или ограничимся виртуальной реальностью?

Глава 44

В прошлое мы, конечно, пошли. Надо сказать, было странно наблюдать себя со стороны. И, судя по ворчанию кошки, странно было не мне одной.

В надёжном кольце рук Кира мы с Беськой наблюдали нашу короткую, и, увы, бесславную схватку с собаками. Я чувствовала себя в интерактивном театре или, скорее, в кино из научной фантастики, потому что играла в этом театре я.

— Страшнее зверюг я не видела, — вздрогнув, призналась я Киру, глядя как на нас с Беськой несутся три создания преисподней.

— Это не звери, — тихо сказал Кир. Причём в голосе нагшаса я явственно расслышала грусть. Но уточнить не успела — на сцену вышло моё Отражение.

С каждой новой репликой Катлины память ко мне возвращалась и уже казалось немислимым, что я вообще могла забыть такие яркие моменты...

Увы, о том, что Катлин намерена с моей помощью получить силу Кира, не прозвучало ни слова. То ли Катлин действовала спонтанно и импровизировала, то ли — к этой версии я больше склоняюсь — была очень и очень осторожна.

На моменте, где Катлин обещала, что «Тхрагорский будет ей тапочки в зубах носить», Кир снова напрягся, а я... я просто рвала и метала. И только мысли о том, что я с ней сделаю, когда эта дрянь мне попадётся, помогали. Немного, правда.

— О самом главном ни слова, — подвёл итог Кир, когда «кино» закончилось.

— Она не очень в себе уверена, — нахмурившись, кивнула я.

— Почему ты так думаешь?

Я пожала плечами.

— Катлин знала, что переход между мирами сопровождается кратковременной амнезией? Потерей памяти?

Кир кивнул.

— Конечно.

— И что рано или поздно память вернётся. В данном случае, благодаря вашей Безликой, это случилось раньше.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что она программировала меня.

— Програ... что?

— Внушала, что мне нужно тебя бояться. Настраивала на то, что в Нагшасе мне не выжить. Пугала, понимаешь? Добивалась полной дезориентации. А потом тем же занимались Греста с Рамирой. У Катлин действительно был прекрасно подготовленный план. Не верю я, что она действовала по обстоятельствам. И всё же она подстраховалась. Со мной.

— Потому...

— Потому что не уверена в себе, — кивнула я.

— Она и в самом деле растратила слишком много силы, — согласился Кир. — Раз даже её люди это заподозрили...

— И действовали очень слаженно, — подтвердила я. — Такое ощущение, что подозревали в растрате силы уже давно, и думали, как извлечь из этого выгоду... Кстати, а почему они считали, что анам Катлин не поможет? Не защитит от беременности?

Кир нахмурился.

— Анам — дар Безликой всем женщинам, — сказал он. — Драгоценный дар. Это связь с самой богиней. По сути, это мощный магический артефакт, — он покосился на чёрную светящуюся кошку, выглядывающую из-под рукава футболки. Беська мягко ударила светящуюся морду лапой, и та тут же спряталась. Зато вместо морды показалась светящаяся лапа и попыталась достать Беську, что в обще-то не просто, потому как лапато — нарисованная!

— Анам даёт здоровье, молодость, долгую жизнь, — продолжал Кир. — Но расходовать его силу — святотатство. Это всё равно, что воровать у самой богини.

— Как залезать в карман, будучи в гостях, — поняла я.

— Вот именно. Катлин, скорее всего расплатилась силой анама с демоном, — покачал головой Кир.

— И это не самое ценное, что она ему подарила, — не удержалась я.

— Свой дар обратно богиня не забирает, но сила анама слабеет.

— Что логично, — вздохнула я.

— Устала?

— Есть немного.

— Тогда полетели домой.

— Если удастся откосить от общественных работ, — фыркнула я.

От мытья полов и отливания свечей откосить удалось. На этот раз, по-крайней мере. Верховная эйва была настолько впечатлена нашими с Киром драными джинсами и футболками с ниндзя-черепашками (нагшас свою тоже разукрасил), что отпустила сразу. Хоть и ждала в соседнем зале, должно быть, специально, чтобы дать нам возможность одухотвориться трудом, о чём красноречиво свидетельствовали также стоящие поодаль щётки и вёдра с водой.

Судя по лицу Верховной, она решила, что мы всё это время сражались с монстрами с риском для жизни.

А я поняла, что чувство юмора у Безликой есть.

Сюда мы летели на Тите, причём я сидела перед Киром, перекинув ноги через его бедро, — а как ещё летать на грифоне в этом кимоно?

На обратной дороге, к моему удовольствию, можно было лететь по-человечески, о чём я Киру и сообщила, когда вышли из праХрама.

— По-человечески — это прижимаясь ко мне грудью и с казацкой песней? — невинно уточнил Кир, вспомнив моё по пути сюда: «С вами грифоньи авиалинии, с нами безопасно, страстно и под музыку! Счастливого и приятного полёта!».

— По-человечески — это значит быстро! — вспыхнула я.

— Ну смотри, сама напросилась, — пообещали мне.

— Мне показалось, или ты мне угрожаешь?

— Всякое может быть, — развёл руками зеленоглазый. — Но, если обещаешь не падать, научу управлять грифоном.

— Если?! Да ты издеваешься! — ткнула его кулаком в плечо к вящему шоку проходящих мимо эйв.

Кир засмеялся и обнял меня за плечи.

— Только при кровных так не делай, ладно?

— Думаешь, что бросятся на твою защиту?

— Хуже, — усмехнулся нагшас. — Будут всем рассказывать, что жена меня бьёт.

...Тит ожидал в храмовом саду и выглядел вполне довольным жизнью. Ещё по дороге сюда я опасалась, что меня снова от полёта «вштырит», как прошлый раз, но, к счастью, зря волновалась. Лёгкая эйфория, конечно, была, но не до потери контроля и чистого экстаза.

К тому же это новое, пронзительное восприятие мира чуть притупилось после... после того, как я нагшаса практически изнасиловала. Ладно-ладно, просто соблазнила. Хотя его и не нужно было соблазнять.

Но всё же на обратной дороге я с досадой (ладно, ладно, почти с досадой) вновь почувствовала знакомое и очень постыдное желание... петать и незамедлительно сообщила Киру, что держусь из последних сил, но, похоже, знаю, как с этим бороться.

Судя по тому, как уверенно (и незамедлительно! вот она, нагшасская реакция!) Кир положил мою ладонь себе на... наглядное подтверждение, что он всеми частями тела за моё пение, понятно было, что догадалась о способах борьбы, то есть одним способом, очень и очень эффективным, не только я.

Кир коротко свистнул, после чего Тит пошёл на снижение, а я поняла, что к этому самому способу собираются прибегнуть незамедлительно.

Глава 45

— Держишься? — спросил через плечо Кир.

— Руками и ногами, — заверила я его, с усилием оторвав взгляд от ртутной, в лучах заходящего солнца поверхности под нами. Мы же туда? Правда, туда? На это дивное озеро? Юху-у!

В следующий же миг грифон сложил крылья и камнем понесся вниз. Я захлебнулась восторгом! Глядя, как зеркальная гладь несётся прямо на нас со скоростью ветра, я завизжала, к явному удовольствию зеленоглазого.

Тит рывком расправил крылья над самой водой, застывая в воздухе, а потом сделал петлю! Мамочки! Меня приподняло и ощутимо усадило в седло. И, если бы я не держалась за нагшаса... нет, я знаю, что Кир никогда не позволил бы мне упасть, но выброс адреналина был просто сумасшедшим!

Прежде, чем спикировать на белоснежный берег, мы ещё несколько раз взмывали к самым небесам, скользили по невидимой спирали вниз, проваливались в воздушные ямы, носились наперегонки с ветром. И я визжала! Мамочки, как же я визжала! Боевой клич целого племени взбесившихся дикарей отдыхает, буквально! И Кир смеялся! Прямо раскатисто хохотал, гад! И пускал грифона в ещё более быстрый, стремительный, безумный полёт!

Вот это была скорость! Даже не так! СКОРОСТЬ!!!

Полёт! Волшебный! Бешенный! Безумный!

Только мы, только Тит, только небо, что то и дело оказывается у нас под ногами, только бьющий в лицо ветер! Мой оглушительный, полный восторга и радости визг, смех зеленоглазого и... недовольное ворчание из левой сумки, свидетельствующее о том, что Беська нашей общей радости не разделяет.

Когда я на покачивающихся ногах и не без поддержки Кира обошла Тита, испытывая непреодолимое желание поблагодарить грифона за аттракцион, показалось, что Тит смотрит на меня с укоризной.

— Бедненький, — принялась я чесать там, где по логике, должно располагаться ухо. — Ты совсем загонял бедную птичку, — укоризненно сказала я, обернувшись на Кира.

Грифон же, словно всё понимал, состроил такие глазки, что даже котика из Шрека далеко.

Кир засмеялся.

— Это он из-за тебя обиделся.

— В смысле? Громко кричала, да? — я принялась чесать и наглаживать с ещё большим усердием. — Прости, милый! Я эмоциональный экстраверт, это не лечится. Когда мне хорошо, я всегда кричу, — сперва ляпнула, потом поняла, что ляпнула. И, что логично, вспыхнула до самых корней волос. Кир, конечно, говорил, что дома у него эта их магическая звукоизоляция, но всё равно вдруг стыдно стало от некоторых воспоминаний.

Зеленоглазый развеселился ещё больше.

— Он волновался, что ты испугаешься, — пояснил нагшас.

— Ах ты мой хоро-оший, — я буквально повисла на шее грифона, млея от удовольствия. — Из-за меня, значит, расстроился...

— А я — хороший? — раздалось за спиной ревнивое.

Со смехом обернулась.

— Ты — самый лучший! — уверенно заявила я, обвивая шею нагшаса руками и целуя в

губы. — И отдельное тебе спасибо за проявленное мужество во время знакомства с моими. Вот, ещё один поцелуй. И сюда. Вместо ордена.

Тит, воспользовавшись тем, что объект «торможения» сменили, и его оставили в покое, взмахнул крыльями и взмыл в небо. Воздушная волна из-под внушительных коричневых крыльев бросила волосы в лицо, пришлось отбрасывать и отплёвываться. В сгущающихся сумерках крылатый силуэт вскоре пропал из виду.

— А я думала, он устал!

Кир покачал головой.

— Чтобы загнать Тита, нужно куда большее, поверь.

— Кстати! Я-таки не упала! — напомнила я. — Ты обещал меня научить управлять грифоном!

— Это то, чего тебе сейчас больше всего хочется? — спросили с лёгкой укоризной в голосе и прикусили мочку уха.

Я ойкнула, чувствуя, что хочется, конечно, но кое-чего другого. И совсем кое-чего другого.

— Если честно, больше всего хочется есть, — призналась я, запрокидывая голову и подставляя шею для поцелуев.

— Поэтому мы здесь и приземлились, — шепнул Кир, прижимая меня к себе.

— Только ли поэтому?

Меня чмокнули в нос и сообщили:

— Здесь растут лучшие унгосхины в Нагшасе.

— Не знаю, что такое унгосхины, но звучит аппетитно! Впрочем, ты их мог назвать, как угодно, хоть трали-вали-ляли-фляли, я бы всё равно слюной изошла!

Унгосхины мы собирали в потёмках. А заодно ещё какие-то фрукты и орехи — что-то из этого звалось маклеей, что-то влитси, что-то трачатой, я, если честно, не старалась запоминать. Отметила только умопомрачительный аромат и внешнее сходство с манго — с жёлтым и оранжевым, а ещё с гуавой и мускатным орехом, только размером с кулак. После «сбора местного урожая» мы очень скоро собирали хворост.

В считанные минуты Кир разжёл костёр и на берегу сразу стало уютнее, а обратно, в дом, полный слуг, воинов и магов вообще расхотелось.

Пока я мыла в озере, а потом резала выданным мне складным ножиком-бабочкой фрукты и раскладывала их на плотных зелёных листьях, Кир слазил на самую верхушку дерева с пузатым стволом и нарезал прямо-таки гигантских листьев, наощупь бархатных и тёплых с одного бока. Из них мы соорудили что-то среднее между скатертью и покрывалом, и уют сразу обрёл целостность и завершённость.

Затем мы быстро, жадно и с удовольствием ели, вытирая липкие от сока пальцы прямо о листья. Какие-то фрукты полагалось есть сырыми, что-то среднее между фруктом и орехом Кир жарил на костре, нанизав куски на длинные палочки. На вкус местные фрукты оказались невероятными. Я ничего вкуснее в жизни не ела, о чём и сообщила довольному зеленоглазому.

— Ну, если тебя унгосхины так впечатлили, мне за тебя страшно, — подмигнул он, усмехнувшись. — Мы ведь даже ещё не приступили к главному...

— Блюда? — невинно захлопала я ресницами.

— Ага, — подтвердили, сверкнув зелёными парами. — Основному.

— Хвала Безликой! — воскликнула я, деланно всплеснув руками. — Я уж думала, что приехала на этот курорт, чтобы похудеть!

Кир подавил улыбку и пообещал со всей серьёзностью:

— Не переживай. Эйва. Голодной не останешься.

Закусив губу, я опустила взгляд.

Твёрдые горячие пальцы, пахнущие фруктами, поддели моё подбородок, вынуждая поднять лицо.

— Ты невероятна, — хрипло сказал Кир. — Ты смелая, смешная, уверенная в себе, заботливая. Ты открыто выражаешь свои чувства и желания и одновременно стесняешься, даже краснеешь... Как только я начинаю думать, что *увидел* тебя, проваливаюсь ещё глубже... Хватаю ртом воздух, барахтаюсь, ощущая себя совсем беспомощным. Это очень... странное чувство.

И — всё. Это — аут. Я даже не знаю, что сказать в ответ на такое. Да и надо ли что-то говорить?

Глава 46

Беспомощно облизала пересохшие губы и само собой вырвалось:

— Кир, оно всегда так? Вот так? — и прижала пальцы к груди.

Нагшас прекрасно меня понял.

— Не знаю. Со мной такое впервые. Иди сюда...

Я перебралась поближе, устроившись между расставленных ног Кира, спиной к нему. Меня бережно обхватили за плечи и повалили на себя. Чертовски удобно.

Не выдержав, я провела пальцем по обнажённой коленке нагшаса, выглядывающей из дыры в джинсах. Меня тут же шутливо хлопнули по пальцам.

— Не провоцируй! — хрипло выдохнули в ухо.

— А как же основное блюдо? — возмутилась я.

— Торопыга, — подняв мою руку к губам, Кир нежно поцеловал кончики пальцев. — Смотри.

Послушно уставилась на озеро.

— Ки-и-ир... — пискнула спустя минуту.

На чёрной глади воды одна за одной, распускались кувшинки, белые и розовые, и чем сильнее сгущалась тьма, тем отчётливее было видно, что края лепестков светятся!

И в воде отражаются звёзды! Яркие! Белые! А ещё в этом мире несколько лун, я, конечно, это раньше заметила, но только сейчас могла, как следует, рассмотреть три из них, те, что сейчас сияют на небе: жёлто-розовую, голубую и сиреневую в кольце фиолетовой дымки! Здесь луны явно ближе находятся к земле и потому выглядят просто огромными! Фантастически-красивыми...

— А это — Око Ночи, — показал нагшас на пышные кусты поодаль.

Я повернула голову и ахнула: на кажущейся в темноте чёрной поросли тоже распускались бутоны, голубые, с жёлтыми звёздными серединками и тоже светящиеся! Сгустившийся воздух чертят молнии светлячков, мерцают узоры на крылышках ночных бабочек...

— Здесь чудесно, — сказала я искренне.

— Хотел, чтобы ты увидела мой мир по-настоящему, — тихо сказал Кир, склонившись к моему уху. — Мне очень важно, Майя, чтобы тебе здесь было хорошо.

— А-ах, — не сдержалась я, потому что эта его близость... она пьянила, пронизывала насквозь, заставляла поджиматься пальцы на ногах... Всё же, справившись с собой, добавила: — Да я поняла уже, что всё, что было до, это демоверсия. Причём ломаная. Мне хорошо, Кир. Даже стыдно из-за того, *насколько* хорошо. Родные, друзья волнуются, дел неоконченных осталось там... Академию, куда так стремилась, каждое лето спортивные лагеря и онлайн-курсы сетевого администрирования... я ведь её даже не закончу. Да не в академии даже дело, я просто счастлива. Разве это правильно?

— Нет в мире связи сильнее, чем связь дракона и его сердца, драконида, — тихо сказал Кир. И вдруг оговорился: — И хоть я не дракон... Я не солгал твоим родителям сегодня, Майя. Я в самом деле видел тебя во сне.

Ступор. Буквально. А затем озарение — как вспышка в мозгу!

— В этом сне? В праХраме?

— Да, — ответил Кир после паузы. — После того, как мой дом почтила своим присутствием Баст, я пошёл в Храм. С одним-единственным вопросом к богине.

Поскольку дар богини — огромная редкость, я хотел узнать о своём предназначении.

— И что ты видел?

— Много всего, — ответили мне после ещё более долгой паузы. — Думаю, это был тот раз, когда богиня решила ответить с помощью знаков, иносказаний. С вопросами о судьбе так часто бывает. И дело не в мудрости, или самодурстве богов. Просто истина неведома даже им. Даже богам. Дороги каждой судьбы — как множество нитей в ткани мироздания. Всё зависит от того, какую из дорог ты выберешь. А ты выбираешь каждый миг, каждое мгновение.

— Там было что-то страшное? — тихо спросила я.

— Тебя не заболтаешь, — Кир шутливо чмокнул в макушку. — Но было в этой тьме кое-что светлое. В прямом смысле светлое. Рыжая, смеющаяся девушка, окутанная солнечными лучами. Такая хрупкая... и вместе с тем сильная. Лицо было трудно разглядеть, свет был таким сильным, что глазам становилось больно. Даже сейчас так бывает, Майя. Смотрю на тебя и кажется, вот-вот ослепну. Тогда... то чувство, которое меня охватило, когда я смотрел на ту незнакомку, не в силах отвести взгляд... такое не забудешь. Не спутаешь ни с чем. Это... это просто невозможно. В легендах сказано, что дракону неведомы чувства, пока он не отыщет своё сердце. Это хоть немного утешает нас, далёких потомков, сейчас. Мы лучшие воины, но... мы ничего не знаем о том, как это... Я даже не могу сказать любить, понимаешь? Я люблю отца, люблю кровных, люблю старую няньку, которая пела мне, когда я был маленьким. Люблю... память о матери, люблю Баст. А сердце... Разве его любишь? Оно просто необходимо, и всё. Без него нет жизни.

Молчу. Буквально, как громом поражённая. Потому что это... это... Ну вот как на такое ответишь? Слова не выразят, вообще ничего не выразят. Да и вообще излишни.

— Я не верил, что встречу тебя. Думал — там, во сне, может, тоже знак был, как и остальное. Может, богиня сулила после чудовищных испытаний благоденствие Нагшасу, я не знал. Я впервые увидел Катлин на лесной опушке, в полдень, в белом платье... Глаза слепило солнце...

— Только не говори, что почувствовал это к ней! — не выдержала я. — Правда, молчи, лучше молчи, Кир. Обмани меня. Но я не хочу этого слышать!

Меня сжали в объятиях, и я замолчала.

— Не почувствовал, Майя, в том то и дело. То, что ощутил, когда её увидел... я уже говорил. Это было совсем другим. Но память того, светлого, встрепенулась внутри, понимаешь? Я думал, что ещё немного и отголосок того чувства вернётся. Этого не случилось.

— А я думаю, Катлин не зря предстала перед тобой впервые именно в полдень, — задумчиво проговорила я. — Так сказать, в ореоле солнечных лучей...

— Я думал об этом, — ответил Кир. — Всё указывает на то, что она знала. О моей слабости.

— Чувства — не слабость! — возмутилась я. — М-да, слышали бы меня братишки... Сама себя не узнаю.

— Легко рассуждать о том, чего не знаешь, — согласился Кир, снова словно читая мои мысли. — Но тогда мне казалось именно так. Вот только... Я всё думаю, как Катлин могла узнать мою самую главную тайну?

— Тоже с помощью Безликой?

— Исключено.

— А с помощью этой её... демонической силы?

Почувствовала, как Кир помотал головой.

— Это невозможно. Кровь нагшасов сильнее демонической. Даже, прибегнув к высшей магии крови, у неё бы ничего не вышло.

— Наше детективное расследование становится всё более запутанным, — пробормотала я. — Сдаётся мне, ответить на это вопрос может только Катлин. А на Катлин мы выйдем, когда вычислим того, кто помогал ей попасть в твой дом.

— Это будет скоро, — уверенно сказал Кир. — Как только произойдёт вмешательство в охранные чары дома, мы узнаем имя предателя. И Катлин угодит в ловушку. Никто кроме кровных не знает о ней.

— Эм... Кир... насчёт твоего плана я поняла. А в кровных своих ты уверен?

— Да, — в голосе нагшаса зазвенела сталь. — Как в самом себе.

Я вздохнула. Я, если честно, ни в ком, кроме нас с Киром, уверена не была. Ну ещё в Беське.

Глава 47

Повисшая пауза была неловкой, я понимала, что обидела его недоверием к побратимам, и даже если скажу сейчас, что это не так, он распознает ложь, потому что действительно чувствует меня. Поэтому, чтобы немного снять напряжение, решила сменить тему разговора.

— Кир, а почему вы перестали рождаться драконами?

— Мы и раньше ими не рождались, — ответили мне. — Мы ими *становились*.

— Это как?

— Вообще это было так давно, что многие считают историю нашего народа — не более, чем легендами, — задумчиво пробормотал Кир. — Но на данный момент легенды — единственное объяснение, почему со мной не сработало проклятье Катлин и... того, что происходит сейчас. Между нами.

— Расскажи!

— В древности среди нагшасов были драконы. То есть те, кто имел вторую, магическую ипостась. Но, как я уже сказал, драконами не рождались. Драконами становились.

— Так как же? Становились?

— Самые сильные воины поднимались на плато Бхагарат, вотчину драконов. Там обитают эти магические существа.

— Ты хотел сказать, обитали?

— Нет. Эйва. Драконы и сейчас живут на огромном горном плато.

— Нифига себе! Здесь есть драконы!!

— Мои предки вызывали их на поединки, и, если побеждал нагшас, дракон становился его второй, магической ипостасью и верным спутником. Вторым «я».

— Нифига себе! — знаю, что повторяюсь, но я аж подпрыгнула от таких известий. — Это потрясающе! А если побеждал дракон?

Кир хмыкнул.

— Чтобы стать драконом, нужно сперва одолеть дракона. Если же дракон победил тебя, тебе никогда не стать им.

— Чёрт возьми! А почему... а как... Почему это прекратилось?

Кир пожал плечами.

— Никто не знает. Это случилось давно. Известно только, что воины моего народа перестали одерживать победу, даже самые сильные. Тогда поединки с драконами были запрещены под страхом смерти. Кажется, в тот раз дракону проиграл не то лорд, не то его сын. В летописях этот момент умело обойдён.

— Понятно, — вздохнула я. — Но разве не было больше среди вас психов?

— Психов?

— Ну, романтиков? Адреналинщиков? Рыцарей без страха и упрёка? Тех, для кого победа над драконом важнее собственной жизни?

Я не видела лица нагшаса, но почувствовала, что Кир улыбается.

— Говорят, прадед моего прадеда был драконом. Но этому нет подтверждений. Никто не видел его второго «я». Никогда. Так что...

— Я уверена, что ты бы победил дракона, — сказала я мечтательно.

— Вряд ли, — усмехнулся Кир. — Мы как-нибудь сделаем вылазку в окрестности Бхагарат, когда будешь уверенно сидеть на грифоне. Посмотришь на них издали. Поверь, это... впечатляет.

— То есть в то, что встретил свою истинную, свою дракониду ты веришь, а в том, что способен одолеть дракона сомневаешься? Ну, знаешь, Кир, это какие-то двойные стандарты! Ах! — я вынуждена была прикусить губу, потому что кое-кто перешёл от увлекательной беседы к действиям. Бесстыжим причём.

Мужские ладони бесцеремонно легли на внешнюю сторону бедер, медленно спустились, как раз на область нижних девяносто и сжали.

— Ки-и-ир...

— Что такое?

Пальцы он разжал, а вот ягодичы продолжили пылать. Более того, внутренний огонь подступился к иным... частям тела. Кир медленно освободил мои волосы от краба, затем перекинул их на одну сторону и припал в коротком поцелуе к шее, затем к щеке. Эта невинная ласка вызвала такой внутренний шквал ощущений, что я безвольно откинулась на него, тяжело дыша. Руки нагшаса скользнули на внутреннюю сторону бёдер, сжали снова и принялась медленно подниматься выше. Интимного места даже не коснулись, несмотря на то, что бёдра сами собой попытались раздвинуться, упираясь в колени Кира. Горячие ладони прошлись по животу и остановились на груди.

Всхлипнув, когда пальцы Кира сжались, я выгнулась и обернулась к нему, приоткрыв губы.

Губы Кира накрыли мои поцелуем и меня тут же молнией от макушки до поджатых пальцев на ногах пронзило. Отвечая на поцелуй, я провела пальцами по его щеке, затем перебралась рукой на затылок, сжала жёсткие волосы и надавила на его затылок рукой, делая наш поцелуй ещё более жарким и глубоким.

Время словно замедлилось. Каждое прикосновение, каждый поцелуй, ласка искрились от поглощающего изнутри дикого, безумного желания и в то же время были пропитаны волшебством этого места.

Стыдно признаться в этом даже самой себе, но кое в чём врать родителям не пришлось. Я была полностью и абсолютно счастлива, вот до кончиков пальцев счастлива. Я даже не знала, что способна испытывать такое. И пусть Кир с улыбкой заверяет, что моя внезапная чувствительность — следствие пробуждающейся силы ведьмы, я-то знаю, что это не так. Не совсем так.

Без вот этого чудесного зеленоглазого мужчины рядом всего этого бы не было. Я это точно знаю.

Сжав грудь снова, Кир заставил меня застонать и прижаться к нему ещё теснее. Его пальцы потянули майку вверх, и я подняла руки, чтобы ему удобнее было стянуть её с меня. Освободив меня от футболки, Кир расстегнул верхнюю пуговицу джинсов.

— Так нечестно, — прошептала я, ерзая обнажённой спиной по его рельефной груди. — Меня раздеваешь, а сам одетый.

Глава 48

Лорд Нагшаса счёл критику конструктивной, а замечание правомерным.

— Хочешь искупаться? — спросил он и прикусил мочку уха. Я возмущённо пискнула.

— А можно?

— Майя, ты меня пугаешь своей покорностью. Боюсь, твои уважаемые родственники мне не поверят, когда расскажу, что спрашивала разрешения поплавать.

Вместо ответа ткнула его кулаком под рёбра. Несильно, между прочим, а учитывая вмиг расширившиеся ноздри и зрачки во всю радужку, а также потяжелевшее дыхание, совсем слабенько.

— Я имею ввиду, мало ли, может у вас тут русалки водятся. Или феи.

— Фей не видел, — признался Кир. — Только читал о них. А если тебя интересуют русалки, слетаем потом на них посмотреть, на Лазурный берег.

— Здесь даже русалки водятся?! Офигеть! А почему ты так скривился? — хихикнула я.

— Мерзкие создания, — признался Кир.

— Ну вот, а у нас их такими няшными изображают.

Кир передёрнул плечами.

— Я по большому счёту характер имел ввиду, но и вся эта чешуя, плавники, когти... б-р-р. Рыба она и есть рыба.

— Интересная у вас рыба, — хихикнула я, отстраняясь. — С когтями.

— Ты куда?

— Как куда? Купаться. Раз здесь безопасно и ни у кого разрешения спрашивать не надо.

Первые пару шагов пятилась, с удовольствием наблюдая за реакцией нагшаса. А затем развернулась и медленно пошла к озеру, одетая исключительно в лунный свет.

— Майя... — раздалось сзади хриплое.

Не ответила и не обернулась.

Вместо этого осторожно вошла в воду. Она оказалась тёплой, приятно освежающей разгорячённое тело. Невольно замерла, скользя взглядом по ночному озеру. Нереально красиво. Светящиеся кувшинки, лунная дорожка на гладкой, как зеркало поверхности... Искры светлячков над головой... И так тихо... Только шелест листьев на ветру, стрекот цикад, уханье ночной птицы...

Сзади раздался всплеск. Кир вошёл в воду следом за мной.

Я успела зайти по пояс. Не удержалась, обернулась и невольно залюбовалась нагшасом. Просто... им трудно было не залюбоваться. Смуглый, с белоснежной улыбкой и волосами, торчащими в разные стороны... идеально сложенный. Вот просто идеально! Даже к симметрии кубиков на прессе не прикопаешься. И он смотрел на меня так... В глазах не огонь даже, а кипящая лава. И от того взгляда так тепло на душе, так... бесподобно. И голова кружится, и колени слабеют, и губы сами собой растягиваются в совершенно идиотской улыбке... потому что чувствую себя под этим его взглядом особенной, и вообще единственной в целом мире, нет, во всех мирах... и почти верю во всю эту их теорию драконьего предопределения...

Не в силах выдерживать этот магнетически притягательный вид, со смехом окатила Кира водой. Стало только хуже: влажные ручейки и дрожащие капли на идеальном, подтянутом мужском теле — зрелище не для слабонервных. И влажные разноцветные чешуйки на плече и поясе замерцали, окончательно меня дезориентируя.

Хороши озёра тем, что, когда колени подкашиваются, можно просто поплыть. Плыву... тёплая, какая-то очень мягкая вода ласкает обнажённую кожу... плыву и понимаю со всей очевидностью: пропала. Совсем пропала. Окончательно, бесповоротно, бессовестно. И обратной дороги нет. Не только он в меня «проваливается». Я тоже в него «влипаю».

Кир догнал меня в пару гребков, привлёк к себе, жарко лаская одной рукой грудь, а второй... ниже. И, хоть молчу уже как бы давно, всё равно ощущаю внушительный комплимент своим вокальным данным... Разворачиваюсь в кольцо его рук, отвечаю на поцелуй. Влажный. Бесцеремонный. Безумный.

Обхватываю его не только руками, но и ногами.

— Майя...

— Ки-ир, — в тон отвечаю ему.

— Ты — лучшее, что могло со мной случиться.

Знаю, что неправильно, вроде как девушка должна быть сдержанной, принимающей стороной, воспитанной и в рукавах-фонариках... а, к чёрту!

— А ты — со мной. Я... это безумие, но я... кажется, люблю тебя, Кир. Честно. И... это серьёзно.

— Единственная моя. Моё сердце. Любимая.

...Мерцание звёзд на бездонном ночном куполе. Они покачиваются в такт его резким, почти грубым движениям. Кричу... И мой крик взмывает к самым небесам, и разбивает этот купол! Звёзды! Целая россыпь звёзд струится огненными дорожками вниз... И мир взрывается фейерверком, превращается в непрерывно движущийся и меняющий узоры калейдоскоп... Кричу!.. И остатки моего сознания смывает кайфом — бешеным, безудержным, выходящим за пределы понимания!

...Прихожу в себя, ощущаю стальное кольцо его рук, чувствую тёплое дыхание на шее и понимаю, что мне мало, мне снова чертовски мало! Так мало, что кажется, я прямо сейчас с ума сойду...

— Ки-ир...

— Повернись. Эйва, — хрипло командует он. — И упрись локтями.

...Обессиленные, расслабленные мы долго лежали в обнимку, ловя в полудрёме затухающие волны удовольствия. Не хотелось нарушать эту идиллию, но она так или иначе пойдёт на спад, когда начну думать над самым болезненным. А я уже, кстати, начала.

И поэтому решила:

— Кир, а в чём заключается проклятье?

Глава 49

Какое-то время Кир молчал, гладил меня по плечам, волосам. Я, понимая, что вопрос непростой, не торопила. Какое-то время. А потом, когда поняла, что нагшас совсем не спешит отвечать, добавила с нажимом:

— Прости, что не спросила раньше.

На этот раз Киру пришлось отреагировать.

— Я... если честно, Майя, я не хотел бы об этом говорить.

— Кир, пожалуйста... Так нечестно, — добавила я. Конечно, прозвучало по-детски, но на Кира аргумент почему-то подействовал.

— Те псы, Майя, что преследовали Баст в твоём мире, они...

— Ты говорил, что они не звери, — тихо сказала я, потому что он снова замолчал.

— Так и есть. Ты их видела, в Валдарии, в поместье Помаевских. На крестах. Это часть ритуала высшей магии крови. Катлин спешила, зная, что я иду за ней. Думаю, она понимала, что её силы недостаточно и послала украденные души на поиски своего Отражения.

— Вот почему они не трогали меня...

— Именно. И они не за Баст гнались, а за тобой. Баст защищала... Чары, которыми пользуется Катлин, базируются на крови. С их помощью она подчиняет жертву, забирает её силу, разум. В случае тех несчастных — ещё и душу.

— Они осыпались пеплом...

— Это говорит о том, что Катлин не смогла долго удерживать власть над душами. На контроль душ требуется много сил. Конрад, Исида и Ишир не смогли распознать всех компонентов яда, которым воздействовали на меня. Но состав сильно отличался от того, который используется в высшей магии крови для изъятия силы обычных людей. Для них тёмная магия использует ритуальную кровь животных. Чем сильнее животное, тем больше вероятность успеха. Катлин неслучайно использовала драгвейгеров, когда обращала тех троих, что отправила на твои поиски. Это старинная охранная порода: они не только лучшие бойцы, но и отличные сыщики.

— Погоди, Кир, — осторожно перебила я. — Масштаб изощённости и безжалостности Катлин, конечно, впечатляет, но... Я, всё-таки, про твоё проклятье хочу узнать.

— Я к нему и веду.

Кровный Ритуал Изъятия проходит так: сперва приносится в жертву животное, чей облик впоследствии должна принять жертва. Кровь этого животного — важный компонент для яда. Усиленный чарами, яд подчиняет жертву. И пока она умирает — а смерть от кровного проклятия может быть очень долгой и мучительной, происходит изъятие силы.

— Анарх Арслама, — прошептала я.

— Да, — кивнул Кир. — Он должен был убить меня, учитывая последующее вмешательство Катлин.

— Но ты выжил, — прошептала я. — Значит, проклятье не сработало?

Кир не ответил.

— Кир? — мой голос дрогнул. — Скажи, пожалуйста, что я права, что проклятье не сработало...

— Потому что это не так, — мягко сказал Кир. — Оно замедлилось, сильно замедлилось, Майя. Мы же, нагшасы, всё же иные. Ишир считает, что для того, чтобы проклясть меня

и изготовить яд, Катлин собрала кровь самых сильных животных. Вот только алхимики не могут понять, каких именно.

— А это важно? — встрепелась я.

— Важно. Если это выяснить, есть крохотный, но всё же шанс.

— Кир! Но это же отличная новость!

— Это всего лишь гипотеза, Майя. Я бы не советовал верить в неё безоговорочно, чтобы потом не... разочароваться. Конрад, например, считает, что Ишир неправ и Катлин использовала кровь проклятого, так у нас называют больных чёрной скверной.

— Чёрная скверна?

— Эту болезнь называют ещё проклятием богов. Говорят, первым, кто заболел ею, был королевской крови. Не знаю, так это или нет. Лекари и маги бессильны. Заболевшие отправляются в Валарагхар, Проклятые земли: место, огороженное магическим контуром, которое невозможно покинуть... К слову, Исидо уверен, что Катлин не побрезговала ни животными, ни проклятыми.

— А лекарь у вас самый оптимист, да, — буркнула я.

— Катлин действовала наверняка. Проклятье, которое она навела, постепенно лишает человеческого облика. Чешуя на моём теле — лучшее тому подтверждение.

— Что?!

— И разума, — добавил он после паузы.

— Кир? Что ты такое говоришь? — я так и подскочила на месте, развернулась к нему, усевшись на пятки. — Ты... ты самый сильный и здоровый из всех, кого я знаю. И самый здравомыслящий!

— Майя, — Кир накрыл ладонью мои пальцы на своей щеке. — Моя кровь сопротивляется проклятью. И сила тоже сыграла свою роль... Поэтому процесс идёт медленно. Будь я обычным человеком... вполне мог бы быть одним из тех псов. Но поскольку я — нагшас, в моих жилах кровь древних драконов, я превращаюсь в чудовище.

— Нет, Кир...

— Да. Ещё год назад чешуи на моём теле почти не было. Как только она распространится на всё тело, я утрачу разум, превращусь в монстра, чью тень ты видела на стене.

Молчу. И кажется, моё молчание истолковали по-своему. Неверно то есть.

— Но ты не должна бояться. Я уйду в Валарагхар раньше.

— Куда это ты собрался?!!

— Место для таких, как я. Туда, откуда обратной дороги нет. Там я не смогу причинить никому вреда.

— Катлин сказала, что проклятье замкнуто на её...

— Кундалини, — кивнул Кир. — Сексуальной энергии.

— То есть... близость с ней должна была избавить тебя от проклятья?

Снова кивок. И внимательный, печальный взгляд.

— Отец настоял на родовом браке. И не потому, что снятие моего проклятья и его исцелит, а потому что на мне — ответственность перед Нагшасом. И всем Кеметом. Мы, нагшасы с древних времён своей силой поддерживаем охранный контур между Кеметом и Валарагхаром, землями Проклятых.

Молчу. Потому что ошарашена. И потому что стоит только мысль допустить, что он и... эта. Так больно...

Но всё же, каким-то непостижимым образом нахожу в себе силы задать следующий вопрос:

— То есть, если... то есть когда она попадётся, вы с ней... П-проклятие спадёт, да? Кир? Кир... Не молчи, пожалуйста...

Кир покачал головой, поднялся и обнял меня. Положила голову ему на плечо, чувствуя, прямо физически чувствуя, как моё нечаянное счастье камнем несётся вниз и... бьётся вдребезги. Разбивается на тысячи, миллионы осколков! Таких мелких, что не соберёшь, не склеишь...

Кир нежно погладил меня по спине и выдохнул в волосы:

— Это исключено, Майя.

Со всхлипом отпихнула его от себя. Ударила ладонями в грудь.

— Что значит, исключено?! Это ты из-за меня, да? Даже не вздумай! Кир! Мне легче пережить одну ночь, чем всю жизнь... без тебя. Когда ты, — голос позорно дрогнул, и я всхлипнула.

Меня снова привлекли к себе, отстраниться, несмотря на сопротивление, не дали.

— Казачка, — прошептал он. — А о том, что у нас с тобой кровный брак, ты и забыла.

— Ки-ир... — простонала я.

Боги! Какая же я дура! Беспросветная, непроходимая идиотка! Как я могла забыть?! Просто... так быстро всё и так всего много свалилось... Как ещё мозгами не тронулась, вот в чём вопрос.

— То есть после того кубка, когда мы кровь друг друга выпили... Ты только со мной, да?

— Точнее после того, что было в моей тренировочной комнате, — подмигнув, ответил Кир. — Мы именно тогда консуммировали родовой брак, — и добавил: — Я — нагшас, для меня одного ритуала крови недостаточно.

— Не может быть... Кир! Ты ведь знал, что так будет!

— Знал.

— Тогда почему... Ты ведь мог отказать мне, тогда... Мог всё объяснить, и я даже про Катлин поняла бы, Кир... Ну зачем...

— Ты не представляешь, что со мной было, когда понял, что нашёл тебя, рыжая девочка из солнечного сна, посланного богиней. Я знал, что никто не поймёт, никто... и не мог иначе. Если бы я тогда остановился и рано или поздно нашёл Катлин и снял проклятье, мы никогда не могли бы быть вместе, понимаешь? Эйва.

— Родовой брак не позволил бы, — шмыгнула я носом.

— Я не мог потерять тебя. Не мог. Это как ощутить в своей груди сердце, бьющееся, трепетное, а потом разодрать грудную клетку и выдрать его! После того, как я допросил служанок и отдал распоряжения не беспокоить тебя, полетел в праХрам. Во-первых — поблагодарить Безликую, а во-вторых спросить, как быть теперь, когда я отказался от снятия проклятия.

— Что сказала богиня? — глухо спросила я.

— Катлин не получит моей силы, — сухо ответил нагшас.

— То есть проклятье... Неужели нет другого способа избавиться от него?!

— Давай не будем больше об этом, Майя? Поверь, меня ещё рано хоронить.

— Дурак!

— Пусть это не продлится долго, обещаю: наше счастье будет таким огромным, что боги будут нам завидовать. Ложись, — он снова увлёк меня на листья. — Завтра долгий день, нам обоим не помешает восстановить силы.

Он и вправду заснул сразу, такое впечатление, как только закрыл глаза. Непрошибаемый! Хотя... Он давно свыкся с мыслью о своей страшной судьбе. В отличие от меня.

Я же, в отличие от Кира, никак не могла уснуть. Ворочаться тоже не сильно получалось: при малейшем намёке на движение меня подтягивали ближе.

Когда над верхушками деревьев на той стороне озера забрезжил рассвет, я спросила:

— А если я буду не здесь?

— Что? — сонно спросил Кир, целуя меня в плечо.

Я с силой зажмурилась, чтобы не разреветься, и заставила себя продолжить:

— Ну, если я буду в своём мире. Это ведь возможно? Молчишь? Я и так знаю, что возможно. Это ведь очень далеко, даже больше, чем далеко. Вряд ли законы кровного брака вашего мира распространяются на мой. У нас нет магии! А если связь не будет действовать, ты сможешь... Снять проклятье.

— Майя, пожалуйста. Я не хочу даже слышать такое.

— А я не хочу, чтобы ты умер из-за меня!! — я больше не могла держаться, разрыдалась. И рыдала прям в голос, сотрясаясь от всхлипываний.

— Я хочу этого! Понимаешь, хочу! Я хочу снова поменаться с этой с... местами!! Дурак! Какой же ты дурак, Кир!

Истерика длилась долго. Мне показалось, вечность. На этот раз Кир не просил прекратить, не говорил, что ему больно, когда я плачу. Я итак это знала и ничего не могла с собой поделать. Он просто прижимал меня к себе, гладил по голове, плечам, спине, целовал заплаканное лицо, укачивал, как маленькую и молчал.

А когда я выдохлась, сказал:

— Этого не будет, Майя. Никогда. Я не отпущу тебя. Мы призовём лучших магов, если нужно отправимся даже в Небесную Обитель, в поисках того, что замедлит действие проклятья ещё сильнее. Всё, что угодно, казачка. Но никогда не проси отпустить тебя. Никогда.

— Я и не прошу, — всхлипнула я, обмякая в его руках. После продолжительной истерики накатила слабость и апатия. — Надо мне твоё разрешение...

— На перемещение между мирами — надо, — уверенно сказал Кир. — Я твой муж, казачка. Ты — наследница рода Тхрагорских. А теперь поспи немного, пожалуйста.

— Кир...

— Это приказ.

На удивление я и вправду заснула.

Глава 50

А мир и вправду оказался замечательным! Правда, справедливости ради следует заметить, что до кругосветного путешествия за последние полгода у нас с Киром руки так и не дошли. Поэтому правильнее будет сказать, что Нагшас таковым оказался. Замечательным.

И это несмотря на мягко говоря, нелюбовь подданных. К леди.

Впрочем, выход мы нашли.

А то Кир был совсем уж бескомпромиссен.

Еле удалось его переубедить, точнее, отговорить от излишней жёсткости: лорд уже подписал указ, что любой акт неуважения или неповиновения леди приравнивается к измене. Пришлось провести не один час, изыскивая аргументы, что никто, кроме него и кровных не в курсе, что место Катлин заняла иномирная. Так что для всех я — та самая ведьма, которая околдовала, прокляла, разбила сердце (нужное подчеркнуть) их любимого правителя. И если сейчас утвердить столь жёсткие меры на законодательном уровне, любви «подданных» мне это не добавит.

— Тебе мало сплетен о проклятье? Хочешь, чтобы за спиной судачили, что я тебя не только прокляла, но и околдовала?

— Но ведь околдовала же, — возражал Кир с улыбкой.

— Это несерьёзно, Кир! — заверяла я. — Встань на их место. Они видят во мне ведьму, которая посмела обидеть их обожаемого лорда. И мало того, что лорд после этого женился на ней, так ещё сдурел настолько, что требует и от своего народа безусловной любви к гадине!

— Уважения, — возражал нагшас.

— Тот, кто требует уважения, априори его недостоин, — покачала я головой. — А тот, кто достоин, никогда не будет требовать!

Надо сказать, папина житейская мудрость Кира впечатлила.

— Откуда в тебе столько мудрости?

— Да я тут ни причём, — отмахнулась я, но приятно было, и даже очень. — Думаешь, отца уважали бы, если бы он орал с пеной у рта, что он достоин уважения? Уважение заслуживается. Действиями. Папа как-то сказал, что не хотел бы, чтобы мы уважали его лишь только потому, что он наш отец. Я тогда маленькая была, мне было непонятно. А потом поняла. Мало быть отцом, матерью, правителем, леди... Нужно ещё человеком быть, вот что главное!

— Я не собирался кричать с пеной у рта, Майя, — покачал головой Кир.

— Я знаю, знаю! Но позволь своим людям просто узнать меня. Самим сделать выводы.

— Я просто не хочу, чтобы кто-то тебя обидел.

— Кир, о твоём проклятье ходит очень много слухов. Поверь. Конечно, языками мести людям не запретишь, но слухи они на то и слухи, чтобы им верить, но всё же не до конца. Но вот о том, как Ветарская «крутила лордом», а потом сбежала с Аджарским, после чего молодой лорд долгое время не покидал тренировочной площадки (последствия проклятья Киру и кровным как-то удалось скрыть от народа), знает куда большее количество. Людям нужно время, чтобы это забылось, понимаешь? А по поводу обид... брось. Ну, кто меня обидит? Я — леди. А что за спиной говорят меня не волнует.

— Меня волнует. Что говорят о тебе.

— Знаю, казак. Знаю... Давай дадим им шанс узнать меня... Ты же меня узнал...

И на смену доводам разума приходили аргументы совсем иного свойства. В отличие от

конкретно-логических цепочек, неопровержимые...

Помимо нахождения общего языка с нагшасами (который просто необходим, когда ведёшь расследование, а именно — пытаешься выяснить того, с чьей помощью Катлина проникла в дом, да и с Катлиной о-очень хотелось побеседовать, узнать, что за компоненты она использовала для яда, там, глядишь, и что-то новое со снятием проклятья выяснится...) на повестке дня стоял ребром вопрос моя адаптация в новом мире.

Что включало в себя учёбу и раскрытие ведьмовского потенциала.

Я тешила себя робкой надеждой, что, быть может, если выяснить, в чём мой талант ведьмовства и развить его в полную силу, как-то получится поспособствовать снятию проклятья с Кира. Знаю, знаю, оно замкнуто на Катлин, а именно — на её кундалини, но ведь мы с ней — Отражения друг друга, а потому, «если эмир отнял у меня невесту по небесному предопределению, то почему для меня не может быть предопределения проникнуть во дворец и вернуть её»?*(Леонид Соловьёв «Повесть о Ходже Насреддине») Я, как и мой любимый Ходжа Насреддин, тоже чувствовала где-то в глубине души (или хотела верить, что чувствую), что такое предопределение было для меня!

Но раскрытия дара без теоретических знаний и ежедневной практики было просто-таки невозможно, поэтому приступить к учёбе предстояло как можно скорее, день промедления мог впоследствии аукнуться.

И тут вставал ребром вопрос: Катлин здесь многие знали.

А правду о моём иномирском происхождении, несмотря на радушное отношение к иномирянам решено было скрывать. По-крайней мере, пока не изловить и не обезвредить Катлин. Кто знает, помимо «Вестаса и Ко» сколько у неё осталось сообщников? И чего от них ждать, когда узнают, что леди Катлин не Катлин вовсе, а самозванка? В общем, из соображений моей безопасности имя Майи Богаевской было пока тайной за семью печатями.

Но как объяснить тем же учителям, что я ни бум-бум в местных обычаях, истории, географии? Да даже со своей ведьмовской силой не умею договориться? Что там договориться, я о ней вообще без понятия...

Выход нашёлся быстро. И оказался простым и гениальным.

Мне предлагалось Покаяние.

Серьёзный мистический ритуал, который если не убедит всех в чистоте моих намерений, то хотя бы заставит усомниться в том, что новая леди Нагшаса — само исчадие ада. А также объяснит некоторые странности этой самой «леди».

Идею с Покаянием подкинула Верховная эйва, с которой мы, как ни странно, подружились и которая была вторым, помимо кровных, человеком, посвящённым в тайну леди Тхрагорской. В праХраме, кстати, я помогала часто и бывало даже, что на добровольных началах, оставаясь там на целый день. Когда у Кира было много дел, а мне целого дня на общение с семьёй, переписку с друзьями и оформление академического отпуска в академии было занадто.

Что же представляло собой Покаяние?

Шоу. Исключительно шоу.

Ничего общего с реальностью или *истинным* диалогом с богиней в том самом, закрытом для всех, зале.

Верховная, невероятно торжественная и величественная, в развевающихся, усыпанных бирюзовыми кристаллами, ритуальных одеждах, била о землю посохом и нараспев выкрикивала слова древних заклинаний на Уснувшем языке.

Меня, стоящую босиком и с опущенной головой (еле удалось в два голоса с Верховной уговорить на сие Кира) окутывало сперва «праведное пламя», затем — «праведная роса»,

после, конечно, «праведный вихрь», а напоследок даже «праведные побеги», словно змеи древнегреческого героя Лаокоона.

Я произносила вслед за Верховной зубодробительные слова покаянной молитвы (мы с ней заранее отрепетировали, потому что кому-то, может, это «тыщвдыщрхвыщ» что семечки, но я-то не диктор Первого канала, без подготовки не справилась бы и не убедила б никого в раскаянии Катлин. И это кстати, ещё один повод с ней поквитаться, да!). После чего меня окутало радужной дымкой и на какое-то время я стала невидимой (ещё один трюк, ловкость спецэффектов и никакого обмана).

Наконец, Верховная эйва торжественным голосом объявила, что леди Катлин Тхрагорская перенеслась в межмирье, в самую Обитель Кающихся.

Через какое-то время я «возникла» снова, и эйва возвестила, что в межмирье леди провела в строгом посте и молитвах целых семьсот лет (я пробовала её отговорить, говорила, что семьсот — это уже чересчур, за это время не только раскаяться можно, но и придумать семьсот-миллионов-до-неба способов отомстить за затянувшееся покаяние, но Верховная была неумолима) и возвращена миру очищенная и невинная, как дитя. Которое тише травы и белее первого снега, да.

За время моего «исчезновения» эйвы переодели меня в белый, словно сотканный из тумана наряд (по представлениям нагшасов и изображениям на древних фресках именно в таких и ходят по Обители Кающихся), так что моё «второе явление», в целом, вышло довольно эффектным.

Помимо прочего, Верховная объявила, что, поскольку я долгое время провела в межмирье, страдать мне теперь от амнезии, может даже, неизлечимой. Я на это патетично заломила руки и вознадеялась в самых витиеватых выражениях, что богиня меня простила и не вернёт воспоминания о совершённых злодеяниях. Тут я, надо сказать, немного увлеклась и произнесла целый монолог о мудрости, которая мне открылась в Обители Кающихся, о том, как сложно было исторгнуть чёрную злобу из своего сердца, но я всё же смогла и даже зачем-то звёзды Сад-ад-Забих, которые противостоят звёздам Сад-аль-Ахбия приплела. Чёрт его знает, на кой он меня за язык дёрнул, я нервничала и некстати снова Ходжа Насреддин вспомнился...

Кир на этих словах чуть всё не испортил, заржал, аки конь (потому что Соловьёва читал! То есть это я ему читала, вслух, но не суть). Хорошо ещё, что всеобщее внимание было приковано к леди, а не к лорду.

Так мы убили двух зайцев за раз: чуть-чуть подтопили сердца народа по отношению к леди Тхрагорской, а также логично объяснили не свойственное прежней Катлин поведение. Ну и теперь я имела полное право «чудить» и «не узнавать знакомых», ага.

К вопросам моего обучения Кир подошёл серьёзно.

Настолько, что намеревался заниматься со мной по всем предметам сам, но тут его ждало разочарование. И первый бунт в молодом семействе, сиречь, первая семейная ссора.

Конечно, с эгоистической точки зрения, как я Киру и заявила, мне бы тоже хотелось заниматься исключительно с ним. Но. Выучить мне предстоит много, практически обучаться с нуля. А кто в это время будет заниматься поиском способов снятия проклятья и прочими государственными делами, Пушкин? С творчеством великого русского поэта походя ознакомить лорда пришлось. Сказка о царе Салтане почему-то особенно понравилась. Кир вообще выражал самый искренний интерес к моему родному миру, что вообще-то радовало и к моей семье, за что я была ему и вовсе благодарна.

К тому же, та самая тренировка, которую я когда-то давно, сто лет назад наблюдала во внутреннем дворике, как оказалось, была не просто выпуском пара, а жизненной необходимостью в буквальном смысле. Чем сильнее и здоровее Кир был, тем больше был шанс, что действие проклятья замедлится, поэтому львиную долю своего времени Кир тратил на бои и развитие магии боя. Я же, как бы мне ни хотелось тренироваться с любимым плечом к плечу, просто не могла быть для него достойным спарринг-партнёром. Конечно, Кир это понимал.

В общем, решили — в свободное время Кир занимается со мной сам, а в остальное время — доверяет меня специально обученным людям, сиречь профессионалам.

Под шумок, Кир, кстати, приставил ко мне в качестве камеристок-компаньенок тех самых девушек-нагшасок, которые в мою первую брачную ночь оказались опоены сонным зельем. Джину и Рону. Девчонки оказались классными. Расторопными, смешливыми, но... учитывая, что я как-то с детства привыкла обходиться без прислуги, совершенно ненужными. Да и обитали мы с Киром, когда бывали дома, конечно, в тренировочной комнате внизу, а к себе, в покои леди — где я очнулась после первого полёта на грифоньих авиалиниях, я забегала исключительно переодеться. Ну и ванну принять. В покоях леди она была куда более роскошная, а водные процедуры — с детства моя слабость.

Попробовала поговорить с Киром и избавиться от «свиты», ну ё-моё, я себя прям барыней чувствовала, когда девчонки норовили с платьем или причёской помочь, но, оказалось, нельзя. Леди полагается «свита».

— А кроме того, Майя... Джина и Рона — лучшие воительницы, и, кроме того, боевые магии, поэтому мне спокойней, когда они рядом, — шутливо щёлкнув меня по носу, сообщил Кир.

Я опешила.

Магии? Боевые?! Эти невысокие кудрявые брюнетки с круглыми карими глазами на детских мордашках? В розовых платьях с широкими рукавами, в которых девчонки похожи на легкомысленных бабочек?!

— А раньше не мог сказать?

Кир вздохнул. И я поняла — ждал, что сама догадаюсь. С помощью ведьмовства. Не догадалась, не заметила. Что лишний раз доказывало, что учиться мне — кровь из носу — надо!

Так что с полагающейся свитой я смирилась и, пользуясь своим правом, а именно — правом леди, таскала девчонок с собой на учёбу и верховые прогулки.

А учёбы, к слову, было много.

Но лучше обо всём по порядку.

Глава 51

Что касается учёбы, мне, по мнению Кира, по-хорошему, следовало обучаться в лучшей нагшасской академии, на одном из магических факультетов.

Но академия далеко, два часа лёта на Тите, или три — на менее сильном грифоне, каждый день не налетаешься. Межпространственные же врата, или порталы, по понятным причинам были под запретом. Вариант с общежитием сразу отметался, и не только потому, что мы не могли расстаться ни на минуту. Просто Катлин, несмотря на несколько осечек, о которых позже, не спешила попадать в ловушку, а кто знает, сколько ещё «сообщников» ждёт своего часа? В общем, пока Катлин на свободе, обучение в академии откладывалось.

К моему восторгу и горячей, очень горячей благодарности, Кир пригласил для моего «домашнего обучения» троих учителей.

Самую настоящую ведьму — леди Траверс, древнюю, сухонькую нагшаску, которая, по её словам, лет так двести уже не брала учеников в силу почтенного возраста (сам возраст она, как истинная леди, скрывала), и уговорить её позаниматься с леди Тхрагорской смогла лишь Верховная эйва.

Боевого мага — магистра Корвина, лучшего наставника боевой магии Первой нагшасской академии. Магистр, кстати, не поверил, что лорд пригласил его не для себя (такой вариант этого напыщенного броненосца — мне очень стыдно, но и вправду похож — более, чем устроил бы), а для жены, светлой ведьмы с довольно-таки посредственным даром. Корвин думал даже развернуться и отбыть откуда прибыл, во дворе хлопал крыльями и истошно вопил, вызывая Тита на поединок, белый грифон, но обещанная сумма вознаграждения всё же уговорила магистра остаться.

А также наставника теоретических дисциплин: Сутрэя Пая, занудного до зубного скрежета, почтенных лет преподавателя высшего ранга, я так поняла, здесь это сродни профессору.

Изучать пришлось множество предметов.

Повезло ещё, что письменность и язык я с попаданием автоматически переняла. И, как выяснилось с помощью экспериментальных исследований, могу объясниться на нескольких нагшасских наречиях.

А вот всё остальное приходилось изучать с нуля.

Помимо очень трудных, нудных, взрывающих мозг и исчерпывающих в хлам запасы выдержки и памяти, но необходимых предметов, таких, как физика, история, география, экономика и астрология были и более интересные, а именно магические дисциплины.

Перво-наперво перед учителями стояла цель: раскрыть мой потенциал ведьмы, выяснить, в чём заключается мой дар. Тут — и кровные Кира, и приглашённые наставники, и даже Верховная эйва (она вообще редко с кем-либо соглашалась, так что это было скорее исключение из правил) сходились в одном: дар есть, ведьмовской, да. Светлый. Светлее некуда. Целительский? Да вроде нет. Простейшие заклинания я, конечно, осваивала одно за другим, но не сказать, чтобы к этому у меня был талант. Дар вдохновения (не путать с вдохновением, здесь, оказывается, принципиальная разница; к слову, за такую грубую ошибку мне как-то баллы снизили даже) — очень сомнительно. Путь авгура? Тоже всё было довольно ровно. С боевыми заклинаниями — тоже самое.

Кроме повысившейся и зашкаливающей чувствительности (хвала Безликой, «купировать» приступы, от которых меня просто колотило) и льнущих ко мне животных никаких особенностей моя ведьмовская сила не показывала. Дисциплины, которые я осваивала, шли ровно. Потенциал рос, без каких-либо скачков. И если бы мне кто сказал, что «попаданкам» по канону полагаются какие-то сверхспособности для спасения мира, боюсь, этот смельчак хуком справа не отделался бы. Как минимум насыланием поноса, как максимум — облысением. И если первое как-то само собой освоилось, я, если честно, на том уроке думала-гадала, как Иширу Ладаагу отомстить, ну и превзошла себя, как впоследствии показала практика, усвоила «вредительство» на отлично, то над вторым, а именно — заклинанием облысения я билась месяц. Но оно того стоило. Пусть здесь не

приходилось использовать варварское приспособление для удаления нежелательной растительности, а именно — эпилятор, его роль успешно выполняла розовая пена, но ведь с магией сподручней, правда? Этот заговор я ни на ком, кроме себя не опробовала, но, честно признаться, руки порой чесались.

Помимо «выписанных» для меня учителей, по личной просьбе Кира со мной занимались кровные.

Вообще-то преподавателей из академии было более, чем достаточно, но я сама попросила Кира о занятиях с его побратимами. Несмотря даже на то, что, конечно, догадывалась об их неприязни. Не заметил бы её разве что слепой. Того, что само моё присутствие в жизни Кира является для него приговором, мне не простили. И тот факт, что это был выбор Кира, их не убеждал. Я кровных понимала. И попросила Кира «замолвить за меня словечко» не просто так.

В отличие от Кира, у меня в подозреваемых ходили все, абсолютно. Ну, кроме Беськи.

Четвёрка кровных, конечно, покочевряжилась, мол, делать им больше нечего, няньками для леди работать, ладно, не няньками, а учителями, но потом согласилась. На своих условиях, правда. А именно — что они, помимо обучения, принимают у меня экзамены и прочие нормативы.

И уж на этих нормативах отрывались по полной.

Я стоически терпела и вела расследование. Помимо того, что приглядывалась, выводила всё, что можно, пытаюсь раскрыть мотивы я умудрилась повесить на каждого из кровных магические маячки: тут без помощи леди Траверс и Верховной эйвы не обошлось, но, как выяснилось, надутыми индюками кровных считала не только я.

Анзор Хаан, Кровный Анарх — был, пожалуй, самым напыщенным и высокомерным нагшасом в герцогстве. Умный, очень умный. Но во многом, как все военные, прост, как две копейки, или, как говорят в Нагшасе, как два съята. Анзор Хаан скептически отнёсся к приказу лорда отработать со мной некоторые техники самообороны и нападения, и не поверил Киру, который сразу предупредил, что у меня найдётся пара сюрпризов, чтобы его удивить. Нашлась. Не без помощи Кира, который, когда мог, тренировал меня сам. В итоге Анзор Хаан тренировал меня без каких-либо поблажек на то, что я леди. Обходилось, правда, без членовредительства, но мне каждый раз казалось, что до этого недалеко.

Ещё сложнее было с тремя магами. Исида Коргом — Кровным Авгуром, Конрадом Таром — Кровным Посохом и Иширом Ладаагом, Кровным Хранителем. Их участие в моём обучении свелось к тому же, что и с Анзором Хааном: а именно им мне надлежало сдавать магические нормативы. И если с тем же целительством или воодушевлением было не так уж болезненно и унижительно, то Ишир Ладааг, который принимал экзамены по боевой магии, зачастую буквально пользовался служебным положением, зная, что ябедничать Киру я не буду.

Я и не ябедничала. А когда очень уж хотелось (в принципе, можно было и не ябедничать, просто отказаться от сдачи нормативов), напоминала себе, что помимо расследования (а шпионить за нагшасами проще, когда всегда есть повод пристать с каким-то вопросом — помочь с зельем, заклинанием, приёмом, техникой) мне такой тиранический подход обучения однажды может спасти жизнь.

Хуже то, что чем больше я узнавала кровных Кира, тем меньше сама переставала подозревать их. Несмотря на несносность, надменность, вредность и прочее, этих четверых связывало одно: в каждом из них я видела искреннюю симпатию к Киру. Искреннюю преданность. Искреннее уважение.

И всё же не давала покоя мысль, что помощник Катлины где-то рядом. Причём вряд ли это кто-то из рядовых слуг. Это, кстати, не только моё мнение, но ещё и хранителя, Ишира Ладаага. В один из уроков он объяснил, что сигнализация дома многоуровневая, и кто-то из слуг просто не смог бы «впустить» Катлину.

Спекулируя всюду пройденным Покаянием, я заводила контакты везде: на кухне, на конюшне, среди горничных и среди воинов и пыталась понять, за чьей с виду искренней

улыбкой кроется оскал предателя.

Магический контур дома, то есть, говоря современным языком, охранный контур, срабатывала несколько раз. И каждый раз — безрезультатно. Допросы находившихся в непосредственной близости от зоны вторжения, причём допрос с применением магии, ничего не дали, кроме того, что позволили выявить, что у случайных свидетелей попытки проникновения, (а таких было целых четыре, и народ каждый раз рядом оказывался разный), случалась кратковременная потеря памяти, и даже магией восстановить её не удавалось.

Одни из самых любимых уроков были уроки верховой езды.

На грагхе через пару месяцев я уже сидела довольно сносно, причём сносно — по мнению Кира. И даже практически перестала уставать, чем бессовестно пользовалась, наслаждаясь быстрой ездой. Но моя лафа вскоре кончилась. Заметив, что не устаю, а падать и не думаю, учителя стали совмещать уроки верховой езды с боевой магией и — о ужас! — даже со стрельбой из лука. Впрочем, как ни странно, всё, что было связано с контактом с животными, мне удавалось лучше всего.

— Но это нонсенс! — восклицала леди Траверс. — Среди магов, конечно, встречаются *анимаги*, то есть покровители животных и магических существ, но власть таким, как правило, даётся над каким-то одним видом, к тебе же липнут все животные! Я не говорю о том, что анимагия — это именно магия, никакого отношения к ведьмовской силе не имеющая!

— Может, это потому, что, как Отражение Катлины, мой дар превосходит, эм, стандартный? — спрашивала я после у Ишира Ладаага, уворачиваясь и отражая по возможности энергетическим щитом град ледяных стрел. Маленькие, тоненькие, как иголки, они мгновенно таяли, не причиняя особого вреда, но вот укусы от них были очень болючими. Нагшас таким образом убивал двух зайцев: проверял, насколько я продвинулась также в целительской магии, а если что, исцелять себя куда сложнее, чем кого-то, особенно, если ты — новичок. И мои увещевания, что вообще-то я сдаю норматив по боевой магии, здесь не каналы. С мерзкой улыбкой мне сообщили, что его, вообще-то, Исидо Корг попросил, авгур.

— Чушь, — скривился Кровный Хранитель. — Вот именно потому, что ты — Отражение Катлины, твой дар такой слабый, что сходу и не выявить. У Катлин, даром, что из Ветарских, свой дар тоже слабый был. И с этим ей тяжело было смириться...

Эту историю я знала, посему, нагло пользуясь тем, что препод отвлёкся на семантическое отступление, прошептала заклинание весенней капли, трансформируя ледяные стрелы в дождь.

Но всё же самыми любимыми уроками были уроки верхового полёта.

Здесь Кир никому не доверял моё обучение: тренировал исключительно сам. Конечно же, разновидности нагшасского боя тоже входили в нашу программу, да и остальные предметы тоже, но полёты — это то, чего лорд не доверял никому.

Я летала на Тите, Кир — на другом грифоне.

В один из практических уроков мы побывали на грифоньей ферме и выбрали мне собственного «птенца», а именно — крошку грифоночку, белоснежную, с пока ещё розовым клювом и мягкими неуклюжими, покрытыми серым пухом, крыльями. Следующие три месяца мне предстояло навещать «птенца» на ферме, после чего её можно будет забрать домой. Собственно, навещать Моргану — именно так решено было назвать моего питомца — было необязательно, но тут уж выбирать не приходилось. Морганша сходу проникла в сердце. Маленькая, с толстенькими лапками и пока ещё короткой шеей, очень нескладная (глядя на неё невольно вспоминалась сказка о гадком утёнке), грифоночка была потрясающей! И даже предстоящий сложный уход, которому я обучалась экстерном, каждый день обихаживая Тита, не пугал. Наоборот, я дождалась не могла, когда смогу забрать, наконец, домой это чудо. Морганша стала одним из многочисленных подарков Кира.

Конечно, лорд Нагшаса, помимо государственных дел, и многочисленных совещаний с

магами и ведьмами, находил для меня время. Иначе и быть не могло.

Если что-то и заставило кровных понемногу смириться с моим присутствием в жизни лорда, и, о ужас, с его отношением ко мне, то это была моя настойчивость по поводу изыскания способов по снятию проклятья.

Как и тот необъяснимый факт, что действие проклятья с моим появлением замедлилось. Но и только... Мне этого было недостаточно. И никому недостаточно, что бы там Кир ни говорил.

Кроме того, была в этой бочке мёда и своя ложка дёгтя. А именно: замедлившись на Кире, проклятье с удвоенной силой взялось за его отца. Старого лорда Радрога Отаха Тхрагорского. Мне ещё повезло, что успела познакомиться со свёкром до того, как память и разум стали изменять ему...

С первого взгляда было видно, что некогда этот старик был мощным, полным сил, мужчиной. В отличие от кровных, меня он сразу принял. И не винил Кира за то, что, как говорил хранитель, тот «поддался порыву».

— Она и в самом деле сокровище, сын, твоя драконидка, — сказал он в день нашего знакомства вместо приветствия. — *не потеряй её*.

Увы, старик продержался всего лишь месяц с моего появления. Месяц удивительного общения, невероятных историй и по-настоящему отцовского тепла... И хоть я по-прежнему продолжала навещать его, старый лорд перестал меня узнавать. И, что хуже всего, на его коже начала проступать чешуя, а тело изменяться. Нам предстояло вживую увидеть на его примере то, что должно случиться с Киром, если не найдётся способа снять проклятье.

Помимо государственных дел, общения с лучшими магами и целителями, моей учёбы, заботы об старом лорде, довольно активного общения с моей семьёй, которые (не иначе Безликая помогла) почти не возражали против того, что мой «побег» основательно затянулся, и, конечно ждали в гости вместе с Киром (собственно, межмировую вылазку можно было предпринять, но по понятным причинам, она пока откладывалась) и поисков Катлин находилось — конечно, реже, чем хотелось бы, но я порой так уставала, что даже мечтать сил не было, как ни странно, находилось время и для отдыха.

Мы летали на легендарный Лазурный берег (кстати, прав Кир оказался по поводу русалок, мерзкие создания), и на Вершину Нагшаса, и даже спускались в подводную Коралловую Долину.

А вчера после особо зверской тренировки на грифоне, которую я Киру собиралась припомнить позже, мой лорд сообщил, наконец, что я готова для вылазки на Драконье плато, или плато Тхагарат.

После этой новости я, конечно, мстить Киру передумала.

И всю ночь не могла уснуть, ворочалась.

Неужели я и в самом деле увижу драконов?

Глава 52

Тхагарат я сперва почувствовала. Ощутила всей поверхностью кожи, по которой побежали мурашки. Затем сердце сладко-сладко сжалось, даже, казалось, замерло на какой-то миг, и заколотило с утроенной скоростью!

— Маймэй! — крикнул, обернувшись, Кир. — Ты в порядке?

Прозвище «Маймэй», стихийно родившееся у Кира во время одного из диалогов с Безликой, когда он выучил несколько английских слов и сложил вместе два названия месяца моего рождения на разных языках, вскоре стало моим вторым именем. Даже слуги называли меня «леди Маймэй»: им я поведала по большому секрету, что это имя мне дали в Обители Кающихся, что было принято с самым довольным и, не побоюсь этого слова, торжественным видом. Кир же меня кроме как Маймэй и не называл, так ему понравилось. Ну, ещё эйвой звал. Время от времени.

Я прижалась к спине мужа и крикнула в самое ухо, стараясь перекрыть рёв водопадов под нами.

— Мы на месте?

— Почти! — крикнул Кир. — Смотри, впереди! Видишь? Тхагарат!

Горное плато вдаль взмывало к самым небесам и скрывалось в белизне облаков.

Тит взял вправо и принялся ввинчиваться в ледяной, разреженный воздух. Несмотря даже на то, что грифон существо магическое и полёт на нём, если ты ведьма, довольно комфортен, я бы сейчас от ещё одной куртки не отказалась. И шапки даже.

Рыхлая рваная влага вокруг, зуб на зуб не попадает и потому буквально влипаю в Кира. Тит чувствует, каково нам, беспёрым и бесклювым в облаках и потому усиленно работает крыльями, взмывая практически вертикально.

После того, как оказались над облаками и обогревающие амулеты заработали в полную силу, и мы смогли немного отдышаться, оказалось, что виражи только начинаются.

Кир ничуть не преувеличивал, когда говорил, что подобраться к Тхагарат очень непросто. Я бы добавила от себя: практически невозможно. Мы петляли между гигантских острых зубьев скал, протискивались налету в узкие расщелины: Титу приходилось складывать крылья и падать, а потом взмывать вверх снова.

Надо сказать, лучшего места, чтобы укрыться от незваных гостей драконы выбрать не могли. Если бы я не знала, что это сумасшедшее нагромождение породы, включающее парящие острова, горы, скалистые пики и мосты, образующее невообразимых размеров лабиринт, — дело рук древних драконов, которые были сильнейшими магами, решила бы, что сама природа против того, чтобы к драконам совались... да кто бы ни было!

Тит, по всему было видно, проходил многоуровневый скалистый лабиринт не в первый раз. От грифона веяло уверенностью и спокойствием. Зато я поняла, почему к этой вылазке Кир готовил меня полгода и совершенно не щадил. Малейшее неосторожное движение, малейшее ёрзание на спине маневрирующего буквально на пределе своих сил Тита могло дорого обойтись всем троим.

Спустя пару часов затянувшегося кошмара, когда я от души порадовалась, что с утра от нервов кусок в горло не лез, мы, наконец, преодолели скалистое нагромождение и взмыли над окраиной горного плато!

Изумрудная зелень травы, белоснежные льдистые шапки скалистых гор, небо... голубое и бескрайнее! Ощущение необъятного, безграничного простора... И это море света, которое обрушивается на тебя бескрайней лавиной, и в воздухе витает аромат весны и кристальной свежести... Так, должно быть, выглядит и пахнет Свобода.

Можно, было, конечно, обогнуть скалистый «лабиринт», но тогда нас наверняка заметили бы, и пришлось бы отступать, а может даже спастись бегством, точнее лётom. Кир же хотел подобраться к драконам поближе. Чтобы мне показать.

— Смотри! — крикнул он.

Мой ответный восторженный вопль буквально застрял в горле.

Прямо над нами, в бескрайнем голубом небе кружили два дракона!

Тёмно-зелёный, почти чёрный, и... золотой. Невероятные! Бесподобные! Восхитительные до ужаса...

Настолько огромные, если не сказать, гигантские, что я невольно усомнилась в правдивости нагшасских легенд. Может, истории о воинах, побеждавших драконов и становящихся ими впоследствии — не более, чем красивые сказки?

К а к можно одолеть ТАКОЕ?!

Гигантские кожаные крылья с огромными шипами, когтистые лапы, мощные шипастые хвосты... вот один дракон с рёвом изверг столп пламени, и я невольно ахнула, прижимаясь к Киру.

— Древние нагшасы были сильными магами! — сообщил Кир, как всегда, догадавшись, о моих мыслях.

— Я думаю! — ответила я. — Хотя, кажется мне... даже для мага это чересчур.

Я, если честно, возлагала на наш полёт к драконам большие надежды. Очень большие.

Если даже самого факта наличия древней (о-очень древней!) драконьей крови Киру хватило, чтобы сопротивляться проклятью, кто знает, что было бы, одолей он настоящего дракона и стань им...

И теперь, глядя на этих устрашающе прекрасных существ, смертоносно бесподобных, исполненных дикой магической силы и векового благородства, кружащихся в небе, понимала: я была права. Даже мой слабый дар реагировал на сильнейшую магию. Такая — разрушит любое проклятье, только вот... Кир тоже был прав.

Одолеть *такое* невозможно. Увы.

Но отдающаяся набатом в висках магия и сумасшедший выброс адреналина не давали впасть в уныние прямо сейчас.

Я обязательно подумаю об этом позже. Потом. И даже пореву в подушку. Тихо, вгрызаясь в неё зубами, чтобы не разбудить Кира. Но он, конечно же, проснётся. Обнимет, притянет к себе, и я буду ощущать спиной каждый удар его сердца. И продолжать содрогаться от слёз и бессилия. Кир ничего не скажет. И я тоже промолчу. Так и будем лежать до утра, щадя чувства друг друга. А потом наступит новый суматошный день. И какой-нибудь новый маг, владеющий высшими чарами будет обещать, что он-то точно снимет с лорда проклятье, и мы даже сделаем вид, что верим. И, может быть, поверим. И будем пытаться выполнять все дурацкие советы и предписания... А я буду с ещё большим остервенением вгрызаться в гранит местной магии и науки, в надежде нащупать, раскрыть свой ведьмовской потенциал, потому что в нём может крыться ключ к тому, как помочь Киру... И Ишир Ладааг будет уверять, что Катлин вот-вот попадётся в ловушку и мы обязательно скоро узнаем компоненты того яда... И снова мы будем очень стараться верить. А время будет уходить. Утекать, сочиться как песок сквозь пальцы с головокружительной скоростью... И каждый раз, прощаясь с Киром я буду прощаться навсегда, и благодарить всех существующих и несуществующих богов за то, что подарили нам ещё один день...

Эта череда мыслей промелькнула вспышкой в мозгу. Я за всё это время привыкла к этому вкусу горечи на губах. Привыкла к сводящим с ума, назойливым мыслям. Почти. Кроме одной. Кроме той, что однажды и в самом деле придётся попрощаться с Киром. Навсегда.

Сверху раздался оглушительный рёв, и я часто заморгала, мотая головой, чтобы отогнать непрощенное мысленное жужжание.

Драконы! Подумать только! Настоящие, живые драконы!!

И вдруг восторг перешёл в знакомую магическую эйфорию, как во время первого полёта на грифоньих авиалиниях.

Сжав зубы, я попыталась сконцентрироваться, вернуться к реальности, но какое там!

Это желание взмыть в небо, в самую высь, к этим бесподобно прекрасным и ужасающим своей мощью существам, было реальнее любой, самой разреальной реальности!

Меня тянуло в небо, как магнитом и я изо всех сил сдерживалась, чтобы не попросить Кира подняться к драконам повыше! Это было чистым безумием, но по сравнению с накатившей волной эйфории и какой-то рвущей душу тоской те ощущения, что сопровождали первый полёт на грифоне были уже детским садом!

Другое дело, что последние полгода не прошли даром не только для тела, но и для выдержки: сейчас я владею собой гораздо лучше. Но, кажется, всё же не настолько, чтобы противостоять магии драконов!!

Тит почувствовал моё состояние, нервно забил хвостом, завертел хохлатой головой.

Кир, конечно, тоже почувствовал.

— Май? — в голосе мужа прозвучала тревога.

— Я в порядке, — сделав над собой усилие, ответила я. — Просто... Они бесподобны! Я... я не ожидала, что будет так...

— Ты... чувствуешь их? — спросил нагшас и в его голосе просквозило удивление.

Глава 53

— Больше, чем хотелось бы, — призналась я. Потому что приступы эйфории с последующими за ними песнями и танцами (о да, бывало уже и такое, и даже не только...), конечно, прекрасны, но когда ты далековато, и это мягко сказано, от земли, и вообще, в вотчине самых смертоносных и опасных хищников этого мира, мягко говоря, просто опасно... К тому же здесь, боюсь, пением не ограничится. Тело буквально вибрировало от желания прикоснуться к чешуйчатому боку, душу рвала такая острая тоска, что я искусала все губы в попытке прийти в себя.

— Нам нужно выбираться отсюда, — озвучил наши общие мысли Кир. — Если ты чувствуешь драконов, то они чувствуют тебя.

— Л-логично, — отозвалась я, чувствуя, как начинает трясти. Это не так мучительно, конечно, как физическая боль, но всё равно неприятно. Это осязаемое, реальное, какое-то физическое стремление приблизиться к магическому существу, и не просто приблизиться, но и дотронуться... сродни острой, пронзительной тоске, невыносимой тревожной жажде... Правда, в данном случае это запросто могло стать последним желанием.

Смежив веки, я глубоко вдохнула и выдохнула, сосчитав до десяти, прошептала заклинание покоя, чувствуя, как мышцы понемногу расслабляются. Щёлкнула пальцами, сводя действие заклинания на нет: расслабляться сейчас просто непозволительно. И вдруг почувствовала, как волна беспокойства схлынула! Абсолютно! Как и не было. Я даже хотела сообщить об этом Киру... не успела.

— Держись!!! — крикнул он и с силой ударил грифона пятками.

Дракон появился перед нами внезапно, словно возник из воздуха!

За огромным крылатым силуэтом тянулась туманная полоса, то есть зверь воспользовался магией, чтобы подобраться так близко!

Гигантский, мать его!! Настоящая гора с крыльями!!!

Только у этой горы ещё покрытая шипами змеиная голова, два жёлтых немигающих глаза, широко распахнутая пасть, в которой без проблем уместится целый грифон! Ну ладно, полгрифона, но даже это совсем не радует.

Чёрные распахнутые крылья, застилающие небо, увенчанные загнутыми шипами! Мощные когтистые лапы! Сверкающая на солнце чёрная чешуя!

Зверь взревел, взмахнул крыльями и нас отбросило назад упругой воздушной волной, завертело, закрутило, как в смерче!

А потом был полёт! ПОЛЁТ!!! Стремительный, быстрый, как вихрь, на грани жизни и смерти, проходивший в абсолютной тишине, потому что на какое-то время от рёва дракона я оглохла.

Как мы неслись!.. Я даже не предполагала, что Тит способен на такую скорость! На виражах я буквально влипала в Кира, с замиранием сердца понимая, что не успеем! От такой махины просто не уйти! Это невозможно!

Бок облизало пламенем: Тит чудом ушёл из-под прицельного огня буквально в последний момент, проделав сложнейшую петлю: и мы с Киром (видимо, тем же самым чудом) удержались на звере, оба!

Прямо над ухом раздался оглушающий рёв. И я поняла: не уйдём. Это невозможно! Отчаянно вцепившись в Кира и не в силах оторвать взгляда от немигающих жёлтых глаз на чёрной морде, я закричала. Завизжала так, словно меня режут! Сама оглохла от собственного крика...

А потом произошло что-то совершенно невероятное.

Жёлтые глаза чудовища вспыхнули, лишь на миг.

И оно замедлилось, застыло в воздухе, распластав крылья, словно гриф на тепловых потоках.

Грифон взял резкий крен влево и понёсся с такой скоростью, что уши заложило от свиста.

— Оторвались! — сообщил Кир через какое-то время.

Я же, оглядываясь на застывшую чёрную точку в небе прошептала:

— Он по какой-то причине дал нам уйти.

— И к лучшему, — согласился Кир.

— Но почему?

Кир пожал плечами.

— Мне кажется, это как-то связано со мной, — сказала я. — Ну, сначала этот приступ... Непреодолимое желание приблизиться... Оно схлынуло, как только дракон оказался рядом...

— Возможно, — не стал спорить Кир. — Если его позвала чья-то магия, вряд ли свобододолюбивому хозяину небес это понравилось.

— Хочешь сказать, что когда притяжение исчезло, перестало быть чем-то сродни натянутого поводка, он сразу подобрел? Как Печкин?

Кир пожал плечами.

— Похоже на то. Нам повезло, эйва, встретить сытого дракона.

...Суматошный день сменился неизменным ночным безумием.

Ночь — единственное время, когда летят в тартарары страхи, тревоги, сомнения.

Время, когда весь мир замирает и робко отступает назад, зная, что он растерял свою важность, а ещё немного — и вовсе исчезнет, перестанет существовать.

Время, когда луны сияют, как солнца, когда звёзды перестают дышать в предвкушении краха небесного купола: скоро, очень скоро он расколется на тысячи мерцающих осколков, звездопадом обрушится на землю...

Наше время.

Кир целовал меня, всю. Жарко, жадно. Именно так, как надо. И я отвечала, плаваясь в его руках, выгибаясь дугой, раскрываясь навстречу. Мои пальцы зарывались в его вьющиеся волосы, исследовали каждую мышцу на шее, плечах, рельефном торсе, скользили по смуглому родному лицу...

Разве может что-то быть важнее, дороже, чем то, настоящее, что, возникнув однажды между нами, крепло с каждым днём? Это казалось невозможным, необъяснимым... Но ни он, ни я не в силах были этому противиться. Да мы и не собирались.

Жаркая, буйная схватка началась, стоило двери закрыться за нами.

Мы даже до кровати не дошли, одаривая друг друга хмельными ласками наспех, у самой стены. Просто невозможно было сдержатъ этот неумный голод, который достиг, казалось, самого пика... Было в этом что-то тревожное, даже как будто мазохистское — заниматься любовью в нескольких шагах от расстеленной кровати... и в то же время сделать эти несколько шагов мы были не в силах. Именно тот случай, когда желание застигло, что называется, на месте.

После стены была стойка с оружием, в которую оказалось так удобно упираться ладонями, потом столик, тот, что у левой стены стоит. Широкий, нагретый за день подоконник, ещё один подоконник, успевший остыть, кресло в углу, как ни странно, кровать, до которой всё-таки очередь дошла, а потом мы как-то незаметно перебрались в

купель, в круглый неглубокий бассейн с фонтаном.

Душистая пена на ладонях Кира, чуткие, невероятно умелые пальцы, рельефное обнажённое тело рядом... Сильные, перевитые верёвками мышц, руки, умеющие держать меня так крепко, что не вырваться даже в пароксизме страсти, язык и губы, лишённые всякого стыда...

Мой пронзительный крик и отголоски хриплого, протяжного мужского стога.

Вакуум в голове, сладкие судороги во всём теле и струящийся по венам огонь...

Сладкое безумие, усиленное резонансом его движений. Неуёмная жажда, смешанная с наслаждением. Пронзительный, мучительно острый всплеск удовольствия!

И я уже даже кричать не могу, только хныкать и всхлипывать...

Руки Кира, оглаживающие спину и бёдра, в ожидании, когда очередная волна схлынет. И его резкие, безжалостные движения, как только удовольствие начинает идти на убыль...

Мощный, оглушающий фейерверк!

Тайфун, цунами, ураган из острых, пронзающих насквозь ощущений!

Водопад чистого безумия и эйфории, сметающий всё на своём пути...

Ту часть, когда мы вновь оказались в кровати я позорно пропустила.

Пришла в себя от нежных прикосновений к щеке. Очнувшись, обнаружила, что лежу, положив голову на плечо нагшаса. То самое, чешуйчатое... А Кир успел накрыть меня покрывалом и просто смотрит на меня, спящую.

— Сори, — пробормотала я, зевая и прикрывая ладонью рот. — Кажется, кто-то позорно отключился. Мне очень стыдно, честно.

Кир тихо рассмеялся и чмокнул меня в нос.

— Ноу проблем, бэйб, — ответили мне в тон.

Он провёл пальцами по плечу и мне даже не нужно было видеть, чтобы знать, что анам на плече сейчас перевернулся на спину, распластав по сторонам лапы, а потом попытался ухватиться за палец Кира.

С некоторых пор анам «оживал» не только вблизи статуи в праХраме, но и рядом с мужем. Леди Траверс говорит, это отличный знак: моя ведьмовская сила начинает пробуждаться.

— О чём ты думаешь? — спросил Кир.

— О тебе, — призналась я, а затем начала перечислять. — Об анаме, который реагирует на тебя. О леди Траверс, которая утверждает, что моя ведьмовская сила вот-вот проснётся. О драконе, что мы видели сегодня. О времени, которого у нас всё меньше и меньше...

— Я тоже об этом думал. И не только об этом.

— Кир...

Пальцы мужа легли на мои губы.

— Я очень хочу ребёнка, Маймэй. Нашего. Сына или дочь, неважно. Знаю, что сейчас это невозможно, но ведь ничто не может помешать мечтать, верно?

Я вздохнула.

Раньше никогда не замечала за собой особого чадолюбия, более того, думала, что прежде, чем решусь на такой шаг, за плечами будет не только образование, но и кое-

какая карьера. Правда, я и замуж не собиралась так рано, а оно вон как вышло. Чего уж там...

Ребёнка от Кира, если честно, и мне очень хотелось, но пример свёкра, как единственного кровного родственника Кира заставлял задуматься. Серьёзно задуматься.

Скорее всего, если у Кира родится сын, кровное проклятье перейдёт и на него. Или на неё...

— Кир... — постаралась улыбнуться, но муж, прекрасно уловивший моё настроение, тут же нахмурился. — Ты знаешь, что так долго продолжаться не может.

Глава 54

Безошибочно угадав моё настроение, лорд Нагшаса попытался предотвратить неприятный разговор, который в девяти случаях из десяти заканчивался ссорой.

— Эйва, — покачал он головой. — Пожалуйста. Не начинай.

— Кир... Я ещё не начинала. И совсем не спору: я эйва, ага. И Маймэй. Да хоть чёрт ступень, но я всё же продолжу. Рано или поздно, нам придётся поговорить об этом. Ишир тоже считает, что может получиться.

Эту болезненную тему мы затрагивали и не раз. Собственно, эта моя инициатива заставила Кровного Хранителя почти симпатизировать мне.

Всё началось с того, что я спросила, можно ли будет снять проклятье с лорда, если я вернусь в свой мир.

Ишир после долгой, очень долгой паузы подтвердил, что скорее всего, да. А после консилиума с коллегами подтвердил: если меня не будет в этом мире, Кир сможет снять проклятие, вступив в связь с Катлин. Только...

Если это произойдёт, моё возвращение может дорого обойтись Киру. Родовой брак — не шутки, это своего рода клятва крови. И если я вернусь после «измены», скорее всего, Кир умрёт. Но возвращение не так меня волновало. Мне просто очень хотелось, чтобы Кир жил... И, конечно, чтобы Радрог Отах выздоровел. Кир не показывал, но я знала, как он тяжело переживает болезнь отца.

Узнав о моём плане, Кир потребовал кровную клятву с Ишира и остальных побратимов, что мне не помогут. Но это только утвердило меня в намерениях: сам факт кровной клятвы, что понадобилась мужу означал, что я права. А, значит, моё возвращение домой — дело времени.

— Маймэй, пожалуйста...

— Кир! Это безответственно! По отношению к Нагшасу. Да даже по отношению ко всему Кемету.

— Давай вернёмся к этому разговору, когда он будет уместен?

— Кир, он сейчас уместен!

— Сейчас это разговоры о химере. О том, чего нет. Катлин по-прежнему скрывается, даже от самых сильных поисковых чар.

Я вздохнула. В этом Кир был прав. Смысла отправлять меня обратно в мой мир, до того, как найдётся Катлин, не было. Хотя бы потому, что моё присутствие так или иначе замедляло действие проклятия. А после... Кир не переставал повторять, что допрос Катлин принесёт свои плоды. В конце концов, над разгадкой компонентов яда бьются лучшие маги Кемета. Только вот сам он в это не верил. Я точно знаю: не верил. Просто тянул время. Оттягивал разговор на самую болезненную из тем.

— Я хочу, чтобы ты знал, Кир, — сказала я, глядя ему в глаза. — Я не отступлю.

Муж ответил мне долгим взглядом, нахмурился. Видела, что еле сдерживается. Буквально из последних сил, но даже не подумала отводить взгляд.

— Я не хочу ссориться, — сказал он, наконец.

Собственно, мы не ссорились. Ни разу. По-настоящему. Кроме... таких вот случаев.

— Ты уходишь от разговора, Кир! Потому что я права. И если кровные мне не помогут, имей ввиду: я найду другой способ!

Сказала — и сама испугалась. Ещё ни разу я не заходила так далеко, не опускалась до угроз, просто... Просто так больно... К тому же сегодняшняя встреча с драконами отрезала ещё один шанс на спасение. Шанс, на который возлагались такие надежды...

— Не найдёшь, — отрезал Кир.

— И как ты мне помешаешь? — я так и подскочила на месте. — Запрёшь дома?!

— Надо будет, запру, — спокойно ответили мне. И по тону я вдруг поняла: так и сделает!

— Нет, — помотала я головой. — Скажи, что шутишь. Что сказал в сердцах...

— Увидишь, — голос спокойный, а зелёные глаза так и пылают! И на дне вытянувшихся зрачков тлеет пламя.

— Эгоист! — не выдерживаю я, когда меня рывком возвращают в постель. — Какой же ты эгоист, Кир! Ты только о себе думаешь!

Мужские пальцы обхватывают мои запястья, прижимают к кровати.

Взгляд зелёных глаз упирается в губы.

Кир склонился, чтобы поцеловать, но я отвернулась.

— Маймэй... не испытывай моё терпение.

— А ты — моё! — пытаюсь вырваться, пару раз дёрнулась, а потом перестала. Всё равно бесполезно. — Да как ты не понимаешь, Кир! Ты своим упрямством не только себя обрекаешь! Какой же ты дурак! Эгоист и дурак!! Знать, что ты... — я замолчала, не в силах произнести это вслух. — Как ты себе это представляешь вообще?! Я буду жить и радоваться жизни в то время, как ты...

— Майя, пойми, — тихо сказал он. — Если тебя не будет рядом, я умру.

Задохнулась от этого признания. Вот прямо задохнулась, и, хоть не собиралась даже замолкать, рот захлопнула. В тот же миг он отпустил, перекатился на бок и отвернулся.

Какое-то время я лежала, пытаюсь подобрать слова, которые выразят то, что сейчас чувствую. Естественно, не находила... к тому же в горле стал ком, душили злые слёзы...

А когда сдалась, поняла вдруг: глупо время на ссоры тратить. И уже собиралась заговорить снова, сказать, что люблю его, вот больше жизни люблю, но было поздно...

Раздался сигнал.

Глава 55

Кристалл в изголовье кровати замигал красным, охранные руны на стенах замигали. Это значило только одно: началось. Дождались.

В подтверждение этого завибрировал камень связи на тумбочке у кровати.

— Да! — воскликнул Кир.

— Катлин, — раздался голос Ишира. — Она здесь. В восточном крыле.

— Иду, — ответил Кир, накрывая камень ладонью и прерывая связь, чтобы не расходовать зря магию дома.

Он вскочил одним прыжком. В следующую секунду на нём уже были штаны.

Я провозилась чуть дольше. Запахивая на груди рубашку, догнала Кира уже у дверного проёма, дверь как раз отъехала в сторону.

— Р-р-р-мя-а-а-у-у!! — под ноги выскочил ощерившийся чёрный клубок с взъерошенной шерстью, встопорщенными усами и сверкающими зелёными глазищами.

Выходу из комнаты Кира кошка не препятствовала, а вот мне прыгнула наперерез, и, когда попыталась переступить через неё, полоснула по ноге.

— Бесь, ты чё?!

— Маймэй, — Кир обернулся. — Баст права. Тебе не стоит встречаться с Отражением. Пока.

Чёрт побери, он прав! Мы это обсуждали. По-крайней мере, пока на Катлин не будет антимагических браслетов. Но... вот как отпустить его одного?!

— Кир, пожалуйста... — мой голос дрогнул. — Будь осторожен.

Он метнулся ко мне вихрем, нежно провёл пальцами по щеке.

— Обещаю. Эйва, — быстро склонился к моим губам в коротком поцелуе. — И обещаю, что скоро этот кошмар закончится. Мы обязательно найдём выход. Вместе.

Закусив губу, кивнула.

И только когда Кир вышел, а дверь вернулась на своё место, поняла, что мы с Беськой оказались заперты.

— Кир!! — вырвалось злое, а потом я в сердцах саданула по стене кулаком. — Запер нас здесь, представляешь? — обернулась я на кошку. — Гад!

— Мяв, — меланхолично то ли согласилась, то ли не согласилась со мной.

Зная, что бесполезно, какое-то время продолжала колотить ни в чём неповинную дверь, а когда силы иссякли, такую пустоту внутри ощутила, что даже паника подступила, потому что прежде ничего такого со мной не случалось.

Ругая последними словами всю эту ведьмовскую чувствительность, упервшись в дверь спиной, сползла по ней на пол, после чего принялась глубоко и размеренно дышать.

Паника не отступала. Теперь к этой сосущей изнутри пустоте добавилась тревога. Страх. За Кира. Самый настоящий ужас, что он не вернётся!

Беська, чувствуя моё настроение, прыгнула на колени, зарылась мордой под подбородок, упёрлась лапами в шею и с урчанием приступила к массажным процедурам. Укола кошачьих когтей я практически не ощущала, стараясь дышать ровно и медленно.

Но паника только набирала обороты.

Вдруг кошка оглянулась назад, ощерилась, а потом вжалась в меня и нервно забила

хвостом.

— Бесь, что ты? — пробормотала я, и в следующий миг поняла, что о...

Пространство передо мной замерцало, образуя круг, висящий в воздухе, в котором я узнала магический портал. Затем раздались голоса. Говорили мужчины. Беска с диким мяуканьем соскочила с рук и унеслась под низкий столик, откуда принялась сверкать зелёными глазами и шипеть.

— Вот она! Госпожа! Госпожа, вы меня слышите?

— Стой... Ты уверен, что это госпожа? Ошибка дорого нам встанет.

— А я ведь говорил: вечно прятаться не сможет, ей силы нужны. Рано или поздно, постарается добраться до проклятого!

— Сам знаю, что говорил! Тоже мне, бином Ньютона! А если мы её Отражение вытянем, прежде чем она успеет силу изъять?! Думаешь, леди сильно обрадуется? Или к Грани захотел, придурок?

— Сам придурок! Смотри: у неё шея располосована. Опять тварь Безликой постаралась.

— А ведь верно. Госпожа!

Голоса стали громче, мерцание портала — ярче и как-то материальнее, что ли... Вскоре он проступил настолько, что я разглядела говоривших по ту сторону пространства.

Двое мужчин в фиолетовых плащах, с головы до ног увешанные амулетами. Маги! И меня, кажется, снова спутали с Катлин!

— Не советуем сопротивляться, госпожа! Мы сейчас вас вытащим...

Я испытала такой ужас, что попыталась отползти, забраться под столик вместе с Беской. Но не тут-то было! Меня словно магнитом потянуло прямо в портал!

Горло парализовало (к моему стыду и позору — от ужаса), тело сковала слабость. Я чувствовала, что меня тянет всё сильнее, утягивает всё глубже... и вдруг поняла, что мы с Киром даже помириться толком не успели!

И что для него моё исчезновение будет выглядеть как побег...

Он ведь даже дверь запер, явно ожидая от меня подобного.

Значит, всё-таки не доверял...

И это осознание оказалось вдруг таким болезненным, что я сопротивляться перестала. Ощущение было — словно резко разжались пальцы, и я сорвалась в пропасть.

Глава 56

В себя я пришла на кровати под балдахином с кистями. Усевшись, огляделась. Просторная комната. Муаровые чёрные стены с золотым тиснением, камин... бордовые, в цвет балдахины и простыней, портьеры. Тёмная, тяжеловесная мебель. На шкафу покрытая лаком, деревянная горгулья, выполненная так искусно, что, кажется, вот-вот расправит крылья и взлетит.

Но главное — это я поняла со всей отчётливостью — это была комната Катлин. Прислушавшись к истинным, ведьмовским ощущениям, поняла, что я права. Здесь всё было так и пропитано тёрной энергией моего Отражения.

Я опустила ноги с кровати и тут же раздался нежный перезвон колокольчиков. Дверь распахнулась и в комнату вошли две девушки. Бледные, избегающие смотреть мне в глаза. От девушек так и веяло страхом. Даже больше: первобытным, животным ужасом.

— Госпожа желает умыться и переодеться, прежде, чем выйти к господам?

— Не угодно ли госпоже прежде поужинать?

Госпоже было угодно всё. И умыться, что включало в себя часовое сидение в лохани с подогреваемой кристаллами водой, и длительное, церемонное облачение, коему предшествовала критика одного предлагаемого наряда за другим. И долгий, очень долгий ужин из нескольких блюд.

Знаю, что вела себя как стерва, но, судя по тому, что девчонок моё свинство ничуть не удивляло, именно так и вела бы себя настоящая Катлин. А мне бы очень не хотелось, чтобы похитители узнали раньше времени, что вместо «госпожи» похитили самозванку.

Но, как ни тяни время, всё же платье — алое, из струящейся ткани — сидело идеально, причёска была готова, а обед, или скорее ужин, уничтожен подчистую. Так что пришлось согласиться на то, чтобы меня проводили к «господам». Может, они не сразу меня раскусят. Главное тянуть время.

Уверена, Кир знает, куда меня могло утянуть. Да и я догадывалась. Пара беглых взглядов в окно — и местность показалась мне смутно знакомой. Скорее всего, это то самое поместье Помаевских, восстановленное после пожара, ну, или где-то рядом, Кир найдёт! Выиграть время...

«Господа», как я и ожидала, оказались теми самыми магами в длинных фиолетовых мантиях. Они жали меня в просторном зале внизу.

— Леди Катлин! Как же вы вовремя! — серьёзные глаза в сочетании с ухмылкой говорили о том, что это сарказм.

— Это вы вовремя, господа, — я чуть склонила голову, делая вид, что, то ли не заметила издёвки, то ли просто выше всего этого. — Благодарю.

— Как будто у нас был выбор, — усмехнулся второй маг, но тут же сник под взглядом первого.

— Вам следует поторопиться, леди, — сказал первый, переставая ухмыляться. — Понимаю, что нарушили ваши планы, но мы тут держимся из последних сил. Ещё немного — и некого будет отправлять к Грани. Так что... вы знаете, что делать.

И вот дело в том, что я-то не знаю!

Я понятия не имею, чего от меня, то есть от Катлин, хотят! Что значит — они тут держатся из последних сил?! В смысле — некого будет отправлять к Грани? К какой ещё, мать её, Грани?!

Я боялась выдать себя случайным жестом. Измождённые, бледные лица магов, с тенями, пролегли под глазами, с посиневшими, словно от холода губами, пугали.

От обоих силуэтов в мантиях веяло тревогой. И к Безликой не ходи — эти, в отличие от шайки того же Вестаса, умные. Такие враз расколют. И ещё от них магией веет за

версту, но только не такой, как от наставников, а какой-то мёртвой. Заставляющей кровь стыть в жилах.

Я не успела ответить: откуда-то снизу раздался душераздирающий вопль, перерастающий в оглушительный рёв. Пол буквально заходил ходуном, со стеклянного графина на столе соскочила крышка и, пропрыгав до самого края, соскочила вниз и благополучно разлетелась вдребезги.

Начищенный до блеска щит на стене бесстрастно отразил, как стремительно бледнеет моё лицо — щёки, губы...

— Видите, леди? — как мне показалось, с укоризной спросил один из магов.

Я кивнула, и маг не смог сдержать облегчённого выдоха.

А я... я буквально оцепенела от ужаса, когда снизу снова раздался рёв, в котором на этот раз явственно слышалось:

— Ка-а-атли-и-и-ин!!! — и голос совсем на человеческий не похож, вот совсем!

— Нужно как можно скорее принять меры!

На этот раз пол затрясся так, что я покачнулась.

— Монстра надо... успокоить, и сделать это можете только вы, — глаза одного из магов блеснули.

— Не вынуждайте нас принимать меры, леди, — по поджатым губам я не вполне поняла: меня тут кажется, не просят вовсе, а угрожают? И, пожалуй, именно так и есть.

Непроизвольно шагнула назад и на посохах у обоих вспыхнули руны!

Чёрт, да они же, как маги, куда сильнее меня!

Я даже их порталу не смогла сопротивляться!

Что говорить о том, на что они могут оказаться способны в так сказать, непосредственной близости?!

— Не играйте с нами, леди, — процедил маг. — Ваше настроение я вполне могу понять, но не забывайте: на кону власть над Кеметом.

— Если Нагшас станет нашим, конечно, — добавил второй.

Я пискнуть не успела, как горло сковало льдом! Заклинание немоты, и, учитывая, что по следующему приказу мага приблизилась к ним чуть ли не вплотную, ещё и чары подчинения!

И я ничего, совершенно ничего не могу с собой поделать!

— Пойдёмте, госпожа, — маги развернулись, поманив меня за собой. Ноги предательски понесли вслед за ними.

Судя по тому, что они не догадались о моём самозванстве, с леди Катлин они не впервые управлялись магией.

Но тот факт, что меня не рассекретили, казался теперь такой мелочью!

Куда меня ведут?!

Что за монстр так страшно ревёт под землёй?!

Как я могу его успокоить?!

Глава 57

Вскоре я получила ответы на свои вопросы.

В подземелье над каменным алтарём, испещрённом светящимися рунами, метался, прикованный магическими цепями... демон.

Настоящее чудовище с красной, как кровь кожей, костяными уродливыми рогами и наростами на лице и длинным, змеящимся по полу хвостом.

Огромный, мощный, эдакая груда напряжённых мускулов.

И... абсолютно голый.

— Ка-а-а-атли-и-и-ин!!! — взревел он, не замечая нас и сиюсь освободиться от цепей.

Вспомнился рассказ Кира, что Катлин отдала свою невинность демону и заключила договор с тьмой, и теперь вынуждена кормить тьму магией. Теперь объяснилось, почему так долго Катлин не объявлялась, чтобы завершить начатое с Киром: ей не требовалась магия так уж экстренно, она думала перехитрить тьму, заключив демона в оковы. И его питать ей явно не хотелось, судя по тому, что демон обезумел от голода.

Я знала, что потусторонние существа могут оставаться в нашем мире только за счёт связи с тем, кто их призвал. Какого рода связь поддерживала Катлин с инкубом... было понятно. Как и тот способ, к которому склоняли меня, чтобы успокоить чудовище.

Я вдруг поняла, что мне ни разу, вот ни разу в жизни не было так страшно...

— Ну же, госпожа, — подталкивая меня к демону, проговорил за спиной маг. Если монстр вырвется на свободу, первое, что он сделает — освободит чудовище, и наше дело — мантикоре под хвост!

Что?!!

То есть здесь ещё какое-то чудовище есть?!

Кого это демон освободит в первую очередь?!!

— Демоны очень мстительны, вам не следовало так его злить, госпожа, — поддакнул второй, в свою очередь пихая меня в плечи.

Споткнулась и чуть не упала.

Демон, наконец, прекратил бесноваться и заметил нас.

— Катлин!!! — заревел он и меня снова в спину толкнули.

А потом, видимо, магию применили, потому что ноги снова сами собой пошли, и даже сознание от страха потерять не получалось. Как в кошмарном сне, когда пытаешься бежать — и не можешь. Вот и сейчас было похожее состояние. Только я не пыталась бежать, наоборот, старалась устоять на месте, а тело, не слушаясь меня, упрямо шагало вперёд, неумолимо приближаясь к демону...

Вот нас разделяют каких-то пара шагов, расстояние, значительно меньшее, чем цепи на его огромных руках и ногах.

Я замираю, потому что магией пихать в спину перестают, а демон, огромный, трёхметровый, склоняется ко мне и втягивает ноздрями воздух.

Мамочки! Никогда ещё не было так страшно, никогда!

И тут вдруг отвратительную красную рожу искажает оскал! А потом рогатое чудовище заходится в сатанинском хохоте!

— Дебилы! А-Ха-Ха-Ха! Кого вы привели?!! Это даже близко не Катлина! Девчонка — всего лишь её Отражение!

Логично. Если спал с женщиной, не перепутаешь её с другой. А если секс с этой самой женщиной — единственное средство утоления голода — тем более.

— Что?! — возопили оба мага хором. — К-как!..

— А вот так! — рявкнул демон, который отсмеялся уже и... судя по его взгляду, устремлённому на меня, рассвирепел ещё больше. Нет, его конечно, можно понять: обещали леди, а подсунили меня, но... ведь я ему не нужна, правда?

— Ну, раз всё разрешилось, все наши сомнения и недоразумения развеялись, я, пожалуй, пойду, — воспользовавшись тем, что магией не давили, выпалила я. — Извините, что такая у ваших сотрудников накладка вышла. Желаю удачи в следующий раз! И да пребудет с вами сила!

Отступила на шаг, затем ещё на один, ещё... и, когда совсем немного оставалось и цепи демона дальше не пустили бы, меня схватили за волосы и рванули на себя.

Честно — я даже испугаться не успела! Так быстро всё получилось!

Заклинание Абсолютного Света — мне ни разу не удавалось.

Леди Траверс и не ждала, что у меня оно выйдет, так, в рамках общей программы, так сказать, для проформы... Дала формулу заклинания и наказала на него медитировать.

Верховная же посоветовала это делать в диалоге с Безликой, то есть во время священного сна. Сказала, что раз моя сила — светлая, то, если удастся освоить заклинание Абсолютного Света — сила моя проснётся.

Оно, к слову, совершенно безвредное и практической пользы, за исключением лёгкого целительского эффекта не несёт.

Если только ты не произносишь его, соприкоснувшись с порождением тьмы. Тогда, да, конечно... Тогда польза очень даже может быть.

Если, конечно, оно получится...

— *Фиат Люксорр Разнагх!!* — выкрикнула я, ощущая, как острые, как ножи, когти скользят по незащитному горлу.

Вспышка света ослепила!

Демон взревел так, что на какое-то время я оглохла. Решила даже, что всё, барабанным перепонкам хана...

А потом пришла в себя, лёжа на холодном алтаре и тяжело дыша. Оглянулась... Демона не было! Пустые магические каналы на потухших цепях валялись рядом!

Маги пришли в себя первыми.

— Она сделала это!

— Она изгнала демона!

— Госпожа была права, её Отражение очень сильно.

— Хвала тьме, мы ошиблись.

— Тот случай, когда ошибка есть провидение!

— Воистину!

А в следующий миг я ощутила, как тело, против моей воли, поднимается! На меня опять воздействовали магией! И это вместо благодарности!

— Эй! Полегче! — возмутилась я, когда меня весьма грубо стянули с алтаря, я чудом на ногах удержалась, потому что речь на этот раз не блокировали. — Я, как-никак, от демона вас избавила!

— Именно! — не стали спорить маги. — Госпожа будет довольна.

— Что значит, будет довольна? — возмутилась я.

— Это значит, что тебе придётся немного подождать, — с отвратительной ухмылкой сообщил маг. — Как только госпожа узнает, что ты — здесь, она тут же прибудет.

— Не знаю, чему она обрадуется больше, тому, что мы захватили её Отражение, или тому, что она свободна от демона! — согласился второй маг.

— А вам не приходило в голову, что я вообще-то оказала вам услугу и в благодарность неплохо бы меня отпустить? — внесла я, на мой субъективный взгляд, самое здоровое из предложений.

Судя по взглядам, которыми обменялись эти двое — не-а, не приходило. А, судя по льду, в следующую секунду сковавшему горло, не стоит ждать, что придёт.

Глава 58

Я не знаю, сколько просидела в камере.

Маленькой, пыльной и тёмной. Свет проникал лишь сквозь узкое окошко под потолком, больше на щель похожее.

Покои Отражению леди, по всей видимости, не полагались.

Пару раз приходили всё те же девушки-служанки, приносили куда менее изысканную еду и воду, меняли ночной горшок... И тряслись при этом куда сильнее, чем в тот раз, когда меня считали Катлин.

А когда я попыталась заговорить, одна из них, привалившись к стенке, поползла вниз с закатившимися глазами. Вторая споро надавала товарке пощёчин и увела. А я поняла, что служанкам запрещено со мной разговаривать под страхом смерти. Или чего похуже.

Поэтому изо всех сил старалась не поддаваться панике и унынию и очень-очень надеяться на то, что Кир меня найдёт. Скоро найдёт...

Учитывая, что Катлин так и не появилась, связаться с ней маги не смогли. А они явно пытались. Ещё бы, такие новости, одна лучше другой...

Значит, Киру удалось её задержать. И вряд ли Катлин удастся уйти снова: на этот раз Кир не повторит прошлых ошибок и не будет недооценивать эту стерву.

А это значит, что рано или поздно он за мной придёт.

В конце концов, магией её расколуют и узнают-таки, где меня искать!

Надо просто ждать...

Ну а если всё же Катлин каким-то образом удастся выйти на связь с местными магическими сообщниками, и она доберётся до меня первой?

Об этом думать не хотелось. Потому что... потому что плохо моё дело тогда! Однозначно плохо!

Пробудившуюся после победы над демоном силу, я, конечно, ощущала. Но это было в большей степени некой ментальной констатацией факта, нежели ощущением, что говорило о том, что где-то здесь, совсем рядом, амулеты, подавляющие светлую магию, но... даже если б их не было, толку с этой самой силы?

По-хорошему — удавшееся заклинание Абсолютного Света, причём удавшееся всего раз — на настоящий момент единственное серьёзное моё достижение.

С Катлин мне не тягаться.

К тому же она не одна. На её стороне маги, сильные маги. А даже если предположить, что Абсолютный Свет мне снова удастся, против Катлин он — ничто. Потому что она, как ни парадоксально, но всё же созданием тьмы не является...

Но интересно, о каком чудовище они говорили?

Кого демон, вышедший из-под контроля, должен был выпустить в первую очередь и это нарушило бы планы на захват Нагшаса и завоевание Кемета?

Не знаю, сколько прошло времени...

Еду и воду давно не приносили. Настолько давно, что я уже утвердилась в мысли, что меня, похоже, собираются уморить голодом и жаждой. Хотя, может, всего лишь добиваются того, чтобы я обессилела...

Хорошо, что я предугадала это и последнюю чёрствую лепёшку ела буквально по крошкам, а воду цедила по капле, когда жажда становилась совсем уж невыносимой.

Нет, мы как-то с маминой лёгкой руки всей семьёй увлеклись идее лечебного голодания. Мне понравилось. Вполне себе комфортное состояние при правильном подходе. Папа так вообще герой — семь дней на сухую голодал, после чего помолодел лет на десять, но так, простите, тут не те условия. И позитивного настроения никакого совершенно. Зная даже, что Кир рано или поздно меня спасёт...

Вместо служанок пришли маги.

Сердце замерло. Показалось, что за их спинами маячит силуэт в плаще. Нет, померещилось. Просто глаза от света отвыкли...

— Пошевеливайся! — рявкнул один из них. И это было странно. Раньше маги голоса не повышали. А сейчас выглядели какими-то чересчур уж нервными. Значит ли это, что Кир где-то рядом? Скорее всего. Сердце так и замерло в груди.

— Не советую испытывать наше терпение сопротивлением, девка! — поддакнул второй.

И, вновь повинувшись магическому воздействию, мне пришлось следовать за ними.

Я оказалась права: местность в окне не показалась знакомой. Валдария! То самое поместье, что горело. Только все постройки во дворе отстроены заново, а замок восстановлен.

Вон, как раз у того сарая стояли те самые кресты в форме буквы «Х»...

На улице оказалось валом народа. Все, как один, вооружены до зубов. Среди воинов мелькают силуэты магов в тёмных мантиях, увешанные амулетами.

— Вон они! — раздался чей-то крик. — Летят!

Несмотря на магическое воздействие, каким-то невероятным усилием воли всё же смогла задрать голову.

Из груди вырвался рваный выдох:

— Кир! — и тут же закашлялась, согнувшись пополам. Ноги подкосились и я осела прямо на пыльную землю.

Но ведь это офигительно!

Над нами кружили крылатые силуэты! Нагшасы! И, конечно, Тита я узнала...

Пользуясь тем, что маги переключили своё внимание на пикирующих сверху грифонов, откатилась в сторону и какое-то время приходила в себя, тяжело дыша.

Когда тело вновь стало слушаться, на площади перед замком шёл самый настоящий бой.

Грифоны пикировали на всадников, клевали их и рвали когтями, нагшасы осыпали противников градом стрел и заклинаний. Люди Катлин тоже показали отличную готовность: сражались яростно и бесстрашно.

Я мгновенно вспомнила всё, чему учили наставники и кровные Кира! И принялась метать боевые заклинания по противникам и набрасывать энергетические щиты на союзников!

Знаю, маг из меня слабенький, но уж как могу...

Надолго сил моих не хватило.

При этом что-то подсказывало изнутри: я могу сделать больше! Я могу быть полезной! Вот прямо сейчас!

Даже почти не удивилась, когда чёрный всклокоченный комок прыгнул под ноги!

— Беська! — подхватив на руки кошку, явно прилетевшую с Киром я вдруг поняла, что именно могу сделать.

Прежде я пыталась биться и помогать своим магией, но магии во мне не так много. Ведьма не пользуется магией без самой крайней необходимости.

Но она умеет договориться с силами, которые ей нужны.

— Тэмпестатис раоррт! — выкрикнула я заклинание призыва ветра, сконцентрировавшись на внутренней силе, и, о, чудо, природа меня услышала!

Налетевший ветер принялся разбрасывать противников, вырывать оружие у них из рук, существенно облегчая задачу нагшасам.

— Майя!

— Кир!

Я даже не поняла, откуда он взялся. Откуда они с Титом взялись.

— Быстро, Маймэй, лети домой! — крикнул Кир, усаживая меня на грифона. Следом на Тита взобралась Беська.

— Кир!

— Катлин...

— Не волнуйся, на этот раз ей не сбежать.

— Так она попалась?!

— Да! Не теряй времени и не жди меня, слышишь?! Как только покончим с этим змеиным гнездом, сразу же вернусь!

— Они говорили о каком-то чудовище, Кир! Только я не смогла узнать, где оно!

— Лети, Майя! И не покидай дома — только там ты в безопасности!

— Хорошо!

— Обещаешь?

— Обещаю! — потому что Кир прав.

Я, конечно, всем сердцем хочу остаться здесь и сражаться вместе со всеми. Но посмотрим правде в глаза: на мне не то, что непробиваемых кожаных доспехов нет, ни одного защитного амулета даже! А учитывая полуголодное существование в течение последних дней... Так что самый большой прок от меня будет, если Киру не придётся отвлекаться на беспокойство обо мне.

Короткий, очень короткий поцелуй. Так хочется большего, но...

— Я люблю тебя, Кир.

— И я люблю тебя, Маймэй. Больше жизни. А теперь лети!

— Слушаюсь!

Ударяю пятками бока грифона и взмываю вверх, над битвой.

Тит набирает скорость и вдруг проваливается в воздушную яму, чудом удерживает равновесие и отчаянно бьёт крылом.

Медленно, как в кошмарном сне, поворачиваю голову и кричу от досады и боли зверя, которую ощущаю, как собственную! В правом крыле грифона намертво засело копьё! Судя по синим молниям на нём, магическое...

— Тит! Пожалуйста, маленький мой, хороший... Только не падай, Тит, только не падай...

Твержу слова заклинания Дара Жизни, одновременно с этим направляю все внутренние силы в пробитое крыло зверя, в надежде хоть как-то унять боль.

Грифон вздрагивает всем телом, переворачивается в воздухе, кувыркается, как только вставший на крыло птенец... Но всё же летит. Медленно... Очень медленно. Я чувствую, как ему больно, как плохо... Он с трудом, с невероятным, титаническим трудом остаётся в сознании! Сзади оглушительно мяукает Беська. Точно знаю: она тоже чувствует сейчас боль Тита, как свою...

Какое-то время мы продолжаем лететь вперёд, но как только поместье оказывается позади, крыло Тита безвольно повисает и мы начинаем падать.

С силой впиваюсь пальцами в шкуру зверя, чувствуя, как Беська перебирается мне на колени.

Удара о землю я не почувствовала, отключилась раньше.

Глава 59

Меня разбудили голоса. Звонкие, приятные. Даже как будто... детские?! Они говорили, растягивая звуки, как будто нараспев.

— Ведьма.

— Светлая!

— Не просто светлая! Домина драгоа!

— Это удача. Ведьме с таким редким даром подвластны все магические существа.

— А значит, она освободит духов.

— И поможет уничтожить проклятую Грань!

Открыв глаза, я часто заморгала, затрясла головой.

Меня окружали... На первый взгляд они казались детьми. Но только на первый. Глаза... глаза у этих существ были взрослые, очень пронзительные. А ещё они были совершенно зелёные, без белков! Я буквально оцепенела, когда поняла, передо мной — нелюди. А потом уже заметила и чуть отливающую зеленым кожу, и странные причёски, покрытые мхом и листьями, и одежда на этих существах тоже была из листьев и коры, а на руках, в которых они держали ветвистые посохи — по шесть пальцев.

— Очнулась, — сказала одна из них и снова добавила непонятное: — Домина драгоа...

Сообразив, что нападать на меня не спешат, покрутила головой и не смогла сдержать стона.

Рядом горой встрёпанных перьев лежал Тит. Глаза грифона были закрыты.

— Тит! — бросилась я к другу и когда услышала, что он дышит, не смогла сдержать слёз. Даже не сразу поняла, что копыта в распластанном по земле крыле нет, а рана прикрыта ароматной древесной смолой и мхом.

В недоумении обернулась на существ.

— Твой зверь спит, — сказала та самая... девочка? Женщина? — Он потерял много сил и крови.

— А где Беська?

На меня посмотрели, словно я с луны упала.

— Кошка. Чёрная, — пояснила я. — В золотом ошейнике, и глаза золотом подведены... Маленькая такая...

— Кошки не было, — ответили мне.

— Спасибо, — выдохнула я. — За Тита.

— Не спеши благодарить, — усмехнулась другая. — Наша помощь не бесплатна.

— Обычно мы не вступаем в переговоры с твоим племенем и не заключаем договоры.

— Но ты — ведьма.

— Другое дело!

Я недоумённо помотала головой. Перед глазами прыгали мушки, как бывает, когда в тебя волеют слишком много магических сил за раз. С Иширом как-то это случилось, когда он меня заклинанием Боевого Камертона так приложил, что я вырубилась. На пару часов. И, Ишир, понятно, запаниковал. А кто бы не запаниковал на его месте? И дело даже не в гнев Кира, который, конечно, уж грянул бы, так грянул. Просто Ишир знал, что если муж насильно освободит меня от занятий, я ведь одним заклинанием

несварения не ограничусь...

— С каким племенем? — спросила я, чувствуя, как в голове понемногу яснее. — Кто вы? Что вы хотите за помощь Титу?

— Ты быстро приходишь в себя, домина драгоа. Это хорошо.

— Мы — дриады! Большинство твоих сородичей не подозревает о нашем существовании!

— Это точно... Чего вы хотите?

— Элементали стихий вышли из повиновения.

— Элементали... в смысле духи?

— Наши ближайшие друзья и соратники. Невидимые, неслышимые они докладывают нам обо всём, что творится в царствах животных и людей. Но они больше не идут на контакт. Попытке подчинить предпочитают смерть.

— Это значит только одно: кто-то использует высшую магию крови для их подчинения.

Я даже закашлялась.

Высшую магию крови?! Хм. Сдаётся мне, я знаю, откуда во всей этой истории ноги растут.

— Что вы хотите, чтобы я сделала?

— Освободи их!

— Но... как?!

— Ты — ведьма! Ты — домина!

— Тебе лучше знать!

— Я знаю простейшие заклинания снятия чар, но, поверьте, я никогда не имела дела с магией крови!

— Ты не понимаешь, домина драгоа! Подчинение элементалей с помощью магии крови делается для того, чтобы вытягивать их силу! Много силы! Вся она уходит на поддержание контура Грани! Но Грань шатается! Мы слышим, как она дрожит, сотрясаясь от ударов!

— Лишишь Грань силы и врата навсегда закроются!

— Чудовище, что сдерживает Грань, сгинет за ней!

— Ты освободишь элементалей, вернёшь нам наших друзей и поможешь своему племени!

У меня голова пошла кругом.

— Но как... я никогда раньше не...

— Тогда лучше призови на помощь всю свою силу, ведьма! Если не хочешь, чтобы твой друг умер.

Беспомощно оглянулась на Тита. Дыхание спящего грифона было хриплым, рваным, тяжелым. А судя по тому, какой он горячий, зверя лихорадит...

— Вы не допустите его смерти, — ответила я тихо, но уверенно. — Вы правы, многие ничего не знают о дриадах, но я знаю точно: жизнь животного, тем более, магического существа для вас священна!

— Ты отличаешься от других людей, ведьма.

— И поэтому с тобой можно говорить откровенно.

- Ты не отплатишь нам чёрной неблагодарностью.
- За то, что мы помогли твоему другу, ты поможешь нам!
- Но что я могу сделать?
- Ты — ведьма, у тебя власть над стихиями!
- Ты — домина! У тебя власть над магическими созданиями!
- Освободи же их!
- Освободи наших друзей!

Прислушавшись к себе, я вдруг поняла: дриады правы.

Схватка с демоном и послужила тем самым спусковым крючком, о котором говорили леди Траверс и Верховная.

Высвобождение силы ведьмы произошло.

Несмотря на усталость, я чувствовала, как сила бежит по энергетическим каналам, наполняя тело. Мы изучали заклинания призыва и отзыва, а это значит...

- Я... попробую...
- Мы не сомневались, ведьма.
- Как мне их найти?
- Иди к той горе! — махнула рукой, задавая направление одна из дриад.

Я проследила взглядом её жест. Эту гору, невысокую, но с острой скалистой макушкой я помнила — она была видна из окна замка. Только если раньше взгляд на серой глыбе не задержался, то сейчас в груди что-то сжалось, когда я попыталась приглядеться истинным, ведьмовским, зрением. Я сперва почувствовала магию. Ощутила её всей поверхностью кожи. Сильную. Тёмную. Основанную на подчинении и крови. А затем увидела, что гору окутывает прозрачная багряная дымка...

- Грань обхватывает эту гору контуром, — от звонкого голоса дриады я вздрогнула.
- Элементали — внешний круг, и самый прочный!
- Лишишь подпитку Грани стихий — и она начнёт разрушаться!

Я кивнула, и, бросив последний раз взгляд на спящего Тита, я пошла в заданном направлении.

Глава 60

Духов стихий я и вправду скоро почувствовала. Мы работали с элементами, призывали и отпускали их под строгим контролем леди Траверс. Но это была работа с простейшими духами. Сила, которую я чувствовала сейчас, от надвигающегося на меня поверх макушек деревьев скалистого пика, была огромна...

Как справиться с *таким* количеством духов, которые к тому же удерживаются силой высшей магии крови я была без понятия.

И в то же время я должна попробовать!

Дриады не отправили бы меня на верную смерть, ведь правда?

Точнее, ладно, жизнь человека для них не настолько священна, как жизнь того же Тита... Или, скажем, элементаля... Но если бы они не были уверены, что у меня всё получится, не дали бы это поручение! Это уж точно! Дриады, насколько я помню из рассказов леди Траверс — самые практичные магические создания. Они не стали бы тратить на меня время.

Но дриады уверены были в том, что у меня получится!

Да и я после того, как прекратилось это паскудное магическое вмешательство в разум, чувствовала себя всё лучше. Кроме того, я отлично выспалась, и, подозреваю, здесь не обошлось без магии дриад. Мне дали возможность восстановить силы! Магическое воздействие дриад объясняло также абсолютное отсутствие чувства голода и жажды. Сытостью моё состояние, конечно, тоже не назовёшь, но и слабости нет совершенно.

Чем дальше я шла, огибая толстые стволы деревьев и колючие кустарники, тем явственней различала истинным, ведьмовским слухом шёпот духов. Они звали! Просили о помощи! Понятно, почему дриады не смогли помочь своим друзьям сами: их магия отличается от человеческой. Сильно отличается. А судя по количеству духов, магией здесь не справиться. Нужна именно сила ведьмы, которая умеет не воздействовать магией, а договориться с силами стихий. Чем элементы и являются.

Меня сбили с толку какие-то звуки. Я не сразу поняла, чем именно, потому что звуков было много: шелест листвы, пение птиц, стрекот сверчков, жужжание пчёл... И зов духов...

А этот новый звук, так похожий на плач совершенно не вписывался в общую картину!

Прислушавшись, я поняла, что это и вправду плач. Даже рыдания! Причём плачет человек! Судя по голосу — девушка, как будто совсем молодая...

Чёрт меня дёрнул свернуть...

Сделав несколько шагов и услышав, что плач стал громче, я вдруг замерла.

Ну вот что я делаю?!

Дриады ждут, когда я духов освобожу, что раскачает некую Грань, сильно мешающую не то им, не то моим соплеменникам... Не то ли чудовище скрыто под ней, которое мог освободить вырвавшийся на свободу демон?

А я тут ринулась утешать неизвестную плаксу?!

Черте что. Я даже головой помотала, словно норовя избавиться от гипноза.

И вдруг прямо передо мной в кустах мелькнул чёрный хвост! Знакомый хвост! Такой знакомый, что и представить сложно! Я бы этот хвост от тысячи других хвостов отличила!

— Беська!!

— Мяв! — раздалось из кустов вредное и знакомое, и хвост, вильнув, скрылся.

Не разбирая дороги, ломанулась за ней!

Чёрный хвост время от времени мелькал впереди. Пару раз кошка останавливалась, словно позволяя мне приблизиться, чтобы удрать потом из-под самого носа! Чёрная вредина решила, видимо, что это такая игра!

— Беся, Бесечка, — звала я. — Иди сюда, девочка! Не смешно!

Когда мои руки уже готовы были сграбастать, наконец, мелкую нахалку, они в очередной раз схватили воздух. Нога при этом зацепилась за корень дерева, я кувыркнулась через голову... несколько раз, скатываясь к небольшому озеру.

Поднимаясь и оглядываясь в поисках кошки, отметила, что плач, который до недавнего раздавался совсем рядом, утих.

Рядом, в шагах десяти, сидела девушка с длинными, распущенными по плечам светлыми волосами, в просторном белом платье, напоминающем сорочку. Девушка сидела на самом краю берега, обхватив колени руками. И смотрела в воду.

— Привет! — позвала я. — Это ты плакала? Прости, если отвлекаю, но ты здесь кошку не видела? Такая маленькая, чёрная...

Девушка медленно повернула лицо ко мне, и я невольно отшатнулась.

Нет, ничего страшного в её внешности не было. Обычное лицо, можно даже сказать, непримечательное. Мимо такой пройдёшь на улице и не запомнишь. Волосы тоже пепельные, гадкие... И только приглядевшись, начинаешь замечать тонкие скулы, изящные, аккуратные черты. Миниатюрные кисти рук, длинные, тонкие пальцы. На что угодно готова поспорить, девушка никогда руками не работала. Аристократка... Или из какого-то богатого дома, где есть деньги на бытовую магию. Только вот мы в лесу! Откуда она здесь?

Но, конечно, неподходящая для леса внешность никак не могла оттолкнуть.

А вот улыбка, вымученная, какая-то болезненная и безумие в глазах — могли и ещё как!

— Ты меня понимаешь? — тихо спросила я, думая, что ещё только сумасшедших мне не хватало.

— Ты всё-таки пришла! — воскликнула девушка, явно приняв меня за кого-то другого. И даже не будем говорить, за кого, потому что итак ясно.

— Это не я, — выдохнула я. — То есть я не она. Мы просто похожи.

— Я знала, что ты придёшь! — кивая невпопад, продолжила настаивать девушка. Ей явно становилось хуже. — Отдай кулон!

— Прости, — только бы не разозлить её ещё больше. — У меня нет твоего кулона.

— Верни!! — крикнула она, вскакивая.

Я тоже вскочила, принялась отступать. Было в незнакомке что-то пугающее, помимо даже этой измученной, кривой улыбки и безумия в глазах...

То, как она двигалась, приближаясь ко мне...

Я такое только на выступлении маминого любимого «Сухишвили» видела. Там девы в коронах и длинных, расшитых золотом платьях, буквальноплыли над сценой... Как лебеди. Так и незнакомка сейчас (которая вряд ли балерина!). Казалось, она не касается босыми ногами травы. И даже... не примакает её!

— Верни кулон! — продолжила она повторять, а я с ужасом поняла, что тело перестало меня слушаться, а сознание подёргивается дымкой. Голос незнакомки доносился теперь как будто из-под воды. — Тебе он не нужен, а мне его мама подарила. Верни!

И я вдруг увидела этот кулон! О котором она говорила! С лунным камнем капелькой, на длинной белой цепочке! И на камне вензель, две буквы «О.П.», с завитушками!

Незнакомка оказалась сильным магом с даром внушения!

— У меня... нет твоего кулона, — повторила я с трудом, потому что язык слушался плохо, а рот почти не открывался.

— Тогда принеси!!!

И я внезапно почувствовала, что меня тянет в сторону, словно магнитом!

Я знала куда идти!

Знала, что её кулон... вниз по тропинке, в то время как дриады направили меня совсем в другом направлении! Но не подчиниться я не могла! На меня снова воздействовали и воздействовали серьёзно!

— Но... у... меня... дела... — из последних сил сопротивляясь, прошептала я. — Почему бы тебе не попросить кого-то другого?

— У всех дела, — грустно сказала девушка и я почему-то понимаю «этих всех». Но вот что совсем уж парадоксально, злиться на эту сумасшедшую не могу. Вот не могу, и всё. Магия, не иначе. — А мне обратно хода нет... Принеси...

И как только я прекратила сопротивление, тело вновь стало слушаться, а сознание прояснилось. Но теперь в висках настойчиво билась навязчивая мысль: принести ей этот проклятый кулон! Я знала, где он, видела его намного реальнее, чем мир вокруг. И знала, что пока не выполню её просьбу (так мне нравится гораздо больше, чем приказ или даже поручение), наваждение не прекратится, и при малейшей попытке сопротивления меня снова контузит. Впрочем, согласно *истинным*, ведьмовским ощущениям, идти мне недалеко.

Девушка же, увидев, что я больше не спорю, утратила ко мне интерес. Уселась на берег в прежнюю позу: обхватила руками колени и принялась всматриваться в воду.

Вздохнув, потопала в ту сторону, куда звал злополучный кулон...

Вскоре я вышла на опушку леса. Спустилась по узкой тропинке, и, когда увидела невысокие деревенские домики, поняла, что почти на месте. Порадовавшись, что меня направили в близлежащую деревушку, а не приказали бежать куда-то километров двадцать, а то и восемьдесят, снова прислушалась к внутренним ощущениям.

Если верить ведьмовскому чутью, то, что мне нужно, точнее нужно незнакомке, находится в крайнем доме. Довольно ветхом, покосившемся.

Как я кралась за низкой плетёной оградой, пробиралась к нужному дому, чтобы меня не заметили праздношатающиеся селяне и играющие поодаль ребятишки — отдельная песня. Хорошо, что в том, что касается добычи кулона, голова работала, и работала хорошо.

— Эдак из меня профессиональную воровку можно сделать, — беззвучно прошептала я, взбираясь на подоконник в распахнутое окно. Я чувствовала: в доме никого нет.

Искомое нашлось практически сразу.

То есть это я знала, где искать.

И вовсе не потому, что на крышке низкого сундука у стены обвив лапы хвостом сидела Беська и таращила на меня свои зелёные глазищи.

— Ну, знаешь, — буркнула я, отпихивая от себя ластящуюся бестию. — Только не говори, что это ты всё подстроила! Сначала ведьме этой сумасшедшей буквально на блюдечке меня преподнесла, теперь вот тут... Потому что это чересчур уже, ясно?

— Мяв!

— Дурёха... Если ты решила открыть магическое розыскное бюро, знай, я к тебе в штат наймусь только с полным соцпакетом! И надбавкой за вредность и вообще риск для жизни!

— Ур-р-р-р!

— Ладно, давай быстрее покончим с этим и будем выбираться отсюда. Нам, если кто-то не в курсе, ещё за лечение Тита с дриадами рассчитываться...

Приподняв крышку сундука, я выудила на свет шкатулку.

В ней и был кулон. Тот самый.

Лунный камень каплей, тонкое нежное плетение цепочки. Вензель с закорючками... Изящное украшение никак не вписывалось в убогую обстановку с деревянными обшарпанными стенами, пучками каких-то трав, свисающими из-под потолка...

Стоило мне достать из шкатулки искомое, накатило небывалое облегчение. Есть! Теперь вернуть его девчонке и очень надеяться, что обойдётся без других «поручений». Принести ей три куриные головы, например. А что? Ну видно же, не все дома у человека.

— А я говорю — здесь она! — раздалось вдруг под окном. — Сам видел, как в окно, гадина, прошмыгнула.

— Ты тогда стои здесь, стереги! А мы с мужиками в двери пойдём!

— Изловим стервь!

— Надо же, что деется, уже среди бела дня у стариков воруют!

Так, кто-то, похоже сильно переоценил свой талант начинающей профессиональной воровки.

С одной стороны, хорошо, конечно, что воровкой мне не быть, а с другой...

Ну надо же было так вляпаться!

Глава 61

Крестьян было много.

Больше, чем необходимо для запугивания маленькой несчастной меня. Они галдели, кричали, угрожали... да чем только не угрожали! Причем некоторые держали перед собой вилы и колья, отчего я чувствовала себя застигнутым на краже лошадей цыганом из старинного фильма.

— Воровка! Воровка! Воровка!!!

И ведь не поспоришь.

Бесспорное доказательство факта воровства до сих пор у меня в руке.

Кулон пробовали отнять силой, не удалось. Знайте азы нагшасской техники боя, да! Правда, на вилы с ней не очень-то погрёшь, поэтому всё же перевес силы оказался на стороне бородатых мужиков.

— Стойте! Люди добрые! Да вы посмотрите на неё! Не наша ли это графиня?!

— А ведь и правда!

— И правда, и правда, не наша ли это леди?

Чуть не взыв от досады, я улыбнулась как можно шире и проговорила как можно спокойнее:

— Нет! Мы просто очень похожи. Честно. И я не воровка. Я встретила девочку, вон там, и она попросила, чтобы я принесла ей эту вещь. Сказала, что это её кулон, понимаете?

Мои последние слова потонули в негодующем вопле разъярённой толпы.

Лица крестьян исказила такая ненависть, что я поняла со всей очевидностью: хана мне. Если у воровки был ещё шанс выйти живой из этой передряги, то у любимой народом леди Катлин — нисколечко.

— Где — графиня? — раздался низкий, кашляющий голос.

Крестьяне с почтением расступились, пропуская вперёд старуху.

Белые, как лунь волосы свисают по сторонам худого, изборождённого морщинами лица. Загнутый книзу нос, седые брови. А глаза — голубые и ясные, как у детей. Взгляд пристальный, очень глубокий. Взгляд много повидавшего человека...

А ещё, как только она приблизилась и я взглядела в её лицо истинным зрением, стало ясно: передо мной ведьма. Самая настоящая, как леди Траверс, и Катлина, чтоб её черти съели, и даже я. Старуха, судя по усмешке, тоже распознала во мне «коллегу». А потом вдруг подмигнула.

— А ну иди в дом! — скомандовала она мне.

К моему удивлению и даже шоку, пропустили! Вот только что буквально собирались за волосы к грагхскому хвосту привязать — а тут нате, бабушка скомандовала и отпустили!

Не решившись спорить, я поспешно юркнула в дом.

— Раскричались, раскаркались, как вороньё! — доносился с улицы голос старухи, распекающий крестьян. — Графиня, графиня! Померещилось вам, понятно? Племянница ко мне приехала, из Нижнего Залесья, спутали вы.

— А... как же...

— А вот так! Помогать! От вас, лоботрясов разве дождёшься? Вы ж только как сами заболаете, али скотина, о Кирке вспоминаете! А между тем, я моложе не становлюсь...

Неуловимо облизнуло магией и я поняла, что ведьма использует силу внушения. Подействовало. Народ и вправду разошёлся, и довольно быстро.

— Фух, умаялась, — сказала старуха, входя в дом и закрывая за собой дверь. — Но отвела-таки глаза...

Я часто заморгала.

— Зачем вы мне помогли?

— Во-первых, затем, что я пока не слепая и вижу: не Катлина ты никакая, а ейное Отражение. А мне брать на душу грех не хочется. Не подоспей я вовремя, тебя б вместо этой мерзавки на части разорвали.

— Почему-то не сомневаюсь, — передёрнула я плечами.

— А во-вторых, — она вдруг тепло улыбнулась, а голубые глаза заблестели. — Кабы они тебя разорвали, как бы мне узнать, зачем тебе понадобился кулон моей Огнешки?

— Огнешки?

— Огнессы Помаевской, настоящей графини и наследницы Валдарии!

— Подождите, здесь какое-то недоразумение. Графиня — Катлин Помаевская, в девичестве Ветарская...

— Шелупонь это, прости, Безлика, а не графиня! — сурово отрезала ведьма и у меня не возникло никакого желания спорить. — У этой парочки аферистов, Аджарского и Ветарской, никакого права носить фамилию Помаевских нет и не было!

Никогда я ещё не соображала так быстро. На адреналине, не иначе.

Арслам Аджарский женился на богатой наследнице и взял её фамилию. Вскоре его жена умерла, и он женился на Катлине.

— Меня попросила девушка! — воскликнула я, скрипнув зубами, потому что вернуть бабушке этот проклятый кулон не смогла, как ни старалась. — Вон там, у пруда! Вы извините, она магией воздействовала. Я бы сама не решилась... Никогда...

— Запомнила кое-что, значит, — пробормотала старуха. — А где, ты говоришь, её видела?

— Вон там, — повторила я. — У пруда.

— Всё верно, — кивнула своим мыслям старуха. — В нём они её и утопили.

— Что?! Нет... Нет, не может быть! Она... живая, — мой голос дрогнул, потому что вспомнила, как девушка «ходила», не приминая травы. Значит, мне не показалось. Живые так точно не могут...

— Поди-ка сюда, — поманили меня пальцем с ровным аккуратным ногтем и выудили из сундука портрет в рамке.

- Посмотри, не её ли ты встретила?

Я ахнула. В длинном платье и шляпке с пером девушку было, конечно, не узнать, но, взглядевшись в тонкие, аристократичные черты, я кивнула.

— Одно лицо...

Старуха вздохнула.

— Леди Огнессы Помаевская... Покойная графиня.

— А вы...

— Я — кормилица её прабабки. Бабку её, и мать тоже, и Огнешку вот нянчила... Когда юная леди померла, меня из замка выставили. Тронуть Арслам побоялся, догадывался,

что я ведьма. Как и ты, иномирянка.

— Как вы поняли?

Старуха пожала плечами.

— Так ведь ты Отражение Катлины. Через портал в башне, значит, она тебя затянула? Тогда ещё, во время пожара? Когда Тхрагорский пожаловал?

Молчу. Хватаю ртом воздух. Таращу глаза.

— Ну больше-то не через что... — ведьма кивнула каким-то своим мыслям.

— Вы хотите сказать, что я могу вернуться обратно? В свой мир? — мой голос дрогнул.

Ведьма смерила меня долгим взглядом.

А её лицо вдруг стало расплывчатым, сгорбленный силуэт отступил на задний план, померк... Вся убогая обстановка вдруг стала совсем серой, как будто нереальной.

Зато я как наяву увидела Кира.

Такого родного, с открытой улыбкой... Взгляд, как всегда окутывает теплом и нежностью... Вспомнила его руки... губы на своих губах. Просьбу лететь домой. Новость, что Катлина попалась. И своё обещание...

Но ведь теперь дело совсем за малым: помочь Киру избавиться от проклятья!

— Проклятье хочешь с лорда Нагшаса снять? — вопрос прозвучал неожиданно и возымел эффект обуха по голове, но я, не смотря на шок, не задумалась ни на секунду с ответом.

— Да! Вы можете показать тот самый портал? Вы знаете, где он?!

— Не так быстро, девочка, — старуха покачала головой. — Леди Катлин многое задолжала людям, что хотели тебя убить. И не только им.

— Но я же не она! — воскликнула я, надеясь, что ослышалась. — Я не имею к её преступлениям никакого отношения!

— Но ты её Отражение! — сурово отрезала старуха. — И поэтому именно *ты* можешь искупить всё то зло, что *она* причинила.

— Но... вы же тоже... ведьма...

— Сама видишь, стара я. У меня силы-то своей почти не осталось. Вон, людям глаза отвела, а у самой в глазах потемнело. А знания у меня есть, и немалые! Да одними знаниями не справиться с бесчинствами, которые тут твоё Отражение творило... Так что давай заключим договор: ты мне поможешь — я тебе. Очистим от нечисти Валдарию — и сможешь вернуться домой. И лорд твой сможет от проклятья избавиться.

Я перевела взгляд на Беську, таращащую зелёные глаза.

— Мяу-у-у, — мяуканье вышло жалобным, тонким. Похожим на плач ребёнка.

— Вот почему ты меня сюда привела, Беся, — тихо сказала я. — Ты хотела помочь Киру.

Конечно, кошка не ответила. На то она и кошка. Но посмотрела с такой тоской, что и слов никаких не надо.

Решение не заняло много времени.

На самом деле оно созрело уже давно.

— Что нужно делать, бабушка? Простите, не спросила вашего имени, и сама не представилась...

— Зови меня Киркой, так привычнее. Цирцеей я была лет сто назад. Что делать, я скажу. Научу, — серьёзно кивнула ведьма. — А для начала вернись к призраку.

— К призраку?

— Нежели сама не поняла до сих пор? Ты Огнешку потому только и увидела, что сама ведьма. Я-то, к стыду своему, лишь силуэт вижу, и то ночью... А чтобы поговорить с моей девочкой, узнать, что её тревожит, — старуха помотала головой, — нет, не могу. Стара.

— Но я видела её так отчётливо, у меня даже сомнения не возникло, что она реальна...

— Ты сильная, ведьма. Пусть сила твоя только пробудилась, но её много. Отнеси Огнешке кулон. Если память о матери единственное, что её здесь держит, получив кулон моя девочка, наконец, обретёт покой.

— Хорошо, — я не стала спорить. — А можно спросить?

— Спрашивай.

— Дриады называли меня «доми́на драго́а». Что это значит?

Старуха довольно усмехнулась.

— А ты не знала о своём даре?

Я помотала головой.

— Даже не догадывалась?

Я пожала плечами.

— Кажется, он связан с магическими существами... но...

— Домина драгоа переводится с Уснувшего языка как Повелительница драконов! Ошарашила меня Кирка. И добавила, довольная произведённым эффектом. — Да, это твой дар, ведьма. Ты, правда, не знала?

...Этой ночью я вернулась к дриадам.

Чтобы сообщить, что помощь духам затянется. Но состоится обязательно. Потому что теперь мне помогут. И скоро, очень скоро элементали будут свободными. Мне поверили, сразу, стоило упомянуть, что мне согласилась помочь ведьма Кирка из деревни. Её знали и относились даже с уважением.

Разговор с дриадами был не единственной причиной моего прихода.

Нужно было ещё отпустить выздоровевшего и отдохнувшего Тита, наказав ему найти хозяина.

Грифон не хотел лететь.

Ревел, поднимался на дыбы, молотил передними лапами в воздухе.

Норовил обнять меня крылом...

Но я, повелительница драконов, приказала ему, и он не смог послушаться.

Глава 62

— Здравья, Аншанка!

— И тебе здравья, Васка, — вежливо ответила я на приветствие главной сплетницы деревни.

— Вот ты как всегда где-то лазаешь! — не унималась Васка. — Самое интересное пропускаешь!

Вот не хотела ж останавливаться! Не хотела слышать рассказней Васки. Потому что не просто так я в лес ушла. И отсиживалась там у дриад тоже не просто так. Несмотря на личину, что сплела для меня Кирка, которую все здесь считают моей тёткой, рисковать не хотелось. Хоть личина и изменила меня до неузнаваемости, с некоторых пор я перестала ей доверять. Потому и сидела, сжавшись в комок под широким, размером с зонтик, листом имуса. Его тут называют ещё Сердцем Леса. Сидела и... тряслась, чтобы сработало. Отличительная особенность имуса в блокировании магии. Любой. После того случая у колодца, Кирка стала отправлять меня в лес в такие моменты. Пересидеть.

— Некогда мне, — ответила я. — Тётка поручений надавала.

— Ох, бедняжка! — фальшиво посочувствовала Васка. — И ведь как не вовремя!

Новость распирала её изнутри и всё же пересилила.

— Тут, пока тебя не было тако-о-е было!

— Какое? — смирившись с неизбежностью, спросила я.

— Так Тхрагорский прилетал! Опять!

— Видела, — скрипнула я зубами.

И правда, видела.

Видела Тита снизу. А на Тите... только он мог быть. Да мне и видеть не надо было... Я следила взглядом за полётом грифона и думала, сердце разорвётся от боли. Еле удержалась на месте... Но с каждым разом всё тяжелее и тяжелее. Никогда ещё так, как сегодня я не была готова к тому, чтобы послать к чертям наш с Киркой идеальный план и моё несгибаемое намерение вернуться обратно. В свой мир. Я почему-то даже в мыслях его домом называть не могу. И от этого как камень на сердце...

— Опять народ расспрашивал, не видали чего странного, — продолжала щедро делиться сплетнями Васка. — А у Кирки целый час просидел! Видать, за каким зельем прилетал! О как!

Я пожала плечами, мол, какое моё дело.

— Странная ты, Аншанка! — обиженно крикнула в спину Васка. — Неужели не жаль, что самого Тхрагорского пропустила?

— Жаль, — меланхолично согласилась я, захлопывая за собой дверь.

— Так и знала, что Васка тебя караулить будет, — хмыкнула Цирцея. — Два часа у калитки простояла. Заняться ей нечем.

— Ага, — согласилась я.

— Спросить ничего не хочешь?

Я посмотрела на ведьму долгим взглядом. Цирцея, — а наедине я называла наставницу именно так, оставив упрощённое «Кирка» для односельчан, — смотрела строго, как всегда, но сейчас в её ясных голубых глазах явственно читалось понимание. И немой вопрос «не передумала?».

Я покачала головой и отвернулась. Ведьма хмыкнула.

— Ну, как знаешь...

— Как он? — всё же не выдержала я.

— Здоров, — коротко ответила ведьма. Не оборачиваясь, я кивнула и опустившись на скамью, приступила к сортировке трав, что принесла из леса.

...Подходит к концу третий месяц, как мы с Беськой живём в доме ведьмы Кирки-Цирцеи.

Точнее, я живу здесь всё это время, а Беська как-то на пару недель исчезала. Соскучилась по Киру... Но, видимо, чувство вины передо мной пересилило, и кошка вернулась. В тот день я гладила её сильнее обычного. Зарывалась носом в чёрную бархатную шёрстку, целовала... Представляя, что совсем недавно её держал на руках он.

Хуже всего, что после возвращения кошки визиты Кира в Валдарию участились. Кирка объяснила, что Беську, Дар Безликой с помощью магии не отследить. Даже самой сильной. Поэтому опасаться, что меня найдут и раскроют, нечего. Сказала-то сказала, а сама при малейших признаках приближения Кира отправляла меня в лес, к дриадам под Сердце Леса прятаться...

Я тоже наведённой личине не слишком доверяла и потому послушно пряталась.

Особенно после того случая у колодца.

Я за водой ходила, и вдруг... накатило. Прямо там. Стою, вцепилась к деревянный борт, пальцы побелели, а меня чуть ли не трясёт. Потому что он где-то рядом!

Небо на мгновение застлала чёрная крылатая тень, затем Кир спрыгнул с Тита метров с трёх и оказался за спиной.

И вот стою, чувствую его взгляд между лопаток и понимаю — не выдержу. Нет, не выдержу. Гори оно всё синим пламенем...

А сердце в груди рвётся. И такая невообразимая тоска и боль от *него* исходит, что в глазах темнеет. Мир задерживается пеленой.

И вся моя суть, всё моё существо так и тянет обернуться, прыгнуть на шею, и... точно знаю, он бы меня узнал, даже в личине!!

Ну вот заслуживаю я простого женского счастья? Хоть и недолгого...

Первое, чему научила Кирка — экранировать ауру. Всё время этим заниматься невозможно, слишком уж энергозатратно, но, когда вот так приспичит, на пару минут буквально можно скрыть...

Потому стою, сжав зубы и сконцентрировавшись, жду, когда мимо пройдёт. Если сверху, с Тита ему что-то могло померещиться, то сейчас, конечно, попустило. Хотя бы потому, что моя личина раза так в два, а то и в три пошире, хм, меня прежней.

— Простите, — раздалось за спиной такое знакомое, что я чуть не взвыла в голос.

Повернулась рывком.

— Что угодно милорду?

Нахмуренные брови, недоумение в зелёных глазах. Безлика, как он осунулся... И взгляд потух.

Маймэй, если тебя не будет рядом, я умру.

Нет! Нет, чёрт возьми! Не думать об этом, не думать! Не смей! Выдашь себя — не отпустит! И проклятье не снимет!! Вон, чешуйки уже перебрались с виска на скулу, разрослись почти по всей шее... Захотелось накрыть их ладонью, как когда-то... А ещё спросить, почему ты такой небритый...

Но перед мысленным взором вдруг с бескомпромиссной ясностью возник рептилоид.

Чудовище, похожее на ящера, вставшего на задние лапы.

Ничего общее с человеком не имеющее.

Мы вчера с Киркой как раз такого... последнего, кстати, упокоили... Понятия не имею, откуда они здесь взялись, у самой Грани... Кир говорил, что такие сами в Проклятые земли отправляются, в Валарагхар, их тянет специальный артефакт, который не отпускает потом от себя. Ну да не суть. Четверо каким-то образом оказались в лесах Валдарии. Видно, прежде, чем приняться за Кира, Катлин всё же тренировалась...

И если до того, как впервые встретила это чудовище, какие-то сомнения и угрызения совести меня мучили, то стоило встретиться с *таким* лицом к лицу, сразу малейшие сомнения утихли.

Потому что то, что ждёт Кира — страшно. Очень страшно.

И я никогда себе не прощу, если не сделаю всё, что в моих силах, чтобы он избежал этой участи. И даже если это выходит за рамки моих сил, сильно даже выходит, вот, как сейчас... всё равно не прощу!

— Мы не встречались раньше?

Сверхъестественным усилием воли заставила губы растянуться в улыбке. Я знала, что Кир видит перед собой. Невысокую полненькую девушку с пышными, очень пышными формами. Со смуглой оливковой кожей и вишнёвыми глазами, с черной, как смоль, косой до пояса.

— Сомневаюсь, милорд, — копируя местную манеру говорить, ответила я и хмыкнула: — Если только во сне.

Спохватившись, что именно ляпнула, подхватила ведро и направилась было прочь, но была вынуждена остановиться, когда схватили за руку.

Прикосновение таких родных, таких знакомых и чутких пальцев обожгло. Я чудом устояла на ногах.

— Я чем-то могу помочь вам, милорд?

— Почему ты так сказала?

Пожала плечами.

— Простите, если что не так.

— Всё так, — меня со вздохом отпустили.

Проклиная себя на все лады, я направилась к дому Кирки.

За спиной раздался визгливый голос Васки:

— Как не знать, милорд. Аншанка это, племянница ведьмы Кирки!

Вечером Васка прибежала к ведьме и, сама себя перебивая восклицаниями «Какой же Тхрагорский всё-таки красавец!» попросила приворотного зелья.

— Только не такого, какое ему надо выпить! А какое самой!

— А кого это ты привораживать надумала?

Ответ не замедли себя ждать. Естественного, молодого лорда Нагшаса!

— Да знаю я всё, где я и где он! — жеманно пожимала Васка плечами. — Понимаю, что не светит... Но ведь на одну ночьку может мне свести, да ведь? Да хоть бы разок только... уж я всю жизнь вспоминала б...

Посмеиваясь, Кирка изготовление зелья мне поручила. А я уже в свою очередь щедро сыпанула в общеукрепляющий настой средство от запора. Самое действенное. И ещё на

чары не поскупилась. Целых три дня Васка потом не показывалась. И то сахар.

После того случая Кир зачастил в эту деревню. В частности — к Кирке. Мне же полагалось больше не попадаться ему на глаза, благо дриады согласились помочь. Мы вообще подружились, если, конечно дриады вообще способны на дружбу с человеком. Впрочем, тот факт, что я ведьма, причём с редким даром, со мной их примирял.

Глава 63

...За три месяца мне с помощью Кирки удалось не только освободить элементарей, что требовали дриады, но и основательно подчистить за Катлиной, которая, будучи женой Аджарского, то есть Помаевского, успела натворить такого, что волосы шевелились.

Элементали — саламандры, сильфы, келпи, Хранители леса, вышедшие из подчинения у дриад, оказались самым меньшим злом.

Леса были наводнены проклятыми.

Четверо — бывшие нагшасы, то есть с ними мы встретились в обличье рептилоидов...

Но в основном Катлина черпала силы из обычных людей, которые после того, как силы их, которые подпитывали Грань, иссякали куда быстрее, чем у бывших нагшасов, умирали. Только вот... не совсем. Не до конца.

Те, кто при жизни были людьми, превращались в нежить.

Днём нежить отлёживалась, пряталась от солнечного света, а ночью выходила на охоту... И хорошо, если её добычей становились дикие звери или домашний скот.

Крестьяне сидели ночами по домам, в надежде, что изготовленные Киркой амулеты отведут непрощеным гостям пустые глазницы.

На просьбы, передаваемые бывшим хозяевам через управляющего вызвать мага, ответов не дожидались... А потом и вовсе перестали обращаться, потому что пошёл слух, что крестьяне пропадают не только из-за нежити... Когда в графское поместье прибыли маги, народ, конечно, воспрял духом, но... люди пропадать не перестали, а нежити становилось всё больше...

Ещё в первый день я рассказала ведьме о заключённом в подвале демоне, и Кирка подтвердила, что силы, выкачиваемые из людей и животных, шли ему на корм.

Мне же не давали покоя загадочные слова дриад о Грани со множеством контуров, в котором сила стихий — лишь внешний. Как назло, дальше дриады колотья не стали, они вообще любили говорить загадками и кичились тем, что им не интересны проблемы «моего племени».

Сопоставив их слова о некой Грани, огибающей гору, а также слова демона о чудовище, я поделилась своими опасениями с ведьмой:

— Такое ощущение, что демон был не единственным поглотителем силы, которая требовалась Катлин.

Кирка-Цирцея, подумав, согласилась.

— Известить такую прорву народа на одного демона... — пожевав губами, проговорила она. — Нет, рука у Катлин не дрогнула бы. Меня вот что волнует. Ну-ка, ещё раз расскажи, какой из себя демон был?

Я послушно повторила рассказ.

А потом даже показала этого самого демона на картинке в книге, что раскрыла передо мной ведьма.

— Инкуб, — сказала она. — Они в основном сексуальной энергией питаются. Другой не наедаются.

— Может, потому Катлин и выкашивала население буквально целыми деревнями?

— Не похоже, — покачала головой Кирка. — Дело в том, что инкуб столько силы не вместит. А если бы эта прорва вся Катлин шла, то ты меня извини, конечно, но она бы не попала. И лорда твоего вряд ли бы что-то спасло. О тебе так вообще молчу.

— Куда же она девала столько сил?

— Говоришь, дриады говорили о Грани...

Из разговора с Киркой я узнала, что Грани — магические артефакты, открывающие границы между мирами. Сильные маги умеют подчинять их себе, но на это, опять же, нужны силы.

Наличие у Катлины этой самой Грани объясняло также то, что моему Отражению удавалось скрываться такое долгое время.

Просто ни одно поисковое заклинание не обнаружит того, кто скрывается за Гранью.

Но даже если предположить, что Катлин активно питала и демона и артефакт, всё равно не сходилось. Зло, причинённое Валдарии выходило за рамки даже самых смелых предположений...

— А ты не ослышалась? Маги точно сказали, что демон в первую очередь выпустит чудовище?

— Точно. И о завоевании Кемета говорили.

— С Нагшасом... надо думать, — кивнула Кирка. — Сдаётся мне, за Гранью Катлина не только сама пряталась, но и скрывала что-то похуже демона...

— То есть эта сила нужна была для него? Для некоего чудовища?

Ведьма покачала головой.

— Сила стихий и сила смерти нужна была, чтобы подпитывать подчинённую Грань, — сказала она. — Грань же сдерживает то, что скрывается за ней. Если, конечно, ты права.

— Постойте! Может, я чего-то не понимаю, но вы говорили, что после полной зачистки нежити, лишившись подпитки силы, Грань рухнет. Не получится ли, что она выпустит на волю что-то... или кого-то? Похуже Катлин и демона, вместе взятых?

Ведьма посмотрела на меня долгим взглядом, пожевала губами и снова уткнулась в древний фолиант.

К этому разговору мы вернулись только под утро, придя из лесу.

Пока я была занята упокаиванием (по большей части сдерживанием) нежити и пары озлобленных на весь свет Хранителей Леса, Кирка умудрилась пробраться к самому контуру и разглядеть рунические символы высшей магии крови.

Вместо того, чтобы дать мне, наконец, выспаться, наставница усадила меня за фолиант, с гордостью продемонстрировав полное совпадение символов в древней книге с теми, что ей удалось срисовать у подножия горы.

— Не выпустит Грань чудовище, — сказала она, когда поняла, что от ключющей носом меня толку мало и от столь разительного сходства символов мне ни жарко, ни холодно. — Смотри внимательно! Знак подчинения и замыкание магического круга! О чём это говорит?

— О чём? — послушно повторила я, силясь справиться с зевотой и прикрывая рот ладонью.

Ведьма хмыкнула.

— О том, что какое бы чудовище там ни скрывала Катлин, его магическая сила замкнута на самой Грани! А значит, уничтожим Грань — уничтожим и чудовище, чем бы оно ни было. Фу-ух, — ведьма выглядела не просто довольной, а счастливой до невозможности. Она даже помолодела. — Я уж испугалась, что вышедшие из неповиновения духи и нежить покажутся нам всем детскими игрушками.

— Отличные новости, — вымученно улыбнулась я.

Вообще за почти три месяца жизни бок о бок со старой ведьмой я узнала столько... Жалко было даже, что знания эти пропадут втуне, потому что на кой они мне в мире со

спящей магией?

И моя сила, как объяснила Кирка, тоже перейдёт в стазис.

Впрочем, ведьмовская сила и знания было наименьшим, о чём мне приходилось жалеть...

Глава 64

...Охотиться на нежить лучше всего днём, пока она прячется от солнца и, как следствие, уязвима. Но чем меньше её оставалось, тем труднее становилось находить лежанки. Поэтому на протяжении последних пары недель мы с Цирцеей выходили на охоту по ночам.

Цирцея ворчала, что она мне совсем не нужна, и что возраст у неё уже не тот, чтобы ночами по лесам шастать... И всё же ходила каждую ночь. Нянька бывшей графини отличалась ворчливостью, но вообще была доброй.

После того, как я под чутким руководством Кирки научилась призывать и подчинять сильфов — духов воздуха, которые умеют оборачиваться в белоснежных грагхов, сотканных из лунного света, дела наши пошли в гору. На сильфах передвигаться было быстрее и не в пример удобнее, к тому же приручённые духи чуяли нежить и уверенно несли нас к ближайшему «очагу».

Затем начиналось самое энергозатратное: с помощью заклинания я загоняла их за черту магического круга, который чертила Кирка, а затем творила чары упокоения.

Это звучит быстро. Иной раз приходилось повторять заклинание по пять часов кряду, без перерыва даже на «промочить горло». При этом нельзя было терять концентрацию, чтобы не начинать сначала...

— Не вздумай заснуть! — наставляла Цирцея.

Поначалу я думала, что ведьма шутит: ну как можно заснуть, глядя на эти мертвенно-бледные, обезображенные лица покойников? С пустыми глазницами, со съехавшими набок челюстями, а то и вообще без них? И тем более под этот их раздирающий душу вой?

Но, оказалось, Фёдор Михайлович был прав, когда утверждал, что подлец, то есть человек привыкает ко всему. Подтверждаю: привыкает.

Сама не знаю, как это произошло, но уже спустя пару недель после того, как мы открыли охотничий сезон в Валдарии, я стала воспринимать нежить как страшные, отвратительные, пугающие декорации, не более того.

Даже удивительно было, куда девалась пресловутая приобретённая ведьмовская чувствительность... Иногда мне казалось, что после принятого решения вернуться в свой мир, что-то внутри меня заморозилось, покрылось льдом.

...Убедившись, что последний мертвец осыпался пеплом, я закончила читать заклинание. Развеивать пепел предстояло Кирке, это вполне по силам старой ведьме.

— Иди-ка поспи, — сказала она. — На ногах еле держишься.

Я не стала спорить. В самом деле чувствовала себя, как говорится, но... плохо чувствовала.

Цирцея говорила, что нет никаких причин так гнать грагхов, ничего за полгода-год, мол, с Киром не случится.

А я гнала.

Загоняла себя до состояния этих самых зомби!

Лишь бы ничего не знать, не думать, не чувствовать... Каждый проживаемый день становился настоящей пыткой...

На этот раз стоянку нежити мы обнаружили не так далеко от деревни, километрах в семи. Почувствовав, к своему большому удивлению, что не все силы потрачены на заклинания, я отпустила сильфа. Дух воздуха поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами, беззвучно заржал и унёсся по направлению к алой полоске зарницы.

— Пешком пройдуся, — пояснила я Кирке. Та кивнула.

Мною руководило желание вымотать себя окончательно.

А потому я не пошла на прямую, а сделала крюк к тому самому пруду, где впервые встретила Огнессу. Призрак нашёлся на том же месте, только больше не плакал и безумие из глаз исчезло. На шее у неё был мамин кулон. Старая нянька ошиблась — кулон был не единственным, что держало Огнессу среди живых, но он точно её успокоил. Правда, на мои вежливые предложения помочь ей «успокоиться окончательно» призрак отвечал неизменно-вежливыми отказом.

А упокоить Огнессу против её воли я не могла. После многочисленных рассказов Кирки о детстве и юности Огнешки та стала для меня живее всех живых.

— Ещё не время, — упрямо мотая головой, отвечала она.

Сегодня я решила последний раз попробовать её вразумить: ведь не будет меня, она может надолго застрять между мирами.

Так я ей и сказала.

— Как я сразу не поняла, что она ему не сестра! — покачала головой Огнесса.

Я вздохнула. За месяцы знакомства я утвердилась в мысли, что при жизни юная графиня была немного глуховата. Особенно тогда, когда не хотела слушать...

— Огнес, подумай, пожалуйста, — повторила я.

— А он всегда меня ненавидел, — пожаловалась бывшая графиня. — И любил только её, Катлин.

— Она наказана, — уверенно сказала я. — Нагшас, который она так стремилась заполучить, стал для неё тюрьмой. И очень скоро она умрёт. Это точно.

Это Цирцея сообщила, после одного из разговоров с Киром: что Катлин сидит в камере с магической изоляцией. И сколько ей осталось — зависит лишь от моей доброй воли, точнее времени нахождения в этом мире. А как только я перенесусь обратно, *он* узнает. Почувствует.

А упрётся (а Кир обязательно упрётся, я-то его знаю!) — я отправлю ему письмо. С Беськой.

Письмо, к слову, было уже написано. Осталось только прикрепить его к ошейнику Беськи...

— Он ведь на мне женился ради титула, — пожаловалась Огнесса. — И ради земель, — она грустно оглянулась вокруг. — А потом женился на ведьме... — она вздохнула.

— Огнес, — вновь попыталась достучаться до девушки я. — Кирка сказала, что сегодня были последние. Этой ночью мы объедем окрестности, и, если никого не обнаружим, завтра меня здесь уже не будет.

— Я знаю, — спокойно ответил призрак, и я невольно вздрогнула. То есть она всё-таки следит за беседой? Вот никогда не знаешь, когда она здесь, а когда в мире своих грёз...

— Ты думаешь, я не понимаю, что происходит? — продолжила удивлять Огнесса. — Всё я понимаю! Я даже знаю, что с ума сошла!

— Ну что ты...

— Не спорь! Няня думает, что это после того, как увидела, как Катлин выпивает жизнь из тех несчастных... Нет! Это не тогда было! Я справедливо наказана, Майя, да-да, я знаю, что ты никакая Кирке не племянница! Потому что я тогда смолчала! Потому и наказана. Смолчала, что та, кого я считала его сестрой, творит зло! А потом их вместе застала...

— Я не знала об этом...

— Никто не знает. Я даже няне не сказала. Бежала... долго... Сюда добежала. А потом он

догнал. Говорил, что может всё объяснить, просил успокоиться. Я поверила. И вдруг... Его пальцы на шее, и воздуха нет... и... его глаза! Он смотрел, как я умираю, Майя! А потом в пруд толкнул. Ногой.

— Мне очень жаль, правда.

— Молчи! Ничего не говори, пока я нормальная... Я не просто так тогда их застучала. Я следила за ней, после того раза. И о демоне знаю, и обо всём остальном!

— О чём ещё? Ты слышала что-то о чудовище?

— Катлин черпала свои знания из тьмы и древних книг, — сказала Огнесса. — И записывала всё в дневник. А её имущество осталось в тайнике. И ключ к Грани там! Она считала, что так надёжней, чем с собой его носить!

— И... ты знаешь, где этот тайник?

Огнес пожала плечами.

— А где ему ещё быть? Там же, в замке. В подвале. В тайнике. О нём даже маги не знают.

— Ты хочешь сказать, я могу что-то узнать о яде, с помощью которого Катлин навела проклятье на Кира?

— Решать тебе, — ответил призрак, а потом добавил серьёзно: — Я виновата перед Тхрагорским. Не спорь! Косвенно. Я была безответственна. Ни о чём, кроме своих чувств не думала. Я так влюбилась... Из-за меня пострадали мои люди. И не только...

— Огнес, — сердце так и замерло. — Ты проводишь меня туда? Покажешь, где ключ от Грани и дневник Катлин?

Девушка вскинула на меня взгляд и медленно, как будто до последнего сомневалась, кивнула.

Глава 65

— Ну что, — спросила Кирка. — Готова?

— Готова, но не сегодня, — ответила я.

Ведьма красноречиво хмыкнула. Мол, кто бы сомневался.

— Решила всё-таки со своим красавчиком по-человечески попрощаться? Ну и правильно. А то взяла моду — ни ответа, ни привета, письмо вон и то через кошку передать решила. Ну что за дикари так поступают?

— Англичане, — отмахнулась я.

— Кто?

— В вашем мире их нет.

— И слава Безликой!

— Цирцея! Пожалуйста... Я, кажется, узнала, почему Огнесса всё ещё здесь.

Бывшая нянька мгновенно стала серьёзной.

— Говори.

Я быстро пересказала разговор с Огнессой.

— Она покажет мне, где дневник. Этой ночью. А потом я уйду. Я очень прошу передать его Киру. Может, снятия заклятия эм... нужным способом будет недостаточно. Ишир недаром подозревал, что тут дело не только в Катлин, сыграл свою роль сильный яд... И ключ к Грани там. Я отдам его дриадам и они его уничтожат, чтоб наверняка. Я уже договорилась...

— Вот как, значит, — пожевала губами ведьма. — Договорилась, значит... Дневник, значит, передать. А сама что же?

— А я не смогу.

— Твоё право, леди.

— Что?

Ведьма развела руками, показывая, что уж как есть.

— Ну ты же леди Тхрагорская.

Я вздрогнула. Ни разу с тех пор, как поступила к Цирцее в ученицы, та не называла меня леди. Майка, а чаще Аншанка, из соображений конспирации.

Я уже отвыкла, чтобы ко мне так обращались. И не хотела бы привыкать снова. Воспоминания о той жизни, когда я была леди, слишком, слишком болезненны...

...Огнесса не обманула. В замок она повела меня по тому самому коридору, из которого когда-то выводили Греста с Рамирой. Выросшая здесь Огнес ориентировалась в лабиринте под замком, как дома. Хотя, собственно, замок и был её домом.

Лучшего места для тайника, чем старый колодец под замком и представить себе было невозможно.

— А зачем тебе дневник, если ты всё равно решила уйти? — спросила Огнес, когда мы выбрались с добычей наверх.

В сумке, перекинутой через плечо, лежал дневник моего Отражения, запечатанный магической печатью, но мне такая, к слову, вполне по зубам, несколько ветхих фолиантов, и ключ из чёрного матового металла в виде старинного символа.

— Там могут быть другие ценные сведения, — ответила я. — О других преступлениях Катлин. К тому же это документ. праХрам подтвердит его подлинность. На тот случай, если Кира призовут к ответу за её смерть...

После того, как проклятие будет снято, я не дам за жизнь Катлины и ломаного гроша.

Огнесса повздыхала, покачала головой. Непонятно было — согласна она со мной, или нет. Преданная возлюбленным, мужем, который поклялся беречь её, защищать и любить до конца своих дней, леди Огнесса Помаевская даже после смерти продолжала верить в любовь и не скрывала своего мнения по поводу моего плана.

— Ты совершаешь самую огромную ошибку в своей жизни, — наконец, сказала она.

...Собственно, помощь Цирцеи в том, что казалось обнаружения того самого портала в боковой башне, мне даже не понадобилась.

В дневнике Катлин, за которым я просидела до утра, была наглядная карта замка, с тем самым обозначенным на ней порталом, через который она и перетянула меня в этот мир. Даже схема, как его активировать, имелась. Впрочем, уж с активацией я, скажу без ложной скромности, сама справилась бы. Со мной и вправду занимались блестящие наставники. И Цирцея была лучшей из них.

Перед тем, как отправляться к portalу, осталось последнее дело. А именно — отправить Киру письмо. С Беськой. Только вот беда — не нашлось ни кошки, ни этого самого письма, которое я хранила в выделенном мне под личные вещи сундуке.

Не веря, я перебирала тетрадь за тетрадью, но письма для Кира найти не могла.

Но я помнила его наизусть. Слово в слово...

«Если ты читаешь это, значит, пришло время снять проклятие, Кир.

Ты, должно быть, уже знаешь, почувствовал, что я ушла.

Я верю, что однажды ты сможешь понять меня и простить.

Я оказалась куда большей эгоисткой, чем ты.

Но я правда, не смогу жить, зная, что могла избавить тебя от проклятья, и не сделала это.

Я видела тех, над кем проклятье крови одержало верх и это страшно, Кир.

Пожалуйста, сделай это для меня — будь счастлив.

Я буду вечно любить тебя.

ММ.»

— Цирцея, — очнувшись от мыслей, я помотала головой. — Вы не видели моё письмо?

— Это которое? — обернулась ведьма — Которое ты никак отправить не решишься?

— Его.

Ведьма пожала плечами и снова отвернулась, вернувшись к травам, разложенным на столе для просушки.

— Видела, — буркнула она, наконец.

— Цирцея... Только не говорите, пожалуйста, что выбросили его!

— Вот ещё! — фыркнула ведьма. — Делать мне больше нечего, чужие письма выбрасывать.

Я вздохнула с облегчением.

— Тогда где оно?

— Надо думать, у адресата.

— Что?! Вы шутите? Погодите... А где Беська?!

— С ней и отправила, — пожала плечами ведьма. — Два дня уж как. Шутить ещё с тобой.

— Что вы наделали! Цирцея! Ну вот кто просил вас?!

— А что, ты уходить по-аглички уже передумала? — не оборачиваясь, спросила ведьма. Мне показалось, что в её голосе как будто промелькнула надежда.

— Не передумала...

— Тогда что ты мне голову дуришь?

— Как вы не понимаете! Я ведь написала, что пришло время снять проклятье!

— Хорошего же ты мнения о своём муже, миледи, — зло сказала Цирцея, оборачиваясь снова. — Раз уверена, что стоит ему твою писульку получить, как тут же на другую полезет!

Больше я не сказала ни слова. Цензурного. Правда, прежде чем начать выражаться трёхэтажно, покинула дом Цирцеи. По-английски, не попрощавшись.

Спустя час я стояла перед той самой стеной, которая скрывала за собой портал.

К тому времени я уже была благодарна Цирцее, что отправила письмо за меня.

Уверена: она найдёт нужные слова, когда Кир потребует объяснений. А в том, что потребует и очень скоро, можно не сомневаться. Поэтому мне следует поспешить.

Потому что, если хоть раз ещё его увижу... нет, передумать уходить я не передумаю, только вот... хуже сделаю. Однозначно.

И себе, и ему.

Глава 66

Я начертила круг, зажгла свечи, расположила кристаллы в воздухе, после чего произнесла заклинание и активировала портал.

Он тут же замерцал, проступая поверх серого камня. Постепенно картинка в нём прояснилась. Я сразу узнала закоулок, с которого всё началось. Кажется, девять жизней назад было... Вглядевшись в портал, я невольно поёжилась: по ту сторону мела самая настоящая вьюга. Я и забыла, что у меня на родине февраль. Ну ладно, как-нибудь не пропаду.

Ощувив движение за спиной, я резко обернулась.

Никого. Должно быть, показалось... На всякий случай оглядела помещение истинным зрением — по-прежнему никого.

Сердце тревожно сжалось.

Некстати вспомнились слова Огнессы, что совершаю самую большую ошибку в своей жизни... затем совесть всколыхнулась, что с Цирцеей так и не попрощалась... По-человечески...

Хватит! Я сжала кулаки, крепко зажмурившись.

Да! Может для *моей* жизни это и правда, ошибка.

Но только не для *его*...

Кир не утратит разум, не превратится в монстра...

Я же этого хочу, правда?

«Но и счастлив не будет, — шепнул внутренний голос. — Вообще, никогда-никогда. И ты тоже».

Я саданула ладонью ни в чём не повинную стену, но удара не ощутила. А вот как глаза защищало, почувствовала.

Я знаю, знаю, слишком многое на себя взяла! Нельзя было принимать это решение за нас двоих самой, даже не объяснившись. Но! Я ведь пробовала достучаться до самого упрямого в мире нагшаса, пробовала! И не раз! И что услышала в итоге? Что он скорее запрет меня в четырёх стенах, чем отпустит! А значит, он ничем не лучше меня, он тоже за нас, за двоих решил...

И, чтоб меня черти съели, я всё делаю правильно!!!

Я снова ощутила едва уловимое движение воздуха. Но на этот раз дёргаться не стала.

Если я сейчас не сделаю этот шаг, не сделаю уже никогда!

Я не поняла, как это произошло.

Стоило мне шагнуть вперёд, как портал мягко спружинил, прогнулся под ногой и ладонями, не спеша пропускать меня. А затем неуловимым движением изогнулся ещё больше и выпрямился, как тетива лука, отбросив меня назад.

Спиной о стену, по которой сползла, я приложилась сильно. Даже на какое-то время перед глазами всё поплыло. А когда прояснилось, я изумлённо заморгала.

У портала, спиной к нему стояла... Катлин.

Отвратительно ухмыляясь, ведьма смотрела на меня.

За то время, что мы не виделись, Катлин утратила былой вид и лоск. Она сильно сунулась, кожа её обрела какой-то землисто-серый оттенок, под глазами пролегли круги. Волосы, в прошлый раз идеально уложенные, свисали по сторонам от лица сбившимися

пряжами, похожими не то на дреды, не то на африканские косички и были намного темнее, чем у меня. На Катлин было чёрное просторное платье с широкими рукавами. На бледных запястьях с посиневшими ногтями — голубые светящиеся следы от блокирующих магию браслетов.

Последний штрих и убедил меня в том, что не сплю, не галлюцинирую... передо мной и в самом деле Катлин!

— Как же вы предсказуемы, светлые девочки, — сказала она севшим, с хрипотцой голосом. — Я всё думаю, чего ты медлишь, не спешишь спасти своего драгоценного Тхрагорского. Как истинная дракони-ида...

— Откуда ты знаешь? — спросила я, не спеша подниматься.

Катлин не нападает, а значит, мне её разговорчивость на руку, чтобы собраться и быть готовой. Ко всему готовой!

— Как не знать, — издевательски ухмыльнулась она. — Магия крови открывает такие врата, о которых вы со своей Безликой и не мечтали!

— Как ты сбежала? — спросила я. И не только, чтобы заговорить ей зубы. Ведь реально интересно, как можно было ускользнуть из анти-магических браслетов!

— Самое лёгкое из всего, — отмахнулась Катлин. — Я о-очень, просто о-очень предусмотрительна.

— Теперь это очевидно, — стараясь говорить ей в тон, хмыкнула я. — И всё же?

— А почему бы и нет? — фыркнула Катлин, поведя плечами. — Ты всё равно скоро, очень скоро умрешь, а я целых девять месяцев провела в заточении.

В этом её заявлении что-то не складывалось. Насколько я знаю, Катлин попала три месяца назад, до этого она скрывалась за Гранью... Видимо, несладко ей там пришлось, если она называет это заточением. Впрочем, явно всяко лучше, чем кормить демона...

— Я просто замкнула на себе портал, — призналась она. — Стоило тебе его активировать, он меня и вытянул. Риск, конечно... сил привязка к portalу вытянула немерено, но, видишь зато, как всё хорошо получилось? Так что оно того стоило. С замыканием проклятия на своей кундалини я тоже гениально придумала, согласись!

— Не соглашусь, — покачала я головой.

Катлин хрипло рассмеялась.

— Да ладно тебе! Все вы, светлые, унылые до зубного скрежета. А ведь это моя гарантия! Думаешь я не понимаю? Теперь Тхрагорский меня и пальцем не тронет!

— Тронет, — уверенно сказала я. — Как только снимет проклятие.

— Какая же ты наивная! — она снова расхохоталась. Весёлый у неё выдался день, да. — После того, как тебя встретил, он тем более ко мне не приблизится! Так что рано или поздно магия крови сделает своё дело. И тогда весь Кемет будет моим!

— Очень сомневаюсь. Вот очень.

— А тебя никто не спрашивал! — взвизгнула ведьма. — Тебя уже всё равно, что нет! Ты — труп!

С этими словами Катлин направила на меня руку и из центра её ладони потянулась багряная дымка.

Горло сдавило, и я невольно схватилась за него руками.

Катлин торжествующе улыбалась. Её план удался.

Или... всё же нет?

За этот год я многому научилась. Этого, конечно, недостаточно, особенно по сравнению с Катлин, которая практикует магию всю жизнь. Но всё же... очень рассчитываю на элемент внезапности...

— Спекулюм лакуэро!! — воскликнула я, перекидывая невидимую удавку с себя на Катлин с помощью зеркальных чар.

Застигнутая врасплох, Катлин схватилась за горло и выпучила глаза.

Я сделала пас пальцами, затягивая удавку посильнее, а затем одним прыжком оказалась на ногах.

— Ум хабитус наорт! — в мои планы не входило убивать Катлину. Как ни крути, она должна остаться живой, чтобы снять проклятие с Кира.

Ведьма, закатив глаза, осела на пол в полуобмороке.

Тяжело дыша (магия — вещь затратная, а на силу заклинаний я не поскупилась), я приблизилась. Сейчас опутать её заклинанием сетей, которое мне пришлось экстренно освоить за время недолгого и крайне неприятного для обеих сторон знакомства с русалками на Лазурном берегу...

— Суспеста наэр!

Катлин несколько раз дёрнулась, вращая глазами, а затем вдруг, запрокинув голову, расхохоталась.

— Нет, ты правда, решила, что можешь тягаться со мной в магии! Я умру от смеха!

Я нахмурилась. Чары держали Катлин крепко, и вышли прочными. Меня бы сейчас даже Цирцея похвалила! Каково же было моё удивление, наполоам с негодованием, когда магическая сеть растаяла в воздухе, Катлин оказалась на ногах, а меня снова отбросило к стене! На этот раз удар был куда сильнее, и била Катлин магией. Так что я едва-едва успела загородиться энергетическим щитом... Но удар в солнечное сплетение всё равно получился очень болезненным.

Пока я хватала ртом воздух, Катлин ударила снова.

Я перекатывалась по полу, отражая атаку за атакой. Не всегда удавалось. Превозмогая боль, я принялась метать боевые заклинания сама. И это было ошибкой. Пока я плела заклинание Молнии Гнева, Катлин успешно сорвала с меня обрывки щита и ударила Кровавым Молотом.

Я скорчилась на полу, с трудом сохраняя фокусировку, вскинула руку, намереваясь восстановить щит, но силы иссякли и ничего не выходило.

Торжествующе ухмыляясь, Катлин приблизилась.

— Не трать силы понапрасну, светленькая, — издевательски просюсюкала она. — Мне они ещё пригодятся...

От приступа адской боли я заорала. И увидела, истинным, ведьмовским зрением, как вместе с криком меня покидают остатки магии. Голубое свечение вырывалось изо рта и тянулось к Катлине...

Каким-то невероятным усилием воли я замолчала.

Катлин сделала сложный пас пальцами, усиливая боль. Ощущение было, что меня пронзает насквозь раскалёнными прутьями. Я мычала, катаясь по полу, скребла ногтями каменный пол. Только бы не кричать. Только не закричать...

— Не спеши, ведьма, — раздался знакомый, с каркающими нотками голос.

Глава 67

Больше Цирцея не тратила время на разговоры. Стоило Катлин обернуться, она нанесла удар.

Издевательски рассмеявшись, Катлин перехватила огненную стрелу.

— Ведьма Кирка! Какая встреча! Жизнь ничему не учит тебя, старуха! Я предупреждала: не становись у меня на пути, хуже будет! — с этими словами Катлин атаковала, но старая ведьма была к этому готова.

Любой, кто взглянул бы на их магический поединок, во время которого Катлин атаковала, а Цирцея, как могла, отражала заклинания, понял бы, что силы ведьм неравны. Слишком неравны.

Конечно, моя наставница не рассчитывала на победу. Она давала мне время отдышаться, прийти в себя.

— Майя... — хрипло выдохнула она, оседая на колени и из последних сил сдерживая натиск Катлины. — Ты не справишься с ней магией... Нужно ведьмовством...

Ведьмовством? Я растерянно заморгала.

Но... на ведьмовские чары требуется куда больше времени (которого у меня просто нет), и они не в пример сложнее, хотя бы потому, что для них требуется высокая степень концентрации и душевного равновесия... а ещё ведьмовство лучше всего удаётся на природе, в сердце стихий... Какие же стихии в закрытом помещении, в башне?!

Взгляд случайно упал на открытый портал...

В тот момент, когда Цирцея поломанной куклой рухнула на пол, закатив глаза, в тесную каменную комнатку ворвалась метель! Вьюга! Снегопад!

В мгновение ока намело сугробы, а порыв сильного ветра отбросил Катлин назад.

— Да как ты, — прохрипела она, пытаясь справиться со стихией и теряя магию на глазах. — Как ты смеешь! Дрянь!

Я сама не поняла, как это случилось, но спустя всего несколько минут магия покинула Катлин.

Она попыталась отползти, барахтаясь в снегу, сыпала грязными ругательствами...

— Всегда мечтала это сделать, — призналась я, размахиваясь и нанося удар ей в челюсть.

Катлин взвыла и бросилась на меня без всякой магии!

Я правда об этом мечтала!

Вот надавать этой гадине по щам, без всех этих магических штучек!

Как выяснилось, физическая подготовка у Катлин была. И была, кстати, довольно неплохой. Но... Меня хорошо учили.

Причём учили лучшие мастера боя Нагшаса!

За следующие несколько минут, которые пролетели перед глазами чередой вспышек кадров — ударов, уклонений, перекачиваний по полу, прыжков, снова ударов — я искренне порадовалась, что ни Кир, ни Анзор не делали мне поблажек во время тренировок!

Я осадилась себя, когда ненависть, ярость, злость на Катлину превысила пределы разумного. Просто поняла, что сейчас убью эту дрянь! Просто голыми руками убью...

Но вдруг поняла, что тогда... тогда уже ничто не сможет снять проклятье с Кира...

Тяжело дыша, я опустила руку, так и не нанеся очередной удар.

Какое-то время понадобилось на то, чтобы опутать Катлину магической сетью.

Не обращая внимания на все её угрозы и проклятия, взмахом руки отправила месиво из снега и слякоти обратно в портал. Сама же бросилась к лежащей неподвижно старой ведьме.

— Цирцея, — вырвалось у меня, когда поняла, что наставница дышит. — Вы живы...

Ведьма с трудом открыла глаза. Вид у неё был бледный, но очень довольный.

— Рано мне пока, — улыбнулась она. — Ведьмы чувствуют, когда приходит их час. Вон, — она махнула головой на Катлину. — И эта тварь тоже чувствует.

Я покачала головой.

— Эта гадина должна снять проклятье с Кира, — сказала я твёрдо. — Я связала её сетью подчинения.

— Как нежить? — вскинула бровь Цирцея. — Правильно. Не зря, значит...

Ведьма осеклась и посмотрела на меня вопросительно. Прекрасно поняв её, я покачала головой.

— Спасибо вам за всё, Цирцея, — тихо сказала я. — Пожалуйста, покарауйте её, пока не придут нагшасы. Учитывая вашу, хм, помощь с письмом, это случится быстро.

— Значит, сама не останешься? — вздохнув, спросила старая ведьма и я поняла, что она до сих пор надеется. До последнего.

Не сразу справившись с собой, покачала головой.

— Я не могу, — прошептала я беззвучно.

— Твоё право, леди, — вздохнув ещё тяжелее, сказала ведьма. — Ну, иди, раз решила. Я не дам этой твари уйти, не сомневайся.

Кивнув, я, не оглядываясь, пошла к portalу.

— Мяв! — раздалось знакомое сзади.

Я вздрогнула, но не оглянулась. Сделала шаг, второй... по коже побежал холодок, а в лицо ударил ледяной февральский ветер.

— Маймэй...

Замерла, как вкопанная. Нет, это выше моих сил!

— Маймэй, посмотри на меня.

Оглянулась и увидела *его*. Кира. Нагшаса. Лорда. Единственного в целом свете и во всех мирах... Честное, открытое лицо. Разноцветные чешуйки сползают с виска на скулу. И потемневшие глаза, которые сразу рассказали о многом. Обо всём...

— Прости, Кир, — беззвучно выдавила я.

— Это ты меня прости, — тихо ответил он. — Это ведь ты из-за меня, да? Из-за того, что сказал, что не отпущу?

Я опустила взгляд.

И пропустила момент, когда Катлин умудрилась каким-то образом высвободить руку!

— Держи её! — крикнула замершая в проёме Огнессы и, метнувшись к Киру, успела отразить смертоносное заклинание.

Катлин каким-то чудом оказалась на ногах. Глаза её были чёрными, без белков, волосы

шевелились и это было страшно. Такой концентрации тёмной магии я ещё никогда не видела, не ощущала!

Но если самой Катлин заклинание Абсолютного Света не причинило вреда, то тёмный всплеск магии ликвидировало моментально!

Катлин взвыла от злости, принялась бормотать следующее, но я без усилий удерживала световой поток, огибающий её тёмный силуэт непроницаемой для тёмной магии стеной и все попытки моего Отражения были напрасны.

Увлечшись сдерживанием чар Катлин, я не заметила, как к ней приблизился Кир.

И лишь когда в его руке блеснуло лезвие, закричала:

— Не-ет!!

Но было поздно.

Раздался тошнотворный хруст и в широко распахнутых глазах ведьмы застыло удивление.

Кир рванул анарх на себя и Катлин с тяжелым стоном обрушилась на пол.

Взгляд, устремлённый в потолок, застыл.

А нагшас обернулся ко мне со словами:

— Я же говорил, что не отпущу.

— Кир, — помотала я головой, всё ещё не веря в случившееся. — Кир... зачем... как же так...

За моей спиной по-прежнему мерцал портал. Там, в столице суровой страны далёкого мира, по-прежнему было темно и мела вьюга.

А я смотрела в родные зелёные глаза и понимала, что поздно. Свой шанс уйти по-английски я упустила. И не только по-английски. Вообще уйти.

Я сама не поняла, как оказалась в кольце его рук. Вдохнула родной запах, прижалась щекой к щеке.

— Я... я... — вместо внятной речи из груди вырвались рыдания.

— Я тоже буду вечно любить тебя, Маймэй, — тихо сказал Кир, зарываясь лицом мне в волосы.

— Нянюшка, — выдохнула Огнесса, обнимая Цирцею, помогая старой ведьме подняться. — Спасибо, нянюшка. За всё.

— Тебе спасибо, что лорда так быстро привела, — прокрихтела Цирцея.

— И ты, Брут, — возмущённо выдохнула я, чувствуя, что не смогу разжать объятий. Вообще, никогда. И ни за что. — Стой! Но Цирцея раньше тебя не видела!

Огнесса пожала плечами. Черты лица её обрели ровность, в глазах было спокойствие, а на губах — тёплая, немного грустная улыбка.

— В последние минуты перед тем, как уйти, сила призрака возрастает, — по привычке объяснила мне Цирцея.

Кожа Огнес начала светиться. Прежде, чем я успела что-то понять, она быстро поцеловала нянюку в сморщенную щёку и одним движением оказалась рядом с нами.

— Я твой должник, леди Помаевская, — сказал Кир.

— Обещай навести здесь порядок, — ответила Огнесса. — Твоя леди хорошо поработала, теперь твоя очередь, нагшас.

— Обещаю, — твёрдо ответил Кир.

— Теперь я спокойна, — сказала Огнес и улыбнулась мне. — Спасибо, сестра.

— Тебе спасибо, — прошептала я.

В следующий миг силуэт графини исчез в столпе света. А когда свет погас, оказалось, что Цирцея ушла. По-английски, кстати! А мы с Киром остались одни.

Какое-то время я вообще была неспособна говорить. Совершенно. Просто обнимала *его*, прижималась к нему всем телом, тёрлась щекой о щёку, отвечала на поцелуи... Целовала его жарко, страстно, со всей любовью, на которую была способна, ощущая солёный привкус от слёз на губах. Скользила пальчиками по рельефному торсу, зарывалась ими в жёсткие кудрявые волосы...

Когда спину облизало ледяным сквозняком, щелчком пальцев сбила один из кристаллов, парящих в воздухе, деактивируя портал... И принялась целовать снова.

Целую вечность спустя всё же отпрянула и выдохнула:

— Что же мы наделали, Кир...

Нагшас поддел пальцами мой подбородок, поднимая лицо.

— Останься, — тихо сказал он. — Я не буду держать тебя, запирать, но... Не уходи, Майя. Придёт время, и я сам отпущу тебя. Не хочу, чтобы ты видела меня таким, каким я стану.

— Дурак! — мой кулак опустился на его грудь. — Какой же ты невозможный дурак!

— Пока ещё не полный, — улыбнулся Кир. — В смысле, пока ещё в своём уме.

— Дурак! — знаю, повторяюсь, но... Что тут ещё скажешь?

Я покосилась на тело ведьмы, испытывая непреодолимое желание находиться как можно дальше отсюда. Кир прекрасно меня понял, увлекая к выходу.

— Цирцея должна была передать тебе дневник Катлин, — вспомнила я, спускаясь по лестнице и сжимая его пальцы. — Там состав яда, того самого! Может, это поможет?

— Уверен, что поможет, — ответил Кир.

И я поняла: действительно верит. Или пытается в этом меня убедить. Очень правдоподобно, кстати.

— Я читала... — продолжала я. — Всю ночь не спала. И, кстати, очень удивилась, что такой компонент твои алхимики не смогли распознать.

— Какой компонент? — Кир остановился, обернувшись ко мне, приподнял бровь.

— Кровь дракона, — сказала я, пожав плечами. — Катлин хранит её за Гранью.

Кир помотал головой, словно сбрасывая морок и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это невозможно, — сказал он, наконец.

— Почему? Катлин каким-то образом удалось подобраться к дракону, ранить... Она видимо, хранила её для второй попытки... Помнишь, она говорила, что слишком мало драконьей крови, я только сейчас поняла, что она тогда вовсе не о твоей крови говорила.

Кир покачал головой и сказал уверенно:

— Маймэй. Драконья кровь не хранится.

— Но... — сказать, что я ошарашена, это ничего не сказать. — Там так говорится. В дневнике.

— Где Грань? — спросил Кир.

— Она огибает гору... — я непроизвольно махнула головой на серую каменную стену башни. — А ключ у дриад. Они сказали, что уничтожат его...

— Летим скорее!

И кто бы спорил, только не я.

Глава 68

Мы успели в самый последний момент. Дриады стояли кругом, вытянув руки по направлению к центру. В центре круга, прямо в воздухе парил ключ. Глаза у лесного народца были прикрыты, губы беззвучно шевелились, на зеленоватых пальцах посверкивали искры заклинаний.

— Нет! — крикнула я сверху. — Подождите! Не делайте этого!

Кир прыгнул с Тита первым, протянул руки мне навстречу. Спрыгнула в объятия мужа и поспешила к дриадам, которые замерли с очень недовольными лицами. Ещё бы! Летают тут всякие, мешают... А когда дриады недовольны, это может привести к непредсказуемым последствиям.

— Пожалуйста! — выпалила я, подбегая. — Подождите!

На наше счастье рядом приземлился Тит и лица дриад смягчились.

— Грань должна быть уничтожена, — ответили мне.

— Я знаю! — кивнула я. — Но сперва нам нужно заглянуть внутрь.

— Ты уверена?

— Да. Да, чёрт возьми! Это очень важно!

...Налетев на невидимую преграду, Тит провалился в воздушную яму, а потом, отлетев назад, пошёл на снижение.

— Грань почти разрушена, — сообщила я Киру. — Раньше сюда было не подойти было ближе чем на километров пять, и не только из-за зомбаков, — заметив недоумённый взгляд, пояснила: — Нежити.

Символ, повторяющий очертания ключа, мы нашли спустя полчаса. После их соединения незримая преграда пропустила нас к горе. Ещё какое-то время занял поиск входа в пещеру.

— Ты уверена, что это здесь? — Кир покосился на отвесную скалистую стену перед нами.

— Здесь, — уверенно ответила я. — Отойди...

Стоило произнести последнее слова заклинания, позволяющего увидеть суть вещей, как скала перед нами разъехалась, пропуская нас с Киром вперёд.

Скалистый коридор стремился вверх.

— Вот значит, где она скрывалась, — сказал Кир, помогая мне перелезть через очередной выступ.

Мы оказались в огромной пещере с таким высоким сводом, что приходилось запрокидывать голову, чтобы увидеть его. Свет проникал сквозь отверстие сверху и опускался столпом, высвечивая круг на полу.

Откуда-то из темноты донёсся громкий протяжный стон. Скалистые стены задрожали

— Туда! — крикнул Кир.

...Я не знаю, как Катлин умудрилась заманить в ловушку дракона.

Как соединила силы магического создания и артефакта.

Она и вправду была очень сильной колдуньей...

Грань, точнее её светящиеся остатки, сохранившиеся только в этой пещере, пронзали насквозь два распластанных по каменному полу пещеры кожистых крыла...

Дракон находился в магической западне и одного взгляда на него было достаточно,

чтобы понять: зверь умирает.

Жалкий, исхудавший... Истекающий кровью... Он совсем не был похож на тех великолепных созданий, что кружат в синем-синем небе над плато Тхагарат.

Дракон открыл жёлтый глаз, услышав наше приближение, пошевелился и раздался лязг цепей.

У меня само собой вырвалось длинное непечатное ругательство.

Помимо пригвождающих к полу крылья магических копий, исхудавшее, покрытое чешуёй тело обхватывали цепи, а на некогда мощных лапах с обломанными когтями были кандалы. Судя по мокрому и липкому полу вокруг дракона, кандалы были с шипами. Внутрь.

Но даже обессиливший, умирающий, дракон оставался хищником. Смертельно опасным.

Что нам и было продемонстрировано незамедлительно.

Кир сбил меня с ног и покатился со мной по полу. В тот же миг место, где мы только что находились, облизало пламенем.

— Кир, подожди, — попросила я мужа. — Я подержу его, ты сможешь снять кандалы?

— Поддержишь?!

— Да, я почти уверена, что я справлюсь. Мой дар — повелевать драконами.

— Хм... а что ещё интересного я пропустил?

— Больше ничего, — заверила я. — Честно.

— Маймэй...

— Верь мне, пожалуйста.

— Дело не в том, что я не верю. Дело в том, что я боюсь за тебя.

— А я за тебя. Это же тебе придётся освобождать его от цепей и кандалов, — не удержавшись, показала язык.

Я не знаю, откуда это взялось. Кирка предупреждала, что, когда я встречу дракона, он послушается меня. На мой аргумент, что в прошлый раз не особо послушался, и даже какое-то время продолжал нас преследовать, ведьма заверила:

— Поверь, если бы дракон хотел вас догнать, догнал бы. А после того, как ты убила демона, твой дар раскрылся в полную силу. Мне ли не знать.

Я стала медленно приближаться к дракону.

Мне казалось, я говорю обычно, словами...

— *Пожалуйста, тише. Тише, мой хороший... Вот так, молодец. Послушный мальчик. Больше никто тебя не обидит. Мы здесь, чтобы помочь тебе. Позволь нам помочь... Пожалуйста...*

Но вместо слов изо рта вырывались странные звуки, похожие одновременно на шипение и рычание.

Стоило мне заговорить на драконьем, глаза у Кира загорелись. И глаза дракона тоже вспыхнули зелёным огнём!

Дракон позволил приблизиться, прижаться к липкому прохладному боку.

— *Молодец, хороший мальчик... Потерпи, пожалуйста... Совсем немного...*

Следуя завету Цирцеи, я не пыталась действовать магией, хотя слова целительских заклинаний уже готовы были сорваться с языка.

Вместо этого я обратилась к стихиям.

Ко всем шести, включая эфир и магию. И попросила их о гармонии. Сильно попросила. Настойчиво. Со всей страстью, на которую была способна! Просто видеть это чудесное, могучее, невероятное и лучше в мире создание в таком виде... Это оказалось страшно! Правда, страшно...

Из-под ног раздалось урчание, и я совсем не удивилась, увидев, как Беська трётся о драконью морду, причём глаза её светятся! И у анама на моём плече тоже светятся!

Раздался громкий хлопок и остатки Грани, сдерживающие дракона, рассеялись в воздухе. Раны на исхудалом теле принялись затягиваться. Обнимая чёрную чешуйчатую морду, я смотрела в глаз с вертикальным зрачком и просила дракона потерпеть ещё немного. Совсем чуть-чуть.

— *Снимай цепи!* — не оборачиваясь, крикнула я Киру, совсем забыв, что говорю на драконьем. — *Пока он притих. Осторожно. Ему очень больно.*

И Кир меня понял!

А дракон позволил освободить себя от цепей и кандалов.

Я вздрогнула, когда раздался глубокий и хриплый голос. Он произнёс всего три слова:

— *Я не забуду.*

Я уставилась на треугольную, в шипах и наростах, голову, которую дракон не поднимал! И пасть не раскрывал тоже. Как же я его услышала? Нет... как Кир его услышал?! А в том, что Кир услышал, не оставалось сомнений. Потому что он ответил:

— Я тоже.

На человеческом ответил, не на драконьем... Но дракон понял. Я точно это знала!

Кир обогнул его и приблизился ко мне. Протянув руку, положил ладонь на чёрную морду. По всему исхудавшему телу зверя прошла дрожь. Истинным зрением я увидела, что ауры нагшаса и дракона вспыхивают одинаковым сиянием, сквозь которое проступают неизвестные мне символы.

— Древний язык нагшасов, — тихо пояснил мне Кир.

- Кир, я поняла! Кровь именно этого дракона поборола твой нагшасский иммунитет, защищающий от ядов! Но она же и сдерживала действие проклятья! Это... это твой побратим. Кровный дракон, понимаешь?

— Я это понял. Сразу.

— Нет... — покачала я головой, дёргая его за руку. — Не понял! То есть не до конца! Прямо сейчас, ты можешь подчинить его! Если ты обретёшь вторую ипостась, обретёшь дракона... Это пересилит проклятье!!!

— Я понял, Маймэй, — повторил Кир.

— Ну так что же ты медлишь? Другого шанса не будет!

Кир кивнул, провёл ладонью по чешуйчатой морде. Дракон смотрел обречённо, понимая, что побеждён.

— Лети, брат! Лети на волю! — с этими словами Кир со всего размаха хлопнул по чешуйчатой шее.

Истинным зрением я увидела, сколько силы вложил Кир в этот удар. Магической силы нагшасов.

Словно не веря, что его отпускают, дракон поднял голову. Я чувствовала, что ему всё ещё плохо, очень плохо, но... никогда ещё я не видела такой быстрой и мощной

регенерации.

Кир дёрнул меня за руку, отводя с пути дракона.

Взревев, дракон забил крыльями, а затем оторвался от земли. Он устремился к источнику света и через минуту с грохотом, проломив собой скалистую преграду, покинул пещеру.

Запрокинув головы, мы с Киром смотрели, как дракон поднимается в небо. Сначала полёт был рваным, неровным, крылья плохо слушались его. Но он не сдавался, он оказался настоящим бойцом... Победённый, но не сломленный, прошедший взаперти целую вечность, но не утративший свободы...

— Настоящий казак, — сказал Кир, провожая дракона взглядом.

Вскоре крылатый силуэт скрылся среди облаков.

— Прости, Маймэй, — сказал Кир, вытирая слёзы с моих щёк.

— Ты всё сделал правильно, — покачала я головой. — Нечестным было пользоваться его слабостью. Полетели домой?

— Полетели домой, Маймэй, — ответил Кир, прижимая меня к груди и накрывая губы поцелуем.

Глава 69

В Нагшасе многое изменилось. Вот бывает так, что с первого взгляда ничего не изменилось, а на самом деле изменилось решительно всё.

Я по-прежнему училась, развивала ведьмовской дар. Цирцею удалось уговорить переехать к нам и продолжать учить меня. Это было непросто, но, как выяснилось в итоге, осуществимо. После того, как любимая Огнешка обрела покой, ничего больше не держало старую ведьму в Валдарии.

Правда о леди Катлин была обнародована, праХрам официально подтвердил подлинность её дневника.

Также люди узнали, что леди Тхрагорская — иномирянка.

Мы с Киром даже летали ко двору с отчётом.

После чего Валдария присоединилась к Нагшасу, став свадебным подарком его величества.

Ходили слухи, что его величество мудро поступил, избавившись от разорённых земель. А её величество поведала мне по секрету, что за неделю до нашего приезда его величество начал преследовать разгневанный призрак и требовать, чтобы тот искупил зло, причинённое Валдарии, когда графство фактически отдали убийце и предателю Аджарскому...

Графство сильно пострадало от рук Катлин, но теперь нагшасы быстро наведут там порядок.

...Как ни парадоксально, но в моём сердце поселился мир.

Это казалось странным: проклятье никуда не делось и рано или поздно нам с Киром придётся проститься.

Но после всего, что мы пережили, я точно знала, что делать.

Оставаться с ним до конца.

И бороться до последнего, насколько хватит сил!

Несмотря на то, что самое главное мы так и не смогли изменить, каждый миг проживался нами до конца, в полную силу, и дышалось полной грудью, а каждый день был наполнен любовью и заботой.

Дракон прилетел ровно через три месяца, в последний день весны.

Когда я увидела крылатый силуэт в небе, не поверила своим глазам.

Там, в пещере он казался чёрным от крови и грязи... Сейчас же, в синем-синем небе Нагшаса кружился тёмно-зелёный, отливающий розовым перламутром, бесподобно, ужасающе красивый и смертоносно прекрасный зверь!

Сознание подёрнулось радужной дымкой, тело прошла волна восторга.

Опомнившись, я завопила, что было мочи:

— Кир! Дракон!! Он здесь!!!

Кир тренировал бойцов на арене и из-за моего вопля пропустил удар.

Перескочив через напирającego бойца, Кир отдал сигнал об окончании боя и вгляделся в небо, приложив руку к глазам.

Площадь наводнилась криками.

— Дракон! Дракон! Дракон!!

Трубный рёв пронзил пространство.

Мои колени вдруг ослабли, и я опустилась прямо на землю.

— Леди Майя, вы в порядке? — метнувшись ко мне Джина выглядела испуганной.

— В полном, — вымученно улыбнулась я нагшаси. — Дракон... он только что бросил Киру вызов.

Это был не просто бой, не просто магический поединок... это было что-то за гранью понимания!

Противники кружили воздухе, сходились и расходились, атаковали и уходили от ударов, являя собой самое чарующее и пугающее зрелище, что я видела в жизни. Кир — верхом на Тите, дракон, понятно сам по себе.

Проявляя нечеловеческую прыть Кир буквально взлетал в воздух над грифоном, уворачиваясь от ударов лапами и хвостом. Я вскрикивала и зажимала себе рот обеими руками, чтобы случайно не «помочь» Киру, не приказать дракону отступить. Точно знала: такую победу зеленоглазый нагшас не примет.

Противники стояли один одного: анарх Кира сверкал в воздухе, отражая удары драконьего пламени, но я видела, что там, где он может нанести удар, Кир этого не делает.

— На что он рассчитывает? — проворчал за спиной Ишир. Я даже не заметила, как подошёл Кровный Хранитель, так была увлечена боем. — Он уже несколько раз мог его достать.

Кир балансировал на спине Тита, лишь благодаря нечеловеческой ловкости уворачиваясь от нападков дракона. Зайдя сбоку он совершил отвлекающий манёвр и взмыл над драконом. Тот перевернулся в воздухе, ударил кожистым шипастым крылом — и грифона отбросило в сторону.

У меня сердце остановилось, когда поняла, что Кир упал с такой высоты.

Но он не упал, он каким-то чудом успел ухватиться за крыло дракона!

Тот продолжил махать крыльями, оглашая весь Нагшас своим рёвом, пытаясь стряхнуть всадника!

Я с замиранием сердца смотрела, как дракон с болтающимся на крыле и таким хрупким с виду, с такого расстояния человеком взмывает в небеса, постепенно превращаясь в точку.

Позже я узнала, что прошло пару часов, прежде чем дракон появился снова.

Но тогда мне казалось, что стою на площади, вглядываясь в небо, целую вечность: много, много, очень много жизней. И никто не ушёл, наоборот, постепенно вся площадь заполнилась людьми.

— Вон он!

— Снижается!

— Он один!

— Я не вижу лорда!

— Он сбросил его!

— Леди, — прошептала Рона, обнимая меня за плечи. — Мне так жаль...

Я рассеяно провела пальцами по щекам и обнаружила, что они мокрые от слёз. Губы при этом то и дело норовили раздвинуться в идиотской улыбке и Джина испуганно предложила увести меня, тревожно переглядываясь с Роной за моей спиной.

Дракон кружил над ареной, постепенно снижаясь.

Нагшасы направили на него арбалеты, но дракона, похоже, нисколько это не волновало.

— Нет! — крикнула я. — Не смейте стрелять! Освободите площадь! Сейчас же!

Повторять дважды не пришлось.

Дракон опустился на площадь, затем тяжело приблизился ко мне и опустил голову, заглядывая в глаза.

— *Маймэй*, — прозвучал в голове родной голос.

— *Моя!* — раздался голос дракона.

— *Наша*, — заверил второе «я» Кир.

А потом чешуя дракона вдруг замерцала, пошла радужными волнами и в следующий миг смеющийся и совершенно голый (но без чешуи) Кир заключил меня в объятия.

И реальность потонула в хоре лужёных мужских глоток!

— Лорд-дракон! Лорд-дракон! Лорд-дракон!

Задние ряды подхватывали, и земля содрогалась от ритмичного топота и ударов копий о землю.

— Лорд-дракон! Лорд-дракон! Лорд-дракон!

— Мне будет не хватать твоей чешуи, — призналась я, проводя пальцами по гладкой щеке мужа. — И, знаешь, что, Кир...

— Что?

— Я в тебе не сомневалась. You are my hero...

Его ладонь накрыла мою кисть, прижимая ладонь к щеке.

— Он поддался, — шёпотом сообщил муж и подмигнул.

— Лорд-дракон! Лорд-дракон! Слава лорду-дракону! Слава! Слава! Слава!

С этими словами воины принялись опускаться на одно колено, склонив головы. Целая площадь коленопреклонённых нагшасов — это, я скажу, впечатляет!

Я даже сделала вид, что тоже собираюсь поклонить колено.

Кир со смехом дёрнул меня за руку на себя и прижал к груди.

— Должна же жена выразить почтению своему мужу-дракону! — почти искренне возмутилась я.

— Даже когда эта жена — ведьма и повелительница драконов? — спросили меня и шутливо щёлкнули по носу. — И ты думаешь, я тебе поверю?

— Ничего не могу с собой поделать, — доверительно прошептала я. — Имею непреодолимое желание...

— Поклонить колени? — усмехнулся этот зеленоглазый гад и подмигнул. — Ну не при всех же, Маймэй.

— Тогда полетели отсюда. Хватит стоять тут голым... без дела.

— Полетели!

Пользуясь случаем, приглашаю на огонёк в новую историю, которая уже ждёт вас на

моей странице: "Охота на ведьму". Роман выкладывается бесплатно и обещает быть очень весёлым и горячим, полным интриг и противостояния сильных характеров. В общем, коса на камень;)

Эпилог

— *Знаю, что невкусно, милая, знаю, а что поделать. В следующий раз не стоит так налегать на сладкое*, — увещевала я юную розовую дракончку, не забывая следить за тем, чтобы лекарство было полностью выпито.

Увещевала я, понятно, на драконьем. И меня слушались. Не могли не слушаться, чем я и пользовалась совершенно бессовестно.

С тех пор, как Тхагарат «открылся» для нагшасов, последние слишком уж ревностно приступили восполнять упущенное за века.

Лирэль — любимица Джины, так что у меня ни малейших сомнений в том, кто снабдил розовую таким количеством конфет.

— Хочешь откормить её так, чтобы попы от земли оторвать не смогла, облегчив тебе задачу на поединке? — строго спросила я помощницу.

Та, хоть и поняла, что я шучу, испуганно заморгала.

— Нет, миледи, что вы! И в мыслях не было. Она просто так смотрела...

Я бросила взгляд на розовую хитрющую морду и хмыкнула. Что-что, а смотреть Лирэль умеет, этого у розовой не отнять.

— Она должна выпить это тоже, — сообщила я, передавая ещё одну банку с лекарством Джине.

— Но как?

— Как хочешь, — я не злая, но несколько килограмм конфет для подрастающего организма, это, простите, слишком!

— Она же меня не послушается! — попыталась поканючить Джина.

— Скорее всего, — согласилась я. — Твоя задача — убедить.

Нагшаси вздохнула и кивнула.

Попрощавшись с ней и Лирэль, я направилась к утёсу.

За последние годы нагшасы — те, которых драконы приняли — построили здесь целый город. Состоящий в основном из шатров, но всё равно чудесный.

В пронзительно синем небе парят самые прекрасные создания из всех, какие можно только представить. Могучие, величественные, бесконечно мудрые...

Между разноцветных шатров снуют нагшасы, от мала до велика. Тренируются, учатся... Есть даже несколько школ, занятия в которых проходят прямо под открытым небом. И готовится к открытию академия. Для тех нагшасов, кто решил обрести внутреннего дракона, верного и преданного спутника, своё истинное «я».

Логику драконов, как и их избирательность, не понять. Они могут отказать в возможности пожить в Тхагарат опытному бойцу, а пустить мальчишку или девчонку. Или даже старика.

Впрочем, пытаться пройти драконий отбор можно каждый год, в последний день весны, который в Нагшасе зовут теперь Днём Возвращения. И если за год ты смог измениться, стать лучше, честнее, мудрее, искреннее... Небесные Врата открываются для тебя.

Живя бок о бок, две разъединённые в древности расы постепенно привыкают друг к другу, учатся жить вместе, одной семьёй.

Кир по-прежнему остаётся единственным драконом-нагшасом, но сны, посылаемые Безликой, предвещают, что не последним. Далеко не последним...

На прошлой неделе мы с Киром вернулись из нашего второго мира.

Мои родные в Нагшас переезжать наотрез отказались, так что пришлось завести себе ещё один дом.

Празднование папиного дня рождения всей большой семьёй растянулось на неделю. А потом с братьями, которые все, кроме Артёма за прошедшие годы успели жениться и обзавестись наследниками, навещали дедушек и бабушек на Кубани.

Я смотрела, как Кир играет с племянниками и думала, что у наших детей будет самый лучший отец. Когда-нибудь.

Анам, подслушав мои мысли, выглядывал из-под рукава футболки и хитро шурился.

В тот же день, когда Кир обрёл дракона, болезнь, наконец, оставила старого лорда. Который в общем-то оказался совсем не старым. Даже странно было, что этот зрелый мужчина, в самом расцвете сил, казался ещё недавно немощным стариком. К слову, с папой они подружились.

Цирцея, кстати, тоже давно перестала напоминать старуху, особенно с тех пор, как переехала в Тхагарат. Ведьма не нагшаси, но драконы ей рады. Как и леди Траверс, и Верховной эйве, которая прилетает раз в месяц на пару дней, не решаясь оставлять праХрам надолго.

Я стояла на краю утёса, вглядывалась в бескрайнюю синеву, утопающую в пушистом покрывале облаков и улыбалась. Прямо от уха до уха. Чувствуя его приближение...

Вроде и должна была уже привыкнуть, а ничего не могу с собой поделать.

Каждая встреча как в первый раз, только ещё пронзительней!

Дракон вынырнул из пушистого покрывала облаков, стрелой взмыл над плато, закружил над головой.

— *Маймэй*, — раздался в голове голос Кира.

— Кир!

— *Помнишь, я говорил, что у меня для тебя сюрприз?*

— *Кир... только не говори, что мы, наконец-то летим в Лунную долину!* — выпалила я. — *Потому что это... это... Это невероятно, Кир!*

Лунная долина находится примерно в неделе лёта от Нагшаса. Драконьего лёта, прошу заметить! Чтобы было понятно, это на другом материке! И гости из Жангалота, северного государства, которые были в Нагшасе полгода назад, говорили, что видели в горах дракона... серебристо-белого!

Мы с Киром тут же загорелись слетать, чтобы проверить, правда ли, что там, согласно древним легендам, обитают лунные драконы, но поездка по самым разным, зависящим от нас и не только причинам откладывалась.

Поэтому, когда Кир ещё с утра сообщил о сюрпризе, несложно было сложить два и два. Во мне нет драконьей крови, но в силу моего дара эти бесподобные создания — смысл моей жизни. И увидеть легендарных лунных драконов это... это... Это больше, чем мечта! И Кир это знает.

Тёмно-зелёный дракон с отливающей перламутром чешуёй сделал ещё один круг над головой, и затем принялся снижаться.

А когда опустился, оказалось, что на его спине сидит человек!

— Артём! — когда я подбежала, Кир уже успел сменить ипостась и стоял рядом с покачивающимся шурином, обнимая того за плечи.

А вот выражение лица Артёма надо было видеть!

— Мелкая, так вы... вы... — он, задрав голову, смотрел на кружащихся в небе драконов и пытался вымолвить хоть что-то членораздельное, но выходило так себе.

Кир, посмеиваясь, расстегнул за спиной брата рюкзак, и, выудив штаны, быстро надел их. Следом из рюкзака, фырча, выбралась Беська.

Надо сказать, Кир вовремя: к нам со всех ног спешила сияющая Джина с пустой банкой.

— Леди! — вопила она во всё горло. — Леди! Смотрите, у меня получилось! — и в доказательство перевернула банку вверх дном, с гордостью демонстрируя, что та пуста.

— Смотри, мама, как я могу, — не удержалась я, чтобы не пошутить.

Выражение лица Артёма изменилось мгновенно.

Теперь он смотрел на Джину. И только на Джину. Не так, как до этого на драконов. А как... скажем, словно нашёл слиток золота, или алмаз, в месте, где меньше всего рассчитывал его обнаружить.

— У тебя совесть есть? — не выдержала я. — Ты, между прочим, любимую сестру неделю не видел.

Смеясь, Артём привлёк меня к себе, взъерошил волосы, чмокнул в макушку.

Но судя по хитрому взгляду Кира и покрасневшим щекам нагшаси, даже когда этот гад меня обнимал, умудрялся смотреть на Джину!

— Ну, я пойду, — опустив ресницы пробормотала нагшаси. — Надо проверить, как Лирэль себя чувствует...

— Иди, — со смехом кивнула я.

— Я помогу! — устремился за нагшаси Артём, доказывая, что Богаевские в новом мире не теряются.

— Осторожно, брат! — крикнул ему в спину Кир, и, когда Артём обернулся, с улыбкой добавил: — Эта девушка — будущий дракон!

Вытащив на Кира глаза и сглотнув, Артём устремился за Джинной ещё быстрее.

— Так сюрприз — это Артём, да? — с нарочитой обидой в голосе спросила я мужа, шутливо ткнув его кулаком в рельефную грудь.

Кир рассмеялся.

— И это говорит леди, которая только что возмущалась, что брат на неё — ноль внимания!

— Ну серьёзно, Кир? Всего лишь Артём?

На этот раз муж смеялся дольше. А потом ещё дольше целовал.

— Вылетаем завтра на рассвете, — сообщил он и шутливо поморщился от моего восторженного визга. — Я смотрю, мой шурик тут не пропадёт.

— Казаки нигде не пропадут, — авторитетно подтвердила я.

— Мям! — раздалось снизу.

— Ты тоже так считаешь? — улыбнулся Кир Беске.

— Не-а, — покачала я головой. — Она считает, что лунные драконы будут счастливы познакомиться с маленькой чёрной кошкой.

КОНЕЦ